ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 8. № 2/2022

DISCOURSE

Volume 8. No. 2/2022

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2022

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.
Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.
Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).
Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.
Языки: русский, английский.
Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора
Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь
М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия
Ю. А. Дубовский, д-р филол. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия
С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, СПб., Россия
В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия
Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия
Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия
А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
Е. В. Строгецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия
В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия
А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия
С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия
В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия
М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic
Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL., USA
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:
Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:
• Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
• Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
• Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).
Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.
Задачи:
• публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;
• осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
• интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
• усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.
Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте https://discourse.etu.ru

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление. СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.
Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.
Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.
Editorial adress: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, http://discourse.etu.ru

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief
Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary
Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia
Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia
Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia
Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia
Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia
Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia
Elena V. Strogetskaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia
Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia
Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia
Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia
Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia
Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia
Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic
Randall E. Auxier, Ph. D., Prof., Southern Illinois University Carbondale, Carbondale IL., USA
Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:
• Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
• Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
• Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).
The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.
All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:
• Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
• Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
• Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
• Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.
Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at https://discourse.etu.ru

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Лисанюк Е. Н. Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов....5
Дёмин Т. С., Фролов К. Г. Машины и человеческая эпистемология....17
Сироткин Ю. Л. Исторический пространственно-временной континуум как антропологический феномен....28
Шкаброва М. В. Соотношение феноменологических черт восприятия с семантикой сингулярных термов в контексте установок вкуса и желания....41

СОЦИОЛОГИЯ

Лебедева С. С., Кудрявцева М. Е. Профессиональная деятельность инвалидов как фактор развития образования в инклюзивном социуме....53
Ковтун Е. А. Коррупция как социальная проблема: конструкционистский подход....66
Марченко Е. Е., Орешкин В. Г., Плебанек О. В. Кому нужны традиционные ценности? Проблема интеграции традиционных культур в современное общество....78
Колянов А. Ю. Семиозис искусственного интеллекта и социальное развитие....88

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal logic 2....98
Архипова И. В., Рожков Г. А., Приступа С. В., Сергопольцева Е. О., Туманова А. П. Мотивация студентов при изучении иностранных языков в фармацевтическом вузе....113
Telezhko G. M. Research on the Structure of Indo-European Dialect Continuum by Comparing Swadesh Lists of the Closest Descendant Languages....124
Кочетова Л. А., Демкина Я. Ю. Ключевые слова как индикаторы коммуникативного поведения дискурсивной личности кандидата в президенты США (на материале текстов жанра предвыборных дебатов)....158

Правила представления рукописей авторами....174

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Lisanyuk E. N. Three Approaches to Criticisms and Support in Evaluation of Arguments....5
Demin T. S., Frolov K. G. Machines and Human Epistemology”....17
Sirotkin Yu. L. The Historical Space-Time Continuum as an Anthropological Phenomenon....28
Shkabrova M. V. Relation between Phenomenological Features of Perception and Semantics of Singular Terms in the Context of Taste and Desire Attitudes....41

SOCIOLOGY

Lebedeva S. S., Kudryavtseva M. E. Professional Activities of Disabled People as a Factor of the Development of Education in an Inclusive Society....53
Kovtun E. A. Corruption as a Social Problem: a Constructionist Approach....66
Marchenko E. E., Oreshkin V. G., Plebanek O. V. Who Needs Traditional Values? The Problem of Integrating Traditional Cultures into Modern Society....78
Kolianov A. Yu. Semiosis of Artificial Intelligence and Social Development....88

LINGUISTICS

Polyakov O. M. Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal logic 2....98
Arkhipova I. V., Rozhkov G. A., Pristupa S. V., Sergopoltseva E. O., Tumanova A. P. Students' Motivation under the Study of Foreign Languages in a Pharmaceutical University....113
Telezhko G. M. Research on the Structure of Indo-European Dialect Continuum by Comparing Swadesh Lists of the Closest Descendant Languages....124
Kochetov L. A., Demkina Ya. Yu. Key Words as Markers of the Communicative Behavior of the Discursive Personality of the Nominee to the USA Presidency (Based on the Genre of Pre-Election Debates)....158

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 5–16
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 5–16

Философия
Philosophy

Оригинальная статья
УДК 162.6
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-5-16

Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов

Елена Николаевна Лисанюк

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, elisanyuk@hse.ru, https://orcid.org/ 0000-0003-0135-4583

Введение. В статье отстаивается идея о том, что в моделировании и оценке аргументов критика и контраргументация играют более важную роль, чем защита и поддержка тезиса. Новизна этой идеи заключается в смещении главного фокуса исследования аргументации с обоснования и доказательства, с которыми ее традиционно связывают, на критику и опровержение. По сравнению с обоснованием и доказательством, критика и опровержение играют едва ли не более важную роль в контексте мягких навыков и коммуникации в практической деятельности людей, включая получение и проверку информации. Актуальность исследования продиктована тем, что аргументация – это краеугольный камень в обеих указанных сферах деятельности, значение которых на современном этапе возрастает.

Методология и источники. В современной теории аргументации выделяют три подхода к пониманию критики, связанные с тремя подходами к пониманию аргумента: выводным, диалогическим и абстрактным. Выводной взгляд на аргумент полагается на верификацию и нацелен на обоснование заключения посредством выведения его из посылок. Диалогический взгляд видит в нем основания, предлагаемые его автором адресату, чтобы развеять сомнения последнего по поводу заключения аргумента ради убеждения или достижения согласия, и проверяет пригодность аргумента при помощи обоснования и отклонения возражения, полагаясь на принципы верификации и фальсификации. Абстрактный аргумент отвлекается от внутреннего строения умозаключения и оценивает приемлемость через фальсификацию, полагаясь на отклонение аргументов в защиту противоположного заключения.

Результаты и обсуждение. Выводной аргумент предполагает одношаговую критику на основе его анализа и окончательную оценку со стороны его автора, диалогический подразумевает многошаговый пересмотр оценки, осуществляемой преимущественно адресатом по итогам диалога, а абстрактный аргумент сводит свою функцию к способности противостоять контраргументации, что демонстрирует его роль в защите от критики множества аргументов, к которому он принадлежит.

Заключение. В диалоговом и абстрактном аргументах для обоснования и защиты тезиса возражения и критика аргументов играют более важную роль, чем определяемые с их помощью защита и поддержка, играющие ведущую роль в выводном аргументе.

Ключевые слова: выводной, диалогический и абстрактный аргументы, оценка аргумента, контраргумент, пригодность аргумента

© Лисанюк Е. Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 5–16
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 5–16

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»).

Для цитирования: Лисанюк Е. Н. Три взгляда на критику и поддержку в оценке аргументов // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-5-16.

Original paper

Three Approaches to Criticisms and Support in Evaluation of Arguments

Elena N. Lisanyuk

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
elisanyuk@hse.ru, https://orcid.org/0000-0003-0135-4583

Introduction. In the article we defend a claim that criticisms and counterarguments play a more important role in modeling and evaluating arguments than defending and supporting the thesis. The novelty of this idea lies in that it shifts the main focus of the study of argumentation from the support and proof, with which it is traditionally associated, to criticism and refutation. Compared to the support and proof, criticism and refutation play more important role in the context of soft skills and communication in the practical activities, including obtaining and verifying information. The relevance of our study is dictated by the fact that argumentation is essential in both of the areas of activities, the importance of which is increasing at the present stage.

Methodology and sources. We identify three ways to understanding criticism with respect to three approaches to understanding of arguments, – inferential, dialogical and abstract. The inferential view relies on verification and aims to justify a conclusion by deriving it from premises. The dialogical view sees in it the grounds offered by its author to its addressee. The author aims at achieving the latter's consent to its conclusion, and the acceptability of the arguments is verified by both justifying their conclusions and rejecting objections to them. The dialogical view relies on the principles of verification and falsification. The abstract view abstracts from the internal structure of arguments and evaluates their acceptability through the falsification, conveying the rejection of arguments in defense of the opposite conclusion.

Results and discussion. The inferential view presupposes one-step criticism based on its analysis and final assessment, the dialogical one presupposes a multi-step revision of the assessment, and the abstract view implies arguments' ability to reject counterarguments and demonstrates its role in defending the set of arguments to which it belongs protecting many arguments from criticism to which it belongs.

Conclusion. In the dialogical and abstract approaches, objections and criticisms of arguments play a more important role in justifying and defending arguments than the defense and support defined by them, which play a leading role in the inferential approach to arguments.

Keywords: inferential, dialogical and abstract arguments, evaluation of arguments, counterargument, acceptability of arguments

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00158 "Formal Philosophy of Argumentation and a Comprehensive Methodology for Searching and Selecting Dispute Resolutions").

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 5–16
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 5–16

For citation: Lisanyuk, E.N. (2022), "Three Approaches to Criticisms and Support in Evaluation of Arguments", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-5-16 (Russia).

Введение. Стандартный взгляд на критику аргументов, излагаемый в большинстве учебников по логике и аргументации, с одной стороны, состоит в разграничении критики по существу спора и критики, направленной на различные аспекты его конкретной реализации – личности участников, особенности их поведения и речи, специфику и назначение спора и т. д. С другой стороны, разграничивают критику по ее нацеленности на структурные элементы аргументов (выделяя критику посылок, способа демонстрации и контраргументацию) или опровержение аргумента путем доказательства противоположного заключения. Такой подход характерен для влиятельных и многократно переиздаваемых отечественных [1, Гл. 8; 2, Гл. X; 3, с. 208–212] и зарубежных учебников [4, Ch. 3, 4; 5, Ch. 2, 5], а также сборников упражнений [6, Гл. 6; 7, п. 1.6.4]. Обсуждение критики аспектов реализации споров, т. е. их прагма-риторических и коммуникативных особенностей, оставляем за рамками этой статьи и фокусируемся на особенностях критики по существу, следуя отечественной традиции их различать заведенной, по-видимому, в [8] и продолжаемой отечественными исследователями аргументации, например [9, Гл. 9; 10, Гл.2, 8; 11].

Аргумент – это рассуждение, состоящее из упорядоченного набора предложений, и его можно рассматривать трояко:

1) как выводное умозаключение, продукт интеллектуальной операции перехода от истинности предложений, выступающих его посылками, к истинности другого предложения или заключения;

2) как элемент диалога или специфический ход в нем, представляющий собой процесс или процедуру выдвижения оснований в пользу истинности какого-либо утверждения, выражающего мнение по тому или иному вопросу и выступающего заключением рассуждения с целью развеять сомнения адресата или достичь согласия по поводу его истинности в диалоге;

3) как несамостоятельную часть умозаключения или хода в диалоге, посылку или заключение, в первом или во втором смысле, включая выведение заключения из пустого множества посылок.

Аргументы в смыслах 1 и 2 различаются не по строению, а по их функциям в диалоге, а аргумент в смысле 3 сводит их различия исключительно к внутреннему строению, изучаемому логикой. В смысле 3 аргумент часто понимают как энтимему – неполное рассуждение, наиболее распространенный прием предъявления аргументов в диалоге. Современное представление об энтимеме тяготеет к смыслу 1, трактуя аргумент как корректное умозаключение с опущенными элементами, которое можно восстановить без потери корректности, в отличие от близкого смыслу 2 ее аристотелевского понимания как диалектического средства убеждения аудитории, «силлогизма из вероятного или из признака» [12, 70a 10–11], учитывающего особенности аудитории, к которой он обращен. Если абстрагироваться от того, какую роль в оценке аргумента играют адресаты и критика адресатами аргумента, и трактовать аргумент в смысле 2, то окажется, что «энтимема невозможна, поскольку отсутствует порождающий ее источник – речевое общение, диалогическая контекстуальность языка, которые превращают энтимему из логически ущербной формы рассуждения в суще-

ственную характеристику языка, выражающую его природу» [13, с. 165]. Если же понимать аргумент в смысле 1, то энтимема избыточна, поскольку идеалом аргумента для обеих сторон – адресата и автора, мыслится полное демонстративное умозаключение, и критика аргумента сводится к опровергающему его контраргументу, доказывающему противоположное заключение. Таким образом, если отвлечься от роли адресатов и критики адресатами аргументов и сфокусироваться на их строении, как это принято в логике, то, вопреки своему широкому применению, энтимема оказывается либо невозможной, либо избыточной, что трудно согласуется с привычным представлением об аргументации и аргументах, независимо от того, в каком смысле их понимать.

Пример с невозможностью или избыточностью энтимем подсказывает желательность обобщения понимания аргументов с учетом роли критики в их оценке. Эту задачу можно решить, если рассмотреть аргумент не только как выводное умозаключение в смысле 1, но и как рассуждение в диалоге, рассуждение в коммуникативной форме в смысле 2, и в критике аргумента увидеть необходимое условие его обоснованности. Для реализации этого плана обсудим разграничение между тремя современными взглядами на аргумент – выводным, диалогическим и абстрактным, что позволит обобщить три смысла понимания аргументов и уточнить роль адресата и критики аргумента применительно к этим трем взглядам.

Методология и источники. В теории аргументации вплоть до конца XX в. главной функцией аргумента считалась поддержка тезиса – заключения аргумента, что роднило ее с логикой и давало прочное основание логическим подходам в теории аргументации. На поддержке тезиса сфокусирован выводной взгляд на аргумент в смысле 1, трактующий его как продукт умственной деятельности безотносительно того, в уме какого агента она реализуется, и как вывод – переход от посылок к заключению с сохранением истинности. Диалогический взгляд на аргумент, соответствующий пониманию аргумента в смысле 2, а затем и абстрактный взгляд на него, обобщающий выводной и диалогический, возникают во второй половине XX в.

Диалогический взгляд выступает выражением так называемых человеко-ориентированных концепций аргументации, рассматривает аргумент как процесс или процедуру обоснования или опровержения в диалоге и фокусируется на ее риторических и формально-диалектических аспектах. В отличие от выводного, диалогический взгляд оценивает эффективность аргумента не по его строению или логической форме, а по его способности убедить аудиторию или оппонентов, а выявить и оценить эту способность предлагает при помощи уточнения процедур и правил реализации диалогов, где приводят аргументы. Наиболее яркими сигналами выхода на сцену диалогического взгляда на аргумент в аспекте оценки аргументов со стороны адресата, а не автора, и роли критики в ней стали риторическая концепция Хаима Перельмана и модель аргументации Стивена Тулмина. Перельман сформулировал идею абстрактного «рационального судьи» для оценки аргументов по аналогии с рациональным судьей в праве, который «привержен неизменному божественному стандарту, или духу системы, логике и согласованности, сообразности с прецедентами и целеустремленности», и предложил понятие схемы аргументации для недемонстративных рассуждений по аналогии с логической формой умозаключения, чтобы отличить разумные аргументы от неразумных, по аналогии «с характеристикой решения дела, того факта, что оно

приемлемо или нет для общественного мнения, что его последствия социально полезны или вредны, оно представляется справедливым или предвзятым» [14, p. 32]. Тулмин, ссылаясь на идеи философов права Герберта Харта об отменяемости и Альфа Росса о существовании исключений из этических правил, впервые составной частью аргумента сделал отклонение возможного возражения (rebuttal) со стороны адресата [15, p. 131–132], которое может быть критикой посылки или демонстрации. Согласие адресата с возражением выступает основанием, подрывающим поддержку заключения [16, с. 329]. Диалогический взгляд обращен на роль аргумента по отношению к его адресату в диалоге и видит ее в поддержке тезиса посредством отклонения критики и выражении сомнений, возникающих у адресата.

Абстрактный аргумент, как и диалогический, основной функцией аргумента считает защиту от критики, но идет дальше в том, что определяет поддержку тезиса как производную от отклонения критики. Абстрактный взгляд на аргумент схож с выводным взглядом в формальном подходе к аргументации, оценивая прежде всего ее строение, поэтому выступает выражением современного логико-ориентированного подхода к аргументации. Однако в отличие от выводного взгляда, изучающего аргументацию через выявление логической формы умозаключений, или внутреннего строения каждого из них по отдельности в смысле 1, абстрактный взгляд исследует аргументацию при помощи специальных графов, моделирующих строение спора целиком при помощи аргументационной структуры – упорядоченного множества аргументов. Граф визуализирует отношения между аргументами как атомарными единицами спора и выступает своего рода аналогом логической формы отдельного спора, а не отдельного умозаключения. Абстрактный взгляд видит аргументы в смысле 1 как частный случай аргумента в смысле 2.

В эпистемологическом смысле критика и аргументация выступают инструментом достижения знания как обоснованного истинного мнения и подразумевают изменение взглядов людей – авторов и адресатов аргументации, вследствие пересмотра оценки аргументов и ревизии мнений в ходе диалога. Готовность изменить свое мнение под влиянием аргументов, или непредвзятость – необходимое условие аргументации в диалектических концепциях аргументации [17, 18]. Это касается оценки и переоценки отдельных аргументов в диалоге, а также в целом точек зрения по обсуждаемому вопросу. Например, если аргумент *A* отклонен контраргументом *B*, но затем в защиту аргумента *A* выдвинут новый довод *C*, то выраженную контраргументом *B* негативную оценку *A* надлежит пересмотреть и вернуть *A* в строй в качестве защищенного аргумента, а *B*, наоборот, отклонить как несостоятельную критику, негативную оценку которой в дальнейшем, быть может, тоже придется пересмотреть, если в защиту *B* появится новый контраргумент *D*, возражающий против *C*, и т. д.

В таком обмене аргументами в дискуссии, сопровождаемом их критикой и переоценкой, ничего необычного нет, однако он не согласуется с концепциями аргументации, проистекающими из выводного взгляда на аргумент и изложенными в большинстве современных учебников по логике и теории аргументации. Из разделов, посвященных логическим теориям, таким как традиционная силлогистика и пропозициональная логика [19, p. 43–44], выводной взгляд экстраполирован на учения о доказательстве и основах аргументации [1, с. 216–220], следствием чего оказывается избыточность или невозможность энтимемы, как показано выше.

В проверке обоснованности и корректности умозаключения выводной взгляд полагается на принцип верификации и в результате трактует и аргумент, и критику как продукты одношаговой интеллектуальной деятельности в русле закона исключенного третьего или игры с нулевой суммой, потому что не допускает пересмотра мнения, рискующего привести к противоречию. Идеалом аргумента для выводного взгляда служит демонстративное умозаключение, связывающее посылки и заключение отношением логического следования. Ограничением для такого взгляда, требующего перед лицом критики обосновать обоснование обоснования и т. д. достоверности и корректности рассуждений, выступает, с одной стороны, трилемма Мюнхгаузена, а с другой – проблема логического всеведения.

Два других взгляда на аргумент – диалогический и абстрактный, полагаются в разной мере на принцип фальсификации. Для диалогического взгляда характерен компромиссный подход, допускающий оценку аргументов на основе и того и другого принципов, а абстрактный взгляд зиждется исключительно на принципе фальсификации. Диалогический и абстрактный взгляды расценивают критику двояко: как возражения и возражения на возражения в диалоге и как защиту от них соответственно. В результате обоснованными будут те аргументы, которые либо не подверглись критике, либо в споре их удалось защитить от критики в адрес посылок или демонстрации, в том числе отклонив контраргументацию в форме опровержения. Диалогический взгляд на аргумент характерен для учебников по критическому мышлению, это рассуждение, дающее адресату основания считать какое-либо утверждение истинным [5, p. 10] и предназначенное его автором для того, чтобы развеять сомнения адресата в истинности заключения или парировать критику со стороны адресата. Диалогический взгляд заключается в том, что умозаключение, порождаемое в уме говорящего, предназначено для достижения согласия аудитории с полученным заключением, так что аргумент служит для предъявления основания в его защиту. Диалогический взгляд преодолевает трилемму Мюнхгаузена, отводя адресату решающую роль в оценке аргумента. Риска логического всеведения диалогическому аргументу удается избежать при помощи усиления роли возражения и критики в оценке аргумента, что подразумевает когнитивное многообразие автора и адресата.

Между выводным и диалогическим взглядом строгой несовместимости нет, они оба имеют античные корни. В наследии Аристотеля первый представлен демонстративным силлогизмом [12, 24b18–20], а второй – доказательством через опровержение [20, 1006a 18–22]. Однако отождествить их нельзя в силу ряда различий, одно из которых – упомянутая выше энтимема, в аристотелевском понимании имеющая эпистемологические корни. Из прочих отметим четыре наиболее существенных в контексте критики аргументов, все они связаны между собой. Во-первых, ключевую роль в выводном аргументе играет обоснование заключения путем выведения его из посылок, а в диалогическом аргументе роли распределены между критикой, посредством отклонения которой осуществляется обоснование заключения, и выведением его из посылок. Во-вторых, выводной аргумент не допускает пересмотра заключения, в чем диалогический видит свою главную миссию. В-третьих, как уже говорилось, если выводной взгляд трактует аргумент как продукт интеллектуальной деятельности, то диалогический аргумент представляет собой процедуру, включающую обоснование и критику в диалоге. И, наконец, четвертым существенным отличием выступает роль

рассуждающего и слушателя или аудитории, от которой выводной аргумент отвлекается, а диалогический аргумент, напротив, на нее нацелен.

Результаты и обсуждение. Критика выводного аргумента заключается в том, чтобы продемонстрировать истинность противоположного заключения. Она представляет собой контраргументацию и опровержение критикуемого аргумента даже в тех случаях, когда нацелена поставить под вопрос его обоснованность или корректность, и атакует, соответственно, посылки или способ демонстрации. Критика и возражения для диалогического взгляда на аргумент играют роль едва ли не большую по сравнению с обоснованием. Диалогический аргумент предусматривает многошаговую критику и пересмотр оценок утверждений и аргументов в ходе диалога, в противном случае затруднительно было бы говорить об аргументах как основаниях, предъявляемых автором адресату ради достижения согласия по поводу мнения, выраженного в заключении аргумента. Выдвигая аргумент в защиту своей точки зрения, автор призывает адресатов решить, принять его или нет в зависимости от качества самого аргумента, возражений и контраргументов адресата, а также от мнения адресата по обсуждаемому вопросу. Приведенное описание обмена аргументами с пересмотром их оценки нехарактерно для выводного аргумента, но характерно для диалогового, где критика нацелена на соответствие аргумента критериям пригодности, и для абстрактного, где отсутствие критики означает отсутствие аргументации.

Понятие абстрактного аргумента появилось в теории аргументации в конце XX в. и было привнесено в нее из программ искусственного интеллекта [21], благодаря чему возникла новая область изучения аргументации на стыке информатики, логики и теории аргументации. В качестве новой ветви логики выступает логика аргументации, которую рассматривают как развитие немонотонной логики с процедурной, или алгоритмической семантикой [22]. В качестве нового направления в теории аргументации эту область исследования называют абстрактной аргументацией [23].

Абстрактный аргумент отвлекается от внутреннего строения аргументов, что позволяет оставить в стороне различия между аргументами в смыслах 1, 2 и 3, а также различия между демонстративными и недемонстративными умозаключениями в качестве аргументов в ходе их оценки. Абстрактный аргумент считает стороны спора, авторов и адресатов аргументов рациональными агентами в смысле, близком к тулминовскому пониманию, и обусловливает убедительность аргументации тем, «насколько успешно аргумент, поддерживающий позицию в споре, может быть защищен против контраргументов» [21, p. 323]. Этот взгляд изучает функции аргумента в диалоге при помощи символизирующего критику бинарного отношения атаки (отклонения) в парах аргументов, которые могут образовывать цепочки, символизирующие выдвижение аргументов и возражений.

Например, пусть в споре *F* предъявлены аргументы следующим образом: *attack* [*B*, *A*], *attack* [*C*, *B*], *attack* [*D*, *C*]. В *F* из четырех составляющих его аргументов аргументы *B* и *D* приемлемые, потому что *B* атакован и защищен контратакой, а *D* не атакован. *B* и *D* образуют бесконфликтное допустимое множество аргументов, а *A* и *C* отклонены. Тогда между *B* и *D*, т. е. на бесконфликтном подмножестве аргументов, можно определить отношение поддержки (защиты) – *support [D, B]*, как производное от отсутствия отношения *attack* между ними [24, с. 36].

Абстрактный взгляд на аргумент служит обобщением выводного и диалогического взглядов и стремится на новой концептуальной основе согласовать между собой четыре существенных отличия между ними, о которых шла речь выше. По первым трем из них он идет в русле диалогового взгляда, а по четвертому – отвлекается от антропного представления об авторе и адресате, рассматривая их как интеллектуальных агентов или базы данных, генерирующие гипотезы на основе имеющихся знаний и осуществляющие их проверку путем отбрасывания несовместимых следствий. Абстрактный взгляд исходит из отменяемого характера знания и во главу угла ставит принцип фальсификации. Он стремится избежать рисков скатывания в релятивизм и скептицизм при помощи двух режимов проверки знаний, в которых можно видеть заимствования из немонотонной логики или развитие идей Перельмана и Тулмина о роли адресатов и их возражений в оценке аргументов [25]. Скептический алгоритм исключает выведение следствий из неконсистентных, т. е. небесконфликтных подмножеств аргументов, так что для защиты аргумента необходимо отклонить все атакующие его аргументы. Доверительный алгоритм допускает в такой ситуации выведение более одного следствия из каждого из бесконфликтных подмножеств, фрагментируя их на предпочтительные бесконфликтные подмножества, так что для защиты аргумента достаточно, чтобы он не был атакован на данном подмножестве.

Это позволяет, хотя и формально, учесть роль адресата, генерирующего атаки. Критерий пригодности абстрактного аргумента сводится к его приемлемости, а допустимость касается множеств аргументов, упорядоченных отношениями атаки. Независимо от своего внутреннего строения и истинности посылок, пригодными являются аргументы, способные противостоять критике либо не атакованные, что дает возможность определить обоснование через критику и опровержение.

Выводной взгляд смотрит на аргумент как на продукт интеллектуальной деятельности виртуального агента и зиждется на умозаключении, посредством которого от истинности одних предложений – посылок, переходят к истинности заключения – предложения, которое желают обосновать. Оценка такого аргумента окончательная, неизменная и абсолютная. Она производится после того, как заключение получено, и если аргумент пригодный, то она сводится к оценке автором, выдвинувшим его, либо к оценке адресата – автора контраргумента, если аргумент непригодный.

Рассмотрим, какую роль играет критика в стандартах оценки аргументов. Стандартные критерии пригодности выводного аргумента – формальный, семантический (истинностный) и прагматический (ФСП-критерии). Каждый из них является необходимым, а вместе они образуют достаточное условие пригодности аргумента. Нетрудно обнаружить эти критерии в учебниках по логике и аргументации, несмотря на то что они чаще формулируются как требование логической связи между посылками заключением, обоснованности аргумента и его уместности соответственно, и редко даются эксплицитно в качестве критериев пригодности. Первые два критерия отвечают, соответственно, за логическую корректность и истинность составляющих его предложений. Прагматический критерий говорит, что аргумент должен быть нацелен на обоснование истинности тезиса или убеждение аудитории в этом, и иные намерения, такие как выиграть спор, развлечь аудиторию и т. п., не допускаются. Поскольку оценка аргумента как пригодного или нет является окончательной,

постольку ее пересмотр в диалоге невозможен, и когда имеются аргумент и контраргумент, то подразумевается, что один из них отклоняет другой из-за того, что отклоненный не отвечает какому-либо из ФСП-критериев. Это также означает, что для выводного аргумента существует только одношаговая критика, а достижение компромисса в дискуссии невозможно.

Диалогический аргумент предназначен для того, чтобы защищать, критиковать или ставить под вопрос какое-либо мнение в диалоге. За формальную корректность и истинность диалогического аргумента отвечает критерий приемлемости (acceptability), а за процессуально-процедурную пригодность – критерии релевантности (relevance) и достаточности (sufficiency) [26] (ПРД-критерии). Релевантный аргумент должен выполнять свои функции поддержки или критики в цепочке рассуждений независимо от того, связан содержательно с поддерживаемым им тезисом или нет; достаточный аргумент – тот, что отклоняет контраргументацию или устраняет сомнения аудитории. Как и ФСП-критерии, каждый из ARS- или ПРД-критериев выступает необходимым условием пригодности аргумента, а вместе они составляют достаточное условие для этого. Оценка диалогического аргумента по ПРД-критериям тоже окончательная, но по итогам диалога, где его приводят. В ходе диалога адресат может оспорить соответствие аргумента ПРД-критериям, отклонив его, а автор – защищать новыми аргументами и т. д. Возможность пересмотра своей оценки аргументов в диалоге заложена в самой сути диалогового аргумента, в противном случае бессмысленно было бы говорить об аргументах как об основаниях, которые автор предлагает аудитории, чтобы она согласилась с истинностью тезиса. Пересмотр оценки аргумента на основе контраргументации и возражений является сутью оценки пригодности абстрактного аргумента, осуществляемой посредством единственного критерия приемлемости, трактуемого формально относительно отношения *attack* на данной аргументационной структуре: аргумент *B* приемлем, если найдется контраргумент для каждого атакующего его аргумента в защиту противоположного мнения, в противном случае *B* неприемлем.

Заключение. В современной теории аргументации выделяют три основных взгляда на аргумент: выводной, подразумевающий интеллектуальную процедуру выведения заключения из посылок; диалогический, когда в аргументе видят выдвижение оснований для достижения согласия адресата с заключением; абстрактный, обобщающий первые два взгляда и трактующий аргумент как защиту тезиса посредством отклонения возражений. Абстрактный взгляд характерен для новой ветви логики – логики аргументации. В диалоговом и абстрактном взглядах для обоснования и защиты аргументов возражения и критика аргументов играют более важную роль, чем определяемые с их помощью защита и поддержка, играющие ведущую роль в выводном аргументе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивлев Ю. И. Логика: учеб. М.: Логос, 1998.
2. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учеб. М.: Юристъ, 1999.
3. Логика / под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М.: Проспект, 2010.
4. Copi I. M., Cohen C. Introduction to Logic. London; NY: McMillan, 1990.
5. Moore B. N., Parker R. Critical thinking. NY: McGraw-Hill, 2009.
6. Кириллов В. И., Орлов Г. А., Фокина Н. И. Упражнения по логике: учеб. пособие. М.: Проспект, 2007.

7. Упражнения по логике / под ред. Л. Г. Тоноян. М.: Проспект, 2014.

8. Поварнин С. И. Искусство спора. О теории и практике спора // Сочинения. СПб.: Институт иностранных языков, 2015. С. 481–590.

9. Ивин А. А. Основы теории аргументации: учеб. М.: ВЛАДОС, 1997.

10. Герасимова И. А. Введение в теорию и практику аргументации: учеб. пособие. М.: Университетская книга, Логос, 2007.

11. Рыскельдиева Л. Т., Коротченко Ю. М., Шапиро О. А. Политические ток-шоу: цели, аргументация, смысл // Ученые записки Крымского фед. ун-та имени В. И. Вернадского. Сер. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69), № 3. С. 42–52.

12. Аристотель. Первая аналитика // Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 117–254.

13. Мигунов А. И. Энтимема в аргументативном дискурсе // Логико-философские штудии: электронное изд. 2006. № 4. С. 149–165.

14. Perelman Ch. The Rational and the Reasonable // The New Rhetoric and the Humanities. 1979. P. 117–123. DOI: 10.1007/978-94-009-9482-9_11.

15. Toulmin S. E. The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511840005.

16. Микиртумов И. Б. Заметки по риторике и теории аргументации // Логико-философские штудии: электронное изд. 2019. Т. 17, № 4. С. 306–361. DOI: https://doi.org/10.52119/LPHS.2019.79.70.004.

17. Walton D. N, Krabbe E. C. W. Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning. Albany, NY: State Univ. of New York Press, 1995.

18. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.

19. Barwise J., Etchemendy J. Language, proof and logic. Stanford: CSLI Publ., 1999.

20. Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63–367.

21. Dung P. M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming, and n-person games // Artificial Intelligence. 1995. Vol. 77, iss. 2. P. 321–357. DOI: https://doi.org/10.1016/0004-3702(94)00041-X.

22. Amgoud L., Prade H. Towards a Logic of Argumentation / E. Hüllermeier, S. Link, T. Fober, B. Seeger (eds.). Scalable Uncertainty Management. SUM 2012. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 7520. Berlin, Heidelberg: Springer. P. 558–565. DOI: 10.1007/978-3-642-33362-0_43.

23. Prakken H., Vreeswijk G. Logic for Defeasible Argumentation // Handbook of Philosophical Logic / ed. by D. M. Gabbay and F. Guenthner. Vol. 4. Kluwer: Dordrecht, 2002. P. 218–319.

24. Лисанюк Е. Н. Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015.

25. Verheij B. The Toulmin Argument Model in Artificial Intelligence, or: how semi-formal, defeasible argumentation schemes creep into logic // Argumentation in Artificial Intelligence / B. I. Rahwan, G. R. Simari (eds.). Boston, MA: Springer, 2009. P. 219–239. DOI: 10.1007/978-0-387-98197-0_11.

26. Johnson R. H., Blair J. A. Logical Self-Defense. NY: Idebate Press, 2006.

Информация об авторе.

Лисанюк Елена Николаевна – доктор философских наук (2016), доцент (2004), профессор кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 170 научных публикаций. Сфера научных интересов: логика, аргументация, деонтическая логика, история логики, формальная философия, логика действия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.11.2021; принята после рецензирования 03.12.2021; опубликована онлайн 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 5–16
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 5–16

REFERENCES

1. Ivlev, Yu.I. (1998), *Logika* [Logic], Logos, Moscow, RUS.

2. Kirillov, V.I. and Starchenko, A.A. (1999), *Logika* [Logic], Yurist, Moscow, RUS.

3. *Logika* [Logic] (2010), in Migunov, A.I,. Mikirtumov, I.B. and Fedorov, B.I. (eds.), Prospekt, Moscow, RUS.

4. Copi, I.M. and Cohen, C. (1990), *Introduction to Logic*, London; NY: McMillan, USA.

5. Moore, B.N. and Parker, R. (2009), *Critical thinking*, McGraw-Hill, NY, USA.

6. Kirillov, V.I., Orlov, G.A. and Fokina, N.I. (2007), *Uprazhneniya po logike* [Exercises in logic], Prospekt, Moscow, RUS.

7. *Uprazhneniya po logike* [Exercises in logic] (2014), in Tonoyan, L.G. (ed.), Prospekt, Moscow, RUS.

8. Povarnin, S.I. (2015), "The art of arguing. On the theory and practice of the dispute", *Sochinenija* [Compositions], Institut inostrannyh jazykov, SPb., RUS, pp. 481–590.

9. Ivin, A.A. (1997), *Osnovy teorii argumentatsii* [Fundamentals of the theory of argumentation], Gumanit. izd. tsentr VLADOS, Moscow, RUS.

10. Gerasimova, I.A. (2007), *Vvedenie v teoriyu i praktiku argumentatsii* [Introduction to the theory and practice of argumentation], Universitetskaya kniga, Logos, Moscow, RUS.

11. Ryskeldieva, L.T., Korotchenko, Yu.M. and Shapiro, O.A. (2017), "Political Talk-Show: Purposes, Argumentation and Sense", *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal Univ. Philosophy. Political science. Culturology,* vol. 3 (69), no. 3, pp. 42–52.

12. Aristotel' (1978), "First Analytics", *Soch. v 4-kh t. T. 2.* [Works in 4 vol. Vol. 2], Mysl', Moscow, USSR, pp. 117–254.

13. Migunov, A.I. (2006), "Enthymeme in Argumentative Discourse", *Logiko-filosofskie studii*, no. 4, pp. 149–165.

14. Perelman, Ch. (1979), "The Rational and the Reasonable", *The New Rhetoric and the Humanities*, pp. 117–123. DOI: 10.1007/978-94-009-9482-9_11.

15. Toulmin, S.E. (2003), *The Uses of Argument*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. DOI: https://doi.org/10.1017/CBO9780511840005.

16. Mikirtumov, I.B. (2019), "Notes on rhetoric and theory of argumentation", *Logiko-filosofskie studii*, vol. 17, no. 4, pp. 306–361. DOI: https://doi.org/10.52119/LPHS.2019.79.70.004.

17. Walton, D.N. and Krabbe, E.C.W. (1995), *Commitment in dialogue: Basic concepts of interpersonal reasoning*, State Univ. of New York Press, Albany, NY, USA.

18. Eemeren, van F.H. and Grootendorst, R. (2004), *A Systematic Theory of Argumentation*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

19. Barwise, J. and Etchemendy, J. (1999), *Language, proof and logic*, CSLI Publ., Stanford, USA.

20. Aristotel' (1976), "Metaphysics", *Soch. v 4-kh t. T. 1.* [Works in 4 vol. Vol. 1], Mysl', Moscow, USSR, pp. 63–367.

21. Dung, P.M. (1995), "On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming, and n-person games", *Artificial Intelligence*, vol. 77, iss. 2, pp. 321–357. DOI: https://doi.org/10.1016/0004-3702(94)00041-X.

22. Amgoud, L. and Prade, H. (2012), "Towards a Logic of Argumentation", in Hüllermeier, E., Link, S., Fober, T. and Seeger, B. (eds.), *Scalable Uncertainty Management. SUM 2012. Lecture Notes in Computer Science*, vol. 7520, Springer, Berlin, Heidelberg, pp. 558–565. DOI: 10.1007/978-3-642-33362-0_43.

23. Prakken, H. and Vreeswijk, G. (2002), "Logic for Defeasible Argumentation", *Handbook of Philosophical Logic,* ed. by Gabbay, D.M. and Guenthner, F., vol. 4, Dordrecht, Kluwer, NDL, pp. 218–319.

24. Lisanyuk, E.N. (2015), *Argumentatsiya i ubezhdenie* [Argumentation and persuasion], Nauka, SPb., RUS.

25. Verheij, B. (2009), "The Toulmin Argument Model in Artificial Intelligence, or: how semi-formal, defeasible argumentation schemes creep into logic", *Argumentation in Artificial Intelligence*, in Rahwan, B.I. and Simari, G.R. (eds.), Springer, Boston, MA, USA, pp. 219–239. DOI: 10.1007/978-0-387-98197-0_11.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 5–16
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 5–16

26. Johnson, R.H. and Blair, J.A. (2006), *Logical Self-Defense*, Idebate Press, NY, USA.

Information about the author.

Elena N. Lisanyuk – Dr. Sci. (Philosophy) (2016), Docent (2004), Professor at the Department of Logic, Saint Petersburg State University, 5 Mendeleevskaya line, St Petersburg 199034, Russia. The author of 170 scientific publications. Area of expertise: logic, argumentation, deontic logic, history of logic, formal philosophy, logic of action.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.11.2021; adopted after review 03.12.2021; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 17–27
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 17–27

Оригинальная статья
УДК 165.2
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-17-27

Машины и человеческая эпистемология

***Тимофей Сергеевич Дёмин*[1], *Константин Геннадьевич Фролов*[2]✉**

[1, 2]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[2]*НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

[1]*detimofei@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0973-2756*
[2]*kgfrolov@etu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9071-6138*

Введение. В статье анализируется структура эпистемологии знаний слабого искусственного интеллекта в сопоставлении со структурой эпистемологии знаний человека. Актуальность проблематики подобного рода объясняется востребованностью одного из наиболее динамично развивающихся разделов современной философии – философии искусственного интеллекта. Новизна исследования связана с идеей применения инструментов анализа, разработанных в рамках аналитической эпистемологии, к области искусственного интеллекта (ИИ).

Методология и источники. Статья написана в рамках аналитической традиции в философии. Для исследования существенных аспектов понятия знания используется концептуальный анализ, предполагающий, что объяснение сложного явления требует выявления компонентов, из которых оно состоит. Этот метод лег в основу аналитической дискуссии о знании второй половины XX в. Также в статье применяется сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение. Знания людей отличаются тремя существенными характеристиками – наличием информационно-несущих ментальных состояний, их надежностью и фактивностью. Было проанализировано, насколько информационно-несущие внутренние состояния слабого ИИ соответствуют этим качествам. Был сделан вывод, что внутренние состояния могут считаться убеждениями при слабой трактовке, иметь высокую степень надежности при определенных условиях и способны обладать фактивностью в случае, если принять, что слабый ИИ обладает убеждениями.

Заключение. Слабая трактовка понятия убеждения позволяет утверждать, что нейронные сети способны иметь убеждения. Более строгая трактовка понятия убеждения включает также требование понимания смысла. Однако в нашем распоряжении нет удовлетворительной теории понимания смысла. При этом условие надежности представляет собой единственный из критериев знания, которому могут соответствовать функциональные состояния машин в случае некоторых задач, в связи с чем особенно остро встает проблема генеральности.

Ключевые слова: эпистемология, знание, убеждение, искусственный интеллект, эпистемология искусственного интеллекта, условие надежности

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук (проект МК-703.2021.2 «Натуралистическая эпистемология

© Дёмин Т. С., Фролов К. Г., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

агентности и моральной ответственности при разработке и использовании технологий дополненного интеллекта»).

Для цитирования: Дёмин Т. С., Фролов К. Г. Машины и человеческая эпистемология // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 17–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-17-27.

Original paper

Machines and Human Epistemology

***Timofei S. Demin*[1], *Konstantin G. Frolov*[2]**

[1, 2]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

[2]*Higher School of Economics, Moscow, Russia*

[1]*detimofei@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0973-2756*
[2]*kgfrolov@etu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9071-6138*

Introduction. The article analyzes the structure of the epistemology of knowledge of weak artificial intelligence in comparison with the structure of human knowledge. The article was written within the framework of one of the most demanded branch sections of philosophy – the philosophy of artificial intelligence. The novelty of the research is based on the idea of applying the analysis of knowledge developed within the framework of analytical epistemology to the field of artificial intelligence.
Methodology and sources. The article is written in the framework of analytical tradition in philosophy. We use conceptual analysis to analyze the most crucial aspects of knowledge. This method assumes that in order to explain a complex phenomenon, it is necessary to analyze its components. This method formed the basis of an analytical discussion about knowledge in the second half of the 20th century. The article also uses comparative analysis.
Results and discussion. People's knowledge is characterized by three essential characteristics – the presence of information-bearing mental states, their reliability, and factuality. We analyzed to what extent the information-carrying internal states of a weak AI correspond to these qualities. The authors concluded that internal states can be considered beliefs if they are weakly interpreted, they can have a high degree of reliability under certain conditions, and they can have factuality if we accept that a weak AI has beliefs.
Conclusion. A weak interpretation of the concept of belief allows us to argue that neural networks are capable of having beliefs. A more rigorous interpretation of the concept of belief also includes the requirement to understand the meaning. However, we do not have at our disposal a satisfactory theory of understanding meaning. In this case, the condition of reliability is the only criterion of knowledge to which the functional states of machines can correspond in the case of certain tasks, in connection with which the problem of generality arises especially acutely.

Keywords: epistemology, knowledge, belief, artificial intelligence, epistemology of artificial intelligence, safety condirion

Source of financing: the work was supported by a grant of the President of the Russian Federation (project MK-703.2021.2 “Naturalistic epistemology of agency and moral responsibility in the development and use of augmented intelligence technologies”).

For citation: Demin, T.S. and Frolov, K.G. (2022), “Machines and Human Epistemology”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 17–27. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-17-27 (Russia).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 17–27
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 17–27

Введение. Целью данного исследования является определение условий применимости понятия знания в отношении слабого искусственного интеллекта. Анализ предполагаемых знаний машин будем проводить путем сопоставления возможностей слабого искусственного интеллекта с возможностями людей и с тем, как употребляется понятие знания применительно к людям. Чтобы провести этот анализ, сначала потребуется показать, как вообще возможно познание явлений одного порядка через явления другого порядка, т. е. познание путем сопоставления разнородного. Так, природу людей можно понимать через природу животных или машин. Однако справедлив и обратный ход: исследуя то, чем обладают люди, мы можем лучше понять, на каком уровне эпистемического развития находится слабый искусственный интеллект. В данной статье с помощью эпистемологии людей будет проанализирована эпистемология машин.

Методология и источники. Человек может понимать себя через сущности другого порядка. Эти сущности выступают в роли зеркала, через которое можно увидеть себя. Непрямой путь превращения инаковой по отношению к человеку сущности в зеркало – это метафора или аналогия. Другой важный инструмент для анализа и понимания реальности – метонимия. Так, Лакофф и Джонсон полагают, что метафора и метонимия – это то, из чего в существенной мере состоит все наше познание мира [1, 2]. Искусственный интеллект с самого начала стал зеркалом для человека, предлагая образы, аналогии и прямые соответствия между человеком и машиной от простой метафоры мозга как компьютера до разнообразных по форме воплощений сильного искусственного интеллекта в литературе, играх и кино.

Подобно животному машина в роли зеркала может давать ответы на философские вопросы и через отсутствующие у нее человеческие качества. Исходя из того, чего у машины нет, мы лучше понимаем, что характеризует человека как особенное существо. Так, Джон Серль через мысленный эксперимент с китайской комнатой демонстрирует отсутствие у машины понимания, которое у человека оказывается сложным и не до конца понятным феноменом [3].

Наиболее типичный пример слабого искусственного интеллекта представляют собой нейронные сети, которые реализуют некоторый навык. В некотором роде слабый ИИ знает, как водить автомобиль, отвечать осмысленно на некоторые вопросы в роли голосового ассистента, осуществлять поиск в Интернете, опознавать объекты на картинках, играть в Го, шахматы и другие игры. Сложности начинаются с пропозициональным знанием. Чего не хватает машине, чтобы знать, что Эверест – самая высокая гора или что кот сидит на ковре?

Если машина будет разумной в том же смысле, что и человек, то нет никакой проблемы на пересечении эпистемологии естественного и искусственного типов интеллекта: эпистемология разумной машины в таком случае аналогична эпистемологии человека. Машина сможет обладать знанием в том же смысле, в котором им обладают люди, когда у нее будет сознание, которое обладает достаточным уровнем понимания.

Однако кажется правдоподобным сценарий, при котором разум машины окажется по своей природе, своему устройству и своим проявлениям радикально отличен от человеческого [4]. Такие машины будут плохим зеркалом для понимания человека. Хотя остается неясным, в чем будет заключаться их инаковость кроме совершенной памяти, высокого уровня владения навыками (вроде игры в шахматы или распознавания визуальных объектов) и сверх-

быстрой скорости мыслительных процессов. Эта инаковость хотя и существенна, но все же не выглядит достаточно радикальной, чтобы сопоставление разума человека и машины оказалось совершенно невозможным и не имеющим под собой никаких оснований.

Даже если машины достигнут такого уровня развития, этому уровню будут предшествовать многочисленные этапы развития искусственного интеллекта. Если согласиться, что машины получат интеллектуальные способности, сопоставимые и схожие с человеческими, то, скорее всего, через этапы, которые релевантны для человеческой эпистемологии. Рост понимания машин будет соответствовать усложнению внутренних состояний машин, и каждый новый уровень развития будет приближать их к знанию, которым обладают люди. Какие этапы в развитии познания релевантны для машины? Чем эпистемология машин, скорее всего, будет отличаться от эпистемологии людей? Как будет выглядеть знание машин, если они превзойдут людей? Можно ли предложить классификацию уровней приближения к знанию у машин? Как стоит дополнить эпистемологию людей исходя из того, чем важным не обладают существующие уже сейчас слабые версии искусственного интеллекта? Наконец, чем эпистемология машин может быть полезна для эпистемологии людей? Все эти вопросы являются крайне актуальными для современных философских дискуссий в данной области.

Результаты и обсуждение. В зарубежной литературе традиционно признается, что понятие знания включает в себя три существенных аспекта: наличие определенного ментального состояния, истинность и условие надежности [5]. Далее, по отдельности рассмотрим, как эти аспекты проявляются у слабого искусственного интеллекта на уровне аналогии и что требуется машинам, чтобы их эпистемология стала сопоставима или превосходила по сложности своей структуры эпистемологию людей. Мы покажем, что машины способны обладать репрезентационным несущим внутренним состоянием (аналогом убеждения), которое может характеризоваться истинностью и эпистемической надежностью. Этого достаточно, чтобы заключить, что при определенной трактовке этих аспектов пропозиционального знания машины им уже обладают.

Существует два базовых сценария в развитии искусственного интеллекта [6]. Первый из них предполагает возможность создания очень мощного и сложноорганизованного компьютера, который будет обладать сознанием. Второй предположительно возможный способ исходит из того, что наука сможет достичь впечатляющего прогресса в усилении способностей человеческого мозга. Во втором сценарии мы сразу переходим к тому, что искусственный интеллект будет обладать знанием, которое превосходит обычное человеческое. Однако в рамках данной статьи сосредоточимся на исследовании перспектив первого сценария. При этом выводы, к которым мы приходим, применимы также и ко второму.

Исходя из первого сценария, вполне естественно предположить, что разум искусственного интеллекта будет радикально отличаться от разума человека, поэтому описание его внутренних состояний будет устроено по иным принципам, и человеческая эпистемология будет к нему неприменима. Это очень важное замечание справедливо только по отношению к внутренним состояниям, однако то, что отвечает за надежность (reliability) машинной эпистемологии, мы сможем оценивать так же, как оцениваем надежность знаний людей. Например, в терминах вероятностей и истины.

Знание может принимать разные формы. Так, философы различают пропозициональное знание, которое сообщает о положении дел в мире, и знание-как, которое обозначает умение или навык создавать желаемые положения дел. Существуют дискуссии, в которых философы пытаются решить, являются ли умения и навыки разновидностью пропозиционального знания [6]. Оставим эти споры, хотя позиции в них нетривиальным образом влияют на возможные выводы по исследуемой нами проблеме. Так, слабый ИИ обладает знанием того, как водить автомобиль, и в обозримом будущем он будет водить его лучше человека. Однако в рамках данной статьи сосредоточимся на рассмотрении именно пропозиционального знания. Во всех популярных теориях оно характеризуется наличием информационно-несущего состояния, которое способно быть истинным и надежным (safety). Принципиальная разница между имеющимися подходами состоит лишь в том, как именно эти характеристики оказываются включены в понятие знания. В редуктивных теориях они представляют собой отдельные независимые элементы, тогда как в нередуктивных подходах они включены в информационное состояние, которое выходит за пределы тела [7]. Рассмотрим эти аспекты знания по порядку.

Первый важнейший элемент знания – это наличие информационно-несущего состояния. Когда человек видит кота на ковре, в его голове формируется визуальный образ. Когда слабый искусственный интеллект распознает картинку, загруженную в поисковое окно, он приобретает способность описать картинку в виде кода и привести в соответствие изображение и описание картинки с самой картинкой.

Ортодоксальные теории знания многокомпонентны. Это означает, что наличие информационного состояния (убеждения) представляет собой только один из аспектов понятия знания (хотя в редуктивных теориях необходимость убеждения как такового оказывается вообще под вопросом [8]).

Наиболее универсальное определение понятия убеждения таково: S убежден, что X, если и только если S думает об X с принятием [9]. Кажется, машина может обладать такими убеждениями, если процесс мышления и принятия мы будем понимать достаточно широко. Например, если мышление представляет собой любой функционально достаточно сложный внутренний процесс обработки информации, с которым может справиться из биологических организмов только такой, который имеет развитый мозг уровня людей или высших млекопитающих. Под такое определение с ad hoc критерием «уровня людей или высших млекопитающих» подпадает машина, которая способна выполнять функциональные операции высокого уровня сложности – например, водить машину. В таком случае в функциональном смысле иногда машины способны к осуществлению мыслительной деятельности. Если же под принятием X мы будем понимать обращение с X так, как если бы X было истинно, то машине также по силам удовлетворить такому критерию. С этой задачей справляется, например, голосовой ассистент банка, когда клиент спрашивает, как купить билет с кэшбэ-ком, а ассистент дает лаконичный и точный ответ-инструкцию. Ассистент дает ответ так, как если бы он *знал*, что этот ответ верен.

Таким образом, наиболее распространенный взгляд на убеждение состоит в том, что это ментальная репрезентация, которая имеет своим содержанием некоторое (возможное или действительное) положение дел. Существует отдельная дискуссия о том, какого уровня

должен быть интеллект для того, чтобы обладать убеждениями. Так, в приматологии ведется дискуссия о том, какого рода ментальными репрезентациями оперируют высшие приматы [10]. С другой стороны, существует известная линия мысли Д. Дэвидсона [11], которая направлена на защиту идеи о том, что животные и дети не обладают убеждениями, поскольку они не владеют языковыми способностями. При этом аргументы Дэвидсона и известные возражения на них оказываются вполне применимы к дискуссии об искусственном интеллекте.

Чего же не хватает машинам для обладания убеждениями? Здесь можно выделить три линии рассуждения.

Первая линия, родственная Ф. Дредске или Д. Дэвидсону, предполагает, что искусственному интеллекту не хватает обширной сети из репрезентаций, а сами репрезентации имеют недостаточный уровень сложности. Эта линия не содержит онтологической разницы между убеждениями машин и людей. Вторая линия рассуждений, характерная для некоторых функционалистов, например Дэниела Деннета [12], предполагает, что машины уже обладают убеждениями. Третья линия исходит из того, что компьютерные процессы в принципе не могут порождать убеждения.

Второй элемент понятия знания – это способность информационно-несущих состояний характеризоваться в качестве истинных. При этом теории знания, как правило, опираются на корреспондентную теорию истины [13]. Соответственно, в рамках современных версий этого подхода выделяют, во-первых, *носитель истинности* (truth bearer), т. е. то, что, собственно, может быть корректно охарактеризовано в качестве истинного или ложного в рамках нашей модели. В зависимости от конкретной теории эту роль могут выполнять высказывания, пропозиции или информационно-несущие ментальные состояния. Вторым элементом концепции соответствия выступает *фактор истинности* (truth maker), который представляет собой внешнюю по отношению к информационному состоянию знания сущность, в силу наличия которой в актуальном мире тот или иной потенциальный носитель истинности действительно обладает свойством истинности. На роль таких факторов истинности претендуют разные сущности в зависимости от теории. Например, это могут быть объекты, их мереологические суммы, факты или положения дел. И, наконец, имеется само *отношение соответствия*, т. е. отношение между фактором и носителем истинности. Отдельная проблема внутри корреспондентных теорий заключается в выявлении природы этого соответствия. В качестве такового может выступать структурная изоморфность, подобие или особого рода различимость.

Дискуссию о природе соответствия, носителя и фактора истинности в данном случае не рассматриваем. Однако остается открытым вопрос, насколько сложной должна быть функциональная структура системы обработки информации, чтобы быть способной выполнять интересующее нас соответствие в том случае, если на роль носителя истинности мы выбираем информационно-несущее состояние системы. Возможно, что для этого вполне достаточно возможностей сравнительно простой когнитивной системы, которая при этом, с одной стороны, сохраняет подобие, а с другой – различимость. Примером такого рода может быть машина, которая способна определять, к какому фактору истинности относится то или иное ее информационно-несущее состояние, а также отличать этот фактор от других, к которым ее

информационное состояние не относится. Если это – минимальное требование, то, например, нейронные сети Яндекса по определению картинок в отдельных ситуациях обладают истинными информационно-несущими состояниями.

Третий элемент понятия знания – это выполнение условия надежности [14]. Общая идея условия надежности знания такова: S знает, что P, только если P не может ошибаться легко [15, p. 12].

Разумно предположить, что машина вне зависимости от своего устройства, чтобы что-то знать, должна соответствовать условию надежности. Например, если она определяет объекты визуально и фиксирует на картинке кота, то она не должна ошибаться в схожих ситуациях, если ей показать еще десять картинок с котами.

У условия надежности есть определенные рамки, в пределах которых оно должно выполняться. Так, чтобы знать, что на картинке изображен кот, не нужно справляться с опознанием кота в кромешной тьме, открытом космосе, взрывах, землетрясениях и пр. При этом существенно то, что ситуации должны быть схожими. Но до какой степени? Вполне возможно, что этот вопрос всякий раз будет решаться на прагматической основе. В таком случае машина должна не ошибаться в схожих ситуациях в достаточной мере, чтобы она справлялась с решением тех задач, для которых была разработана и сконструирована. Однако это решение не отвечает на вопрос о знании.

Другая проблема состоит в том, насколько широко нам следует определить способность или метод, по которому машина обеспечивает надежность знания? Эта проблема называется проблемой генеральности (generality problem) [16]. Можно определить эту способность довольно широко, например, как способность визуального распознавания объектов. Однако эта способность все-таки не предполагает необходимой для знания степени надежности. Можно также задать способность в узком смысле как способность опознать кота на картинке K1 во время T1 в ситуации C1. Однако в таком случае надежность способности определяется тем, является ли сформулированная в результате ее применения пропозиция истинной. Если да, то способность является надежной. Однако такой ответ также не может нас устроить, поскольку такая способность может давать нам истинный результат просто в силу совпадения. Фелдман называет такое последствие «беспокойством единичного случая». Именно с этим типом беспокойства сталкиваются нейронные сети. У нас есть способность слабого искусственного интеллекта как исходная данность, и нам надо оценить, является ли она достаточно общей.

Интересно при этом, что способности ИИ являются более конкретными, чем способности людей. Нейронная сеть может гораздо лучше человека опознавать картинки, но неожиданное отклонение в сценарии, которое для человека не было бы проблемой, для машины окажется непреодолимой ситуацией. Однако нам самим трудно оценить зависимость собственных способностей от среды. То, что человек более гибок в применении методов и в адаптации к изменению среды, представляет собой его несомненное эпистемическое преимущество. Однако для того, чтобы это преимущество стало метафизически значимым отличием мышления человека от возможных версий компьютерного мышления, необходимо более сильное доказательство.

Возможно, что на роль такого метафизически значимого преимущества может претендовать способность понимания смысла. Ведь если бы машина могла понимать смыслы, то

ее внутренние информационно-несущие состояния было бы гораздо легче признать убеждениями, которые могут быть истинными. Однако в рамках аналитической эпистемологии нет консенсуса по поводу ответа на вопрос, что именно представляет собой способность понимания.

Один из возможных ответов состоит в том, что понимание – это разновидность знания. А именно, понимание X – это знание причин X. В этом подходе мы имеем дело с причинным пониманием, которое следует отличать от общего понимания. Пример причинного понимания таков: Игорь понимает, почему у электрона отрицательный заряд. В свою очередь, пример общего понимания таков: Игорь понимает квантовую механику. В этом подходе нам следует через знание объяснять понимание, а не наоборот. Непривлекательность этого подхода, помимо прочего, для нашей темы заключается в том, что формулировка «Машине не хватает понимания, чтобы обладать знанием» оказывается некорректной. Другой ответ на вопрос о понимании предполагает, что понимание представляет собой вид когнитивного достижения [17], которым мы способны обладать благодаря наличию у нас надежного навыка.

Наконец, третья идея состоит в том, что понимание – это компонент знания. Чтобы что-то знать, нужно понимать смысл репрезентации. Если не понимать, что такое кот, то нельзя знать, что «кот на ковре». Нельзя быть убежденным, что P и не понимать смысл P. В пропозициональном знании пропозиция – это смысл, который мы понимаем по определению, так как иначе пропозиция была бы нам недоступна.

Можно заметить, что понимание смысла и понимание причин – это разные типы понимания. Когда я говорю, что понимаю, что значит «кот на ковре», я не имею ввиду, что я понимаю, что кот на ковре (во втором случае «понимаю» взаимозаменяемо со «знаю»). Понимание смысла не означает понимание причин, по которым этот смысл возник, или причин, по которым я понимаю нечто так, а не иначе. Однако в нашем случае нас интересует именно понимание смысла в качестве такой когнитивной способности, которой не хватает машинам для обладания знанием.

При этом данный вопрос представляет собой не только философский интерес, его можно также адресовать и когнитивным наукам. Что происходит на психологическом уровне, когда человек понимает значение?

Предложим только один из ответов: человек соотносит высказывание с понятиями базового уровня, которыми он владеет с помощью опыта. Таким образом, любое высказывание, имеющее смысл, может быть соотнесено с опытными данными. Кот – с визуальным опытом других котов, ковер – с парадигмальными примерами опыта созерцания ковров, отношение «на» – через пространственное отношение других объектов [1, с. 380–381]. Эти базовые единицы опыта при помощи воображения переносятся для структурирования и понимания другого опыта. После переноса становится возможным понимание. Такой ответ предполагает, во-первых, принятие эмпиризма – тезиса, что познание возможно только a posteriori, и, во-вторых, холизма – тезиса, что содержание убеждения зависит от множества других убеждений.

Заключение. В статье проведено сопоставление структуры понятия знания, применимого к машинам, с понятием знания, которое мы применяем в отношении людей. Наше

соотнесение продемонстрировало, что позволяет в слабом смысле утверждать: нейронные сети могут обладать информационными состояниями, способными быть истинными. Более строгая теория требует понимания смысла. При этом условие надежности представляет собой единственный из критериев, который машина может выполнять в случае некоторых задач, в связи с чем особенно остро встает проблема генеральности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой. М.: УРСС, 2004.

3. Searle J. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and brain sciences. 1980. Vol. 3, iss. 3. P. 417–424. DOI: https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756.

4. Chalmers D. J. The singularity: A philosophical analysis // Science fiction and philosophy: from time travel to superintelligence / S. Schneider (ed.). Chichester: Wiley-Blackwell. 2016. P. 171–224.

5. Ichikawa J. J, Steup M. The Analysis of Knowledge // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E. N. Zalta, 2014. URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/knowledge-analysis/ (дата обращения: 20.12.2021).

6. Pavese C. Knowledge How // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E. N. Zalta, 2021. URL: https://plato.stanford.edu/entries/knowledge-how/ (дата обращения: 20.12.2021).

7. Williamson T. Knowledge and its Limits. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. DOI: 10.1093/019925656X.001.0001.

8. Shope R. K. The analysis of Knowledge. Princeton: Princeton Univ. Press, 1983.

9. Zagzebski L. On epistemology. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2009.

10. Martin A., Santos L. R. What cognitive representations support primate theory of mind? // Trends in cognitive sciences. 2016. Vol. 20, iss. 5. P. 375–382. DOI: 10.1016/j.tics.2016.03.005.

11. Davidson D. Rational animals // Dialectica. 1982. Vol. 36, no. 4. P. 317–327.

12. Dennett D.C. Real patterns // The J. of Philosophy. 1991. Vol. 88, no. 1. P. 27–51. DOI: https://doi.org/10.2307/2027085.

13. Фролов К. Г. Метафизика соответствия: некоторые подходы к корреспондентной теории истины // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 1. С. 83–98. DOI: 10.5840/eps 201855110.

14. Лобанов С. Д. О проблеме надежности знания и дилемме истина/знание // Вестн. Вятского гос. ун-та. 2011. № 4 (4). С. 26–27.

15. McGlynn A. Knowledge First? London: Palgrave Macmillan, 2014. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137026460.

16. Feldman R. Reliability and justification // The Monist. 1985. Vol. 68, iss. 2. P. 159–174. DOI: 10.5840/monist198568226.

17. Pritchard D. Knowledge and understanding // Virtue epistemology naturalized / A. Fairweather (ed.). Cham: Springer, 2014. Vol 366. P. 315–327. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-04672-3_18.

Информация об авторах.

Дёмин Тимофей Сергеевич – ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: аналитическая эпистемология.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 17–27
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 17–27

Фролов Константин Геннадьевич – кандидат философских наук (2017), научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии НИУ «Высшая школа экономики», Покровский б-р, д. 11, Москва, 109028, Россия; научный сотрудник кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: аналитическая метафизика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.12.2021; принята после рецензирования 25.01.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Lakoff, G. (2004), *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*, Transl. by Shatunovskii, I.B., Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.

2. Lakoff G. and Johnson, M. (2004), *Metaphors We Live By*, Transl. by Baranov, A.N. and Morozova, A.V., URSS, Moscow, RUS.

3. Searle, J.R. (1980), “Minds, brains, and programs”, *Behavioral and brain sciences*, vol. 3, iss. 3, pp. 417–424. DOI: https://doi.org/10.1017/S0140525X00005756.

4. Chalmers, D.J. (2016), “The singularity: A philosophical analysis”, *Science fiction and philosophy: from time travel to superintelligence*, in Schneider, S. (ed.), Wiley-Blackwell, Chichester, UK, P. 171–224.

5. Ichikawa, J.J. and Steup, M. (2014), “The Analysis of Knowledge”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Zalta, E.N. (ed.), available at: https://plato.stanford.edu/archives/spr2014/entries/knowledge-analysis/ (accessed 20.12.2021).

6. Pavese, C. (2021), “Knowledge How”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Zalta, E.N. (ed.), available at: https://plato.stanford.edu/entries/knowledge-how/ (accessed 20.12.2021).

7. Williamson, T. (2002), *Knowledge and its Limits*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI:10.1093/019925656X.001.0001.

8. Shope, R.K. (1983), *The analysis of Knowledge*, Princeton Univ. Press, Princeton, NJ, USA.

9. Zagzebski, L. (2009), *On epistemology*, Wadsworth Cengage Learning, Belmont, CA, USA.

10. Martin, A. and Santos, L.R. (2016), “What cognitive representations support primate theory of mind?”, *Trends in cognitive sciences*, vol. 20, iss. 5, pp. 375–382. DOI: 10.1016/j.tics.2016.03.005.

11. Davidson, D. (1982), “Rational animals”, *Dialectica*, vol. 36, no. 4. pp. 317–327.

12. Dennett, D. (1991), “Real patterns”, *The J. of Philosophy*, vol. 88, no. 1, pp. 27–51. DOI: https://doi.org/10.2307/2027085.

13. Frolov, K.G. (2018), “Metaphysics of correspondence: some approaches to the classical theory of truth”, *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 55, no. 1, pp. 83–98. DOI: 10.5840/eps201855110.

14. Lobanov, S.D. (2011), “About of problem knowledge reliability and question of truth/knowledge dilemma”, *Herald of Vyatka State Humanitarian Univ.*, no. 4 (4), pp. 26–27.

15. McGlynn, A. (2014), *Knowledge First?*, Palgrave Macmillan, London, UK. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137026460.

16. Feldman, R. (1985), “Reliability and justification”, *The Monist*, vol. 68, iss. 2, pp. 159–174. DOI: 10.5840/monist198568226.

17. Pritchard, D. (2014), “Knowledge and understanding”, *Virtue epistemology naturalized*, in Fairweather, A. (ed.), vol. 366, Springer, Cham, CHE, pp. 315–327. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-04672-3_18.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 17–27
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 17–27

Information about the authors.

Timofei S. Demin – Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: analytical epistemology.

Konstantin G. Frolov – Can. Sci. (Philosophy) (2017), Research Officer at the International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy, Higher School of Economics, 11 Pokrovsky blvd., Moscow 109028, Russia; Research Officer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: analytical metaphysics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.12.2021; adopted after review 25.01.2022; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

Оригинальная статья
УДК 130.2
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-28-40

Исторический пространственно-временной континуум как антропологический феномен

Юрий Львович Сироткин

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия,
syurij75@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9434-6314

Введение. Проблема человека как субъекта исторического пространственно-временного континуума актуализируется общественными трансформациями и сменой типов рациональности. Антропологическая природа пространства-времени обусловливает интерес к рефлексии над человеком как исторической индивидуальностью. Отечественная философская мысль обозначила повышенный интерес к пространственно-временной проблематике в российских реалиях XX в. Восприятие исторического времени в его повседневной событийности приближает к пониманию судеб общества в этот неподдающийся однозначной оценке период российской истории.

Методология и источники. Автор опирался на положения философской антропологии о человеческом измерении исторического времени и пространства. Исходной основой исследования явились положения авторской концепции единства человека и пространственно-временного континуума. Антропологический контент аналитики исторического пространства-времени предопределил использование системного, культурологического и аксиологического подходов. Системный подход определил применение источниковедческого, феноменологического и герменевтического анализа изучаемых явлений.

Результаты и обсуждение. В статье обосновывается значение антропоцентризма для понимания исторической индивидуальности. Предпринята попытка преодолеть крайности антропоцентрической и прогрессистской моделей исторического процесса на основе единства антропоцентризма, культуроцентризма и социоцентризма. История раскрывается как время и пространство самореализации ее субъектов. Понимание истории выводится из способности человека переживать и упорядочивать события. Утверждается необходимость инкорпорации личного времени и приватного пространства в исторический процесс в качестве его конструктов. Показывается, что познание истории есть результат идентификации Я и Мы.

Заключение. Автор раскрывает тезис о человеке как исторической индивидуальности. Антропологическая природа исторического пространства-времени определяет смыслы, способствует упорядочиванию событийной повседневности субъектами истории, предоставляет возможность определиться с вектором познания истории.

Ключевые слова: антропологический феномен, историческая индивидуальность, историческое бытие, историческое время, историческое пространство, личное время, приватное пространство

Для цитирования: Сироткин Ю. Л. Исторический пространственно-временной континуум как антропологический феномен // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-28-40.

© Сироткин Ю. Л., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

Original paper

The Historical Space-Time Continuum as an Anthropological Phenomenon

Yurij L. Sirotkin

Kazan Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Kazan, Russia, syurij75@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-9434-6314

Introduction. The problem of human being as a subject of the historical space-time continuum is actualized by social transformations and the change of types of rationality. The anthropological nature of space-time determines the interest in reflection on human being as a historical individual. We could note an increased interest in spatial and temporal problems in Russian philosophical thought in the realities of the 20th century. The perception of historical time in its daily eventfulness brings us closer to understanding the fate of society in this period of Russian history that cannot be unambiguously assessed.

Methodology and sources. The author relied on the provisions of philosophical anthropology about the human dimension of historical time and space. The initial basis of the research was the provisions of the author's concept of the unity of a human being and the space-time continuum. The anthropological content of historical space-time analytics predetermined the use of systemic, culturological and axiological approaches. The system approach has determined the application of source studies, phenomenological and hermeneutic analysis of the studied phenomena.

Results and discussion. The importance of anthropocentrism for understanding historical individuality is substantiated. The author made an attempt to overcome the extremes of the anthropocentric and progressive models of the historical process on the basis of the unity of anthropocentrism, cultural centrism and sociocentrism. History is revealed as the time and space of self-realization of its subjects. The understanding of history is derived from a person's ability to experience and organize events. Also in the article is stated the necessity of incorporation of personal time and private space into the historical process as its constructs. It is shown that the knowledge of history is the result of the identification of I and We.

Conclusion. The author reveals the thesis about human being as a historical personality. The anthropological nature of historical space-time determines the meanings, contributes to the ordering of everyday events by the subjects of history, provides an opportunity to determine the vector of cognition of history.

Keywords: anthropological phenomenon, historical individuality, historical being, historical time, historical space, personal time, private space

For citation: Sirotkin, Yu.L. (2022), “The Historical Space-Time Continuum as an Anthropological Phenomenon”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 28–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-28-40 (Russia).

Введение. Проблема природы пространственно-временного континуума в его эволюции неразрывно связана с антропологическими корнями, уходящими в период становления человечества и обретения человеком ареала присутствия. Антропологический контекст аналитики времени и пространства представляет исследовательский интерес как самостоятельная проблема философской антропологии, равно как и проблема философии истории (при анализе исторического времени и исторического пространства). Эвристический интерес представляет также соотносимость исторического пространства-времени и бытия индивидуальности, обретающей статус субъекта истории.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

Полагаем, что постижение исторического времени оказывается неполным и, рискнем утверждать, неадекватным без антропологической составляющей его аналитики, результатом которой становится обретение историей человеческого лица. Человекомерность исторического процесса видится необходимым атрибутом оценочных суждений и становления человека как исторической индивидуальности.

Актуальность проблематики антропологической природы исторического пространства-времени обусловливается осознанием субъектами истории необходимости раскрыть ее индивидуальное измерение. Потребность в «человеческой мере» исторического процесса становится востребованной в общественном сознании. При изучении антропологического ресурса пространственно-временного континуума в коэволюционном ракурсе происходит расширение исследовательских полей – применительно к попыткам определиться с культурными практиками просьюмеризма [1], при разработке концепции «истинного времени» как общественно-исторической темпоральности [2], для ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности [3]. Появившиеся в последние годы работы существенно расширяют предметную проблематику, не ставя под сомнение эпистемологическую ценность предшествующих исследований [4–6].

Методология и источники. В статье использованы философские и публицистические тексты отечественных мыслителей XX в., посвященные антропологическому направлению аналитики пространственно-временного континуума в его исторической ретроспективе. В исследовании автор опирался на положения философской антропологии о человеческом измерении исторического пространства и исторического времени. Исходной основой предпринятого анализа явились смыслообразующие конструкты авторской концепции единства человека и пространственно-временного континуума (человекомерность исторического времени-пространства определяет его антропологическую природу; человек обретает смысл индивидуального бытия и со-бытия с Другим(ми) в проживании и преодолении пространства-времени; преодолевая антропологическое время, человек обнаруживает качество исторической субъектности и становится исторической индивидуальностью; настоящее есть реконструкционная основа актуализации исторического процесса и т. д.). Специфика анализа антропологического контента предопределила использование системного, культурологического и аксиологического подходов. Системный подход явился для автора интеграционной основой, предполагающей применение источниковедческого, феноменологического и герменевтического анализа изучаемых явлений. Реконструкция исторических смыслов осуществлялась посредством структурного и сравнительного анализа. В качестве методов исследования использовались анализ, синтез, абстрагирование, интерпретация, обобщение, экстраполяция, метод аналогий.

Результаты и обсуждение. Антропология составляет один из концептов философской теории исторического бытия именно потому, что исторический процесс начинается с появления на ее сцене субъекта истории – человека. Антропоцентризм приобретает основополагающее значение для осмысления исторической проблематики, несмотря на его сложную судьбу в ходе становления и развития философии истории. Эпистемологическая значимость антропоцентризма определяется парадигмальной ролью темы отдельного человека в философско-исторических построениях.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

«Тема человека, – констатирует И. Н. Сиземская, – вольно или невольно обращалась к вопросам и ценностной составляющей человеческого бытия, увязывающей воедино прошлое, настоящее и будущее, позволяя понять историю как общечеловеческий процесс» [7, с. 117].

Предлагаемая аналитика опирается на исходное положение историософии, согласно которому смысл истории обнаруживается в ее значении для человека, т. е. в том, насколько исторические события влияют на развитие человека и способствуют совершенствованию общественных форм жизни. Субъективный метод раскрыт в границах антропологического подхода. Оценочный субъективизм согласован с моральным сознанием. Этический критерий истории обрел значение аксиомы со времен Т. Н. Грановского и завершился «Философией истории» Л. П. Карсавина. Обоснованный нами ранее подход опирается на соотношение актуализации исторического субъекта в фактологической событийности и интеграции духа и смыслов эпохи. Применительно к субъекту речь идет об эмпирическом субъекте, существующем во времени, т. е. в наличном бытии. Исторический субъект воздействует на время, равно как историческое время актуализирует определенного субъекта или субъектотипы. Важно подчеркнуть, что история воздействует на человека как на объект, а человек творит историю в качестве субъекта, придавая индивидуальную окраску событиям, участником которых он являлся. Историческое измерение осуществляется посредством содержательно-процессуальной взаимозависимости субъективации – объективации – субъективации. Объективация субъекта осуществляется в событийно-фактологическом качестве. Иначе говоря, субъект объективируется в событийной фактологии и обретает новое качество субъективности (исторической субъектности). Совокупность субъектов, объединенных общими признаками, составляет социально-исторический субъектотип (типы субъекта/человеческие типы). Каждая историческая эпоха отличается от иной набором человеческих типов и их иерархией; наряду с исторической индивидуальностью они являются двигателями исторического времени. Движение истории ускоряется, если потенциал человеческих типов и индивидуального развития соответствует тенденциям общественной эволюции.

Мы проиллюстрировали сформулированные положения примерами реконструкции человека 30–80-х гг. XVI в., раскрыв влияние на исторический процесс сложившихся типов субъекта и показав роль исторических условий в их оформлении [8, с. 103–165]. На примере реконструированного образа человека конца XIX – начала XX вв. предложена аналитика «неудач становления доминирующего типа человеческой личности» для общества и государства [8, с. 165–200]. Попутно обратили внимание, что прогрессистская модель интерпретации исторического процесса содержала в себе идею о человеке как субъекте истории, который осуществляет деятельность в соответствии с необходимостью достижения социального идеала. Антиномическое единство антропологической и прогрессистской парадигм позволяет рассмотреть историческую индивидуальность как критическую и творческую личность, органически связанную с толкованием истории, которая становится объектом философской рефлексии. История, таким образом, предстает как время и пространство самореализации ее субъекта(ов) и их типов. В констатации изложенного мы ориентируемся на историософское наследие отечественных мыслителей и философов русского зарубежья XX в.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

Обратимся к Д. С. Мережковскому, привлекая в союзники его авторитет как исторического романиста, и процитируем: «История – движение во времени. Время глубже пространства. Тело движется в пространстве, дух – во времени; в пространстве есть то, что есть; во времени – и то, что было, и то, что будет» [9, с. 349]. Пространственно-временной континуум антропологичен по своей сущности. Время субъективно, историческое время индивидуально. «Мы считаем время по часам и думаем, что оно для всех одно. Но для каждого человека – свое время, и все времена разные. Современники отделены друг от друга веками. Вот почему так трудно столковаться» [9, с. 276].

Время – это мы; оно в нас и с нами. Историческое время определяет бытие настоящего и, согласно И. А. Ильину, приводится в движение «героями духовного видения» и «героями жизненного действия». «Герои духовного видения» как творческие силы являются воплощением исторической экспликации «предметной очевидности» [10]. «Герои жизненного действия» есть следствие «пневматической актологии»; она обозначает «учение о духовном делании» и представляет собой практическую деятельность в обществе, имеющем в качестве оснований духовные принципы. «Пневматическая актология» преодолевает историческое время посредством общественной активности. Историческое время, таким образом, двигается совместными усилиями героев духовного видения и жизненного действия.

Л. П. Карсавин констатирует: «Предмет истории всегда социально-психическое; и только на основе психического возможен исторический синтез» [11, с. 30]. Для историка важно все, что воспроизводится и преобразуется сознанием человека. Субъективность расширяет пределы роста до всечеловечности, которая есть пространственно-временное всеединство. Таким образом, предметом истории становится «социально-психическое развитие всеединого человечества» [11, с. 98]. Человечество образует совокупное единство индивидуальностей. Человек, время и пространство обретают статус слагаемых истории. История индивидуальности переходит в историю вообще. Личность рассматривается в связи с эпохой, индивидуализирует тенденции эпохи, национальности, культуры; она для них «показательна», символична и характерна. Органичность перехода личности в историю обеспечивается соотнесенностью со средой, временем, культурой и «общими проблемами человеческого духа» [11, с. 86]. Так образуется историческая индивидуальность, которую мы склонны рассматривать предельно конкретно, т. е. как человека, обладающего исторической субъективностью [8, с. 95–103], в отличие от более широкой трактовки обозначенного феномена Л. П. Карсавиным [11, с. 90–95].

Признавая за исторической индивидуальностью субъективность, мы антропологизируем исторический процесс и наполняем его духовным смыслом. История рассматривает человека и человечество в их духовно-душевной деятельности, а душевность признается основной стихией истории. Наряду с познанием конкретных индивидуумов, предметом познания является «коллективная историческая личность». Но это – трансцендентальная конкретность, познаваемая не иначе как в отвлеченности.

«Историк не чувствует нужды в коллективной индивидуальности, пока не столкнется с проблемой взаимодействия конкретных личностей» [11, с. 126]. В отличие от коллективной исторической индивидуальности, «всякая историческая индивидуальность ограничена в пространстве и времени; о всевременности и всепространственности ее надо говорить в пределах ее времени и ее пространства» [11, с. 135].

Развитие человечества как коллективной индивидуальности делает исторический процесс бесконечным. В ходе эволюции развивающееся человечество актуализируется через самопознание каждой его индивидуальности в границах ее исторического пространства и времени. Именно личность становится доминирующим критерием оценки исторического развития. Предпринятый экскурс подтверждает исходный тезис о том, что идея исторического прошлого как антропологического феномена имеет серьезные предпосылки и аналитические перспективы.

Историческое время принадлежит прошлому; оно обладает длительностью и поэтому имеет пространственные характеристики. События, случившиеся во времени, с трудом представляются пространственно. Сознание сфокусировано на факте, действии и результате. Хронология событий мыслится как настоящее, иначе событийность трудно сопережить. Время редуцируется имманентным сознанием, а события представляются такими, какими они видятся из настоящего. Временные границы исчезают, события приближаются и становятся такими, какими они могут быть представляемы в настоящем. «Так время сливается с пространством» [12, с. 109]. Факты прошлого представляются в сознании в качестве точек и являются вневременными и внепространственными. Вневременность и внепространственность образуют смысл как особое пространство и время (М. К. Мамардашвили). Напомним, что еще М. Хайдеггер через пространственное структурирование сознания показал, каким образом пространство и время совпадают в одной абсолютной точке имманентного восприятия. Для Хайдеггера это есть «особые схватывающие акты – акты рефлексии», которые направлены на акты «переживания» [13, с. 111]. У Хайдеггера время конечно. Только конечное время имеет историю.

По В. В. Бибихину, напротив, история должна включать целый мир, иначе она оборвется [4, с. 210]. Движение истории бесконечно; движение и история «не имеют времени кончаться» [4, с. 197], так как время полярно, а двунаправленному собиранию нет предела по причине направленности в сторону компактности точки и целости всего. Линия истории встроена в настоящее, и настоящим собирается историческое время. Человек не только собиратель, он – собранность. Насколько он собран, настолько историчен, иначе говоря, наполнен историческим временем. Линейное движение свидетельствует об исчерпанности антропологического ресурса истории, цикличное движение манифестирует о бесконечности исторического пространства.

Антропологический взгляд на историческое пространство-время инкорпорирован в традицию русской философии стремлением видеть историю как противоборство в человеке двух начал: природных и духовных. Грешная природа олицетворяет зло, духовное (Божественное) начало – добро. Это противоречие находится в человеке, бесконечное изменение которого необозримо в своей сущности (К. Ясперс). Путь преодоления – это путь к богочеловеку (В. С. Соловьев) и к концу истории в ее линейно-стадиальном видении. Блокирует «конец» множественность времени и соответствие между временем и культурно-историческим развитием конкретного общества.

Цивилизационный подход предлагает для исторического времени выход в бесконечность «культурных циклов» (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, Дж. Тойнби и др.). Воспользуемся свидетельствами Н. Я. Данилевского, который заложил основы культуроцентристской модели

исторического процесса [14]. Теория о культурно-исторических типах, без сомнения, культуроцентрична, так как основанием этих типов является духовная природа. Не преувеличивая, можно утверждать, что культура доминирует в типе. Поэтому «передать цивилизацию» можно лишь народу, усвоившему «культурные элементы» [14, с. 95]. Культура в триаде «человек – культура – социум» ценна как носительница особенного; она самобытна и преимущественно национально ориентирована. Напротив, в цивилизации доминируют элементы универсального. Цивилизация подавляет культуру, если не сохраняются «национальные начала». Без культуры народы становятся «этнографическим материалом», тогда как цивилизационные заимствования, которые стоят «вне сферы народности», полезны и необходимы. По Данилевскому, историческое развитие осуществляется «посредством самобытных национальных групп» [14, с. 113]. Иначе говоря, в историческом развитии значительную роль играет культурная составляющая, которая сохраняет цивилизационный потенциал. Для того чтобы стать участником исторического процесса, его субъектам необходим определенный уровень развития культуры, достаточный для оформления цивилизации. По Данилевскому, этот уровень предполагает четыре разряда культурной деятельности. В частности, деятельность культурная включает научно-теоретическую, эстетически-художественную и техническо-промышленную деятельность [14, с. 471–472]. Культурный заряд самопроявления, наряду с религиозным, политическим и социально-экономическим, является основополагающим в модели исторической эволюции. Взаимодействие культурно-исторических типов определяет ход истории и задает ей вектор. На этой исходной основе оформился известный подход пространственно-временной локализации явлений культуры, что не выглядит случайностью.

Взгляд на историю через культуру достаточно распространен. Не приходиться сомневаться в продуктивности культуроцентристской парадигмы для анализа исторического процесса. Обратимся к творческому наследию еще одного отечественного мыслителя. Историческое пространство-время рассмотрено П. Н. Милюковым на широком культурном фоне. Пример П. Н. Милюкова выбран в качестве показательного потому, что он демонстративно дистанцировался от антропоцентризма и констатировал факт близости к основам «экономического материализма», нежели «к антропологическому мировоззрению его противников» [15, с. 13]. Не касаясь сложностей анализа понятий «культура» и «цивилизация», обратим внимание, что Милюков не противопоставляет эти понятия, а выстраивает их в последовательную линию эволюции [16, с. 467]. Вероятно, он был близок к заключению, что «народности», создавшие мировые культуры, могут рассчитывать на повышение их статуса до цивилизации. Но это всего лишь предположение, которым автор не склонен злоупотреблять.

Строго говоря, любая историческая конструкция включает культурную составляющую, место и роль которой, однако, неодинаковы в иерархии предпочтений. Известно, что исторический процесс делится на культуры (Средневековье, раннее и позднее Возрождение и т. д.). Л. П. Карсавин замечает, что исторический процесс предполагает сосуществование ряда культур, находящихся на различной стадии развития, а не только их смену. Во всевременном единстве культуры зарождаются, раскрываются и гибнут [11, с. 162–163]. Культура неотделима от исторической индивидуальности, так как идея культуры сосредоточена в ее психическом и духовном состоянии. Познание культуры осуществляется в пространстве

исторической индивидуальности. «Всякий момент данной культуры, являясь ее выражением, может служить для ее познания и характеристики». Культура познается «изнутри». Межкультурное взаимодействие лишь углубляет ее познание. Но главное: «Идея культуры должна определяться через отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе» [11, с. 167].

Для исторической науки важны, как минимум, три тезиса Л. П. Карсавина относительно культуры. Первый исходит из понимания субъекта культуры как исторической индивидуальности. Второй тезис – личность культуры есть индивидуализация всечеловеческой личности, что согласуется с положением о содержании истории как развития всеединого, всепространственного и всевременного субъекта. Третий тезис – культура полнее всего понимается в религиозном качестве. В соответствии с последним тезисом, подкрепленным выстроенной моделью развития исторической индивидуальности [11, с. 204–206], выделяется апогей развития человечества, связанный с расцветом определенной культуры.

В логике разворачиваемого анализа для нас представляется критически важным утвердить единство антропоцентризма, культуроцентризма и социоцентризма в эволюции исторического пространства-времени. В этом единстве системообразующую роль играет антропоцентризм. Исторический процесс триаден по своей природе и сущности, но имеет место специфическое влияние на его ход каждой из составляющих триады. Противоречия, присущие триадной структуре исторического процесса, снимаются человеком как исторической индивидуальностью, сохраняя его относительное единство, но не устраняются, обеспечивая бесконечное движение истории во времени и пространстве.

Историческое пространство-время рассматривается в настоящей статье в соответствии с положениями разработанной нами концептуальной модели единства человека и пространственно-временного континуума. Ее исходным основанием является концепт «человеческого измерения», который утверждает многомерность бытийно-временного пространства и сущностных проявлений человека при доминировании его духовных составляющих – иерархии смыслов, ценностей и норм [8, с. 82]. Антропологический ресурс исторического пространства-времени зиждется на утверждении духовной природы и сущности человека, так как духовная организация обладает уникальными пространственно-временными характеристиками. Двойственность человека как существа природного и духовного определяет двойственный характер истории.

Известный тезис о неизбежном ускорении исторического времени в его линейной модели (И. М. Дьяконов, С. П. Капица и др.) определяет динамику восприятия человеком его событийности и неизбежно приводит к страху перед неизвестностью. Однако, если принять во внимание гипотезу о многолинейной модели исторического времени (С. Н. Гринченко), то следует признать: интенсивность восприятия возрастает, расширяя границы возможностей человеческого сознания; ограничение восприятия снижает участие человека в историческом процессе. Гипотеза об ускоряющемся времени во многом проясняет ограниченность в проявлениях активности человека как исторической индивидуальности. Вместе с тем, благодаря переходу от повседневности к сакральному (или героическому) времени и пространству, человек имеет возможность заново воспринять и пережить исторические события [17]. Он присваивает духовные ценности, осваивает традиции и входит в мир культуры. Время

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

культуры обратимо, в отличие от астрономического времени. Человеческая жизнь определяется наряду с историческим, социальным и культурным хронотопом (А. Н. Лукин). Применительно к человеческому бытию мы говорим об одновременном включении и пребывании в историческом, социальном и культурном времени. Многомерность пространственно-временного континуума раскрывается через человека и изменяет его бытие.

Антропологический дискурс времени и пространства отчетливо артикулирован в современной отечественной философии. А. П. Донченко [5] считает, что время – общественное, культурное, историческое – выступает по отношению к индивидуальному времени субъекта как первичная (онтологически и аксиологически) реальность. Из этой событийности субъективное время черпает свое содержание. Для В. В. Бибихина [4] «время как выделение из вечности» субъективно и окрашено настроением. Окрашенное время принадлежит прошлому; оно есть «время не проснувшегося сознания», которое срывается в несуществующее время и мчится мимо времени, окрашенного как пора, т. е. мимо настоящего. Обращаясь к человеку, думающему о небытии в будущем и о небытии в прошлом, Н. Н. Трубников [6] констатирует спокойное отношение в одном и безутешность в другом, ибо, лишившись жизни, человек лишается и прошлого, и будущего. Прошлое и будущее исчезает вместе с исчезновением настоящего. Исчезает время и пространство.

Хотя пространство-время поддается реконструкции, но она ограничена нашими возможностями. Эпистемологически важное дополнение касается введения в пространство-время феномена борьбы между теми, кто опередил время, кто находится в настоящем и кто ищет опоры в прошлом. Но это уже иной дискурс.

Важно, что человеческий отсчет времени основан на осознании себя в мире и мира в себе. Такой отсчет переводит проблему пространства и времени в историко-антропологическую плоскость и задает иной вектор познавательного поиска, смысл которого может быть сведен к тому, что пространство и время, наряду с объективными представлениями, становятся в зависимость от человеческого сознания и выводятся из способности человека переживать и упорядочивать события, определять их последовательность.

Линейность исторического времени свидетельствует о том, что историческое сознание предполагает необратимое время. В целом же цикличность и линейность в отношении времени являются весьма условными характеристиками. Правы те, кто говорит об их сосуществовании. Л. Н. Михеева считает, что «внутри природного цикла присутствует линейность, а линия человеческой жизни, истории состоит из циклов, что отражает целостный характер восприятия действительности и времени, где линейность и цикличность не исключают друг друга» [18, с. 71].

Это важно учитывать при реконструкции исторического времени, так как оно представляется «связью событий» (Н. Н. Трубников), повторяющихся в различных условиях и обстоятельствах, но с неизменным участием акторов, отличительные особенности которых придают событийности своеобразный колорит, с изменяющимся пространственным ландшафтом. Человек реконструирует историческое пространство-время на основе его осознания, полнота которого стремится к адекватности воссоздания событийной канвы истории.

Событийность предполагает личное время, которое представляет собой «темпорально самоорганизующееся время рефлексирующего человеческого сознания, имманентно объе-

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

диняющее прошлое, настоящее и будущее в каждом акте человеческой жизни» [19, с. 39]. Личное время инкорпорировано в историческое время как его автономная антропологическая характеристика. Велика его роль в самосозидании субъекта истории. Не менее важно, что личное время сопряжено с приватным пространством. Событийность творится приватностью, прежде чем очутиться в пространстве публичности. Очевидна ценность изучения влияния приватного пространства на принятие решений, определивших последующую событийность. Обратим внимание на важность знаний о приватном пространстве обыкновенного человека, которых явно недостаточно для объяснения мотивов, обстоятельств и причин массовых действий. В контексте нравственного критерия оценки исторического процесса подчеркнем значимость духовно-нравственного ресурса приватного пространства частной жизни для постижения глубинных смыслов действий исторических индивидуальностей [20, 21]. Не лишне напомнить, что в стабильные периоды исторического развития мораль большинства измеряется средними величинами, тогда как приоритетом кризисных ситуаций становится поляризация показателей (П. А. Сорокин).

Время отдельного человека как исторической индивидуальности конечно (прерывно). Однако человек не исчезает бесследно, а сохраняет свое присутствие в непрерывном историческом времени (памяти) в качестве результатов деятельности, в которой он реализовал собственное бытие. Тем не менее историческое – это гибнущее, но вечное во времени. Историческое бытие не продолжается вечно, но становится историей. Поступательное движение времени является «результатом всей коллективной истории, бесконечно воспроизводящейся в индивидуальных историях» [22, с. 135].

Историческое пространство-время как антропологический феномен познается посредством отождествления Я и Мы. Историческое время постигается человеком, но его постижение никогда не бывает полным и сколько-нибудь приближенным к адекватности; оно всегда фрагментарно и ограничено собственным горизонтом, за которым разворачивается событийность. Эта событийность оказывается скрытой, равно как и причинно-следственные связи, ее вызывающие. У потомков взгляд на историческое пространство-время широк, непредвзят и открыт. Потомки познают время путем исторической ретроспективы, которая позволяет идентифицировать Я и Мы как участника и одновременно свидетеля реконструируемых событий. Идентификация многоуровнева и основывается на сравнении предшествующих исторических эпох и последовавших за ними событий, вызванных действиями исторических индивидуальностей и социальных общностей, выступающих как исторические акторы (совокупные субъекты). В результате идентификации Я и Мы человек обретает чувство исторической действительности и событийной сопричастности.

Заключение. Обобщение приведенной аналитики позволяет заключить: историческое время и историческое пространство имеют человеческое измерение, что свидетельствует об их антропологической природе. Это дает основание для следующих обобщений. Выявление антропологического контекста исторического пространства-времени:

– углубляет представления о человеке как исторической индивидуальности и субъекте истории в плане постижения событийной повседневности;

– помогает избавиться от крайностей прогрессизма и социоцентризма и предложить модель исторического процесса на основе единства антропо- культуро- и социоцентризма;

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

– придает статус конструктов исторического процесса личному времени и приватному пространству;

– дает возможность определиться с вектором познания истории как результата идентификации Я и Мы.

Антропоцентризм позволяет инкорпорировать культуроцентризм и социоцентризм в органическую целостность, задавая антропологическое направление анализа исторического процесса, лишенное линейной односторонности и утомительных поисков цикличной повторяемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конева А. В. Культурные практики просьюмеризма // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 54–64. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_54.

2. Гашков С. А. Историко-философские основания концепции социально-исторического времени Корнелиуса Касториадиса // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 44–53. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_44.

3. Салихова Н. Р. Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности. Казань: Казанский ун-т, 2010.

4. Бибихин В. В. Пора (время-бытие). СПб.: Владимир Даль, 2015.

5. Донченко А. П. Фактор времени в нравственном становлении и развитии личности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.

6. Трубников Н. Н. О смысле жизни и смерти. М.: РОССПЭН, 1996.

7. Сиземская И. Н. Русская философия истории в поисках целостности исторического бытия: первая половина XIX в. // Философские науки. 2012. № 1. С. 115–128.

8. Сироткин Ю. Л. Человек и время. Философско-антропологический дискурс. Казань: КЮИ МВД России, 2017.

9. Мережковский Д. С. Было и будет. Дневник. 1910–1914; Невоенный дневник. 1914–1916. М.: Аграф, 2001.

10. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993.

11. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993.

12. Счастливцева Е. А. Эдмунд Гуссерль: интеллектуальные баталии с Густавом Шпетом. СПб.: Инфо-да, 2006.

13. Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени / пер. Е. Борисова. Томск: Водолей, 1998.

14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

15. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Прогресс-Культура, 1994.

16. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2. Ч. 2. М.: Прогресс-Культура, 1994.

17. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.

18. Михеева Л. Н. Измерение времени в русском языке: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. 2004. № 2. С. 69–78.

19. Здерева О. В. Время как субстанциональное начало в культурном пространстве архаичной мифологии // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2005. № 3. С. 38–48.

20. Сироткин Ю. Л. Духовно-нравственные ресурсы приватного пространства частной жизни // Науч. вестн. Омской академии МВД России. 2019. № 1. С. 74–78.

21. Сироткин Ю. Л. Антропоцентрический принцип категоризации приватного пространства // Вестн. КазГУКИ. 2019. № 4. С. 6–14.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

22. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

Информация об авторе.

Сироткин Юрий Львович – кандидат социологических наук (2000), доцент (2012), преподаватель Казанского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ул. Фатыха Амирхана, д. 12а, г. Казань, Республика Татарстан, 420103, Россия. Автор 79 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, философия человека.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 03.09.2021; принята после рецензирования 28.12.2021; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Koneva, A.V. (2021), “Cultural practices of prosumerism”, *Pushkin Leningrad State Univ. J.*, no. 1, pp. 54–64. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_54.

2. Gashkov, S.A. (2021), “Historical and philosophical foundations of the socio-historical time concept by Cornelius Castoriadis”, *Pushkin Leningrad State Univ. J.*, no. 1, pp. 44–53. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_44.

3. Salikhova, N.R. (2010), *Tsennostno-smyslovaya organizatsiya zhiznennogo prostranstva lichnosti* [Value-semantic organization of the personality's living space], Kazanskii un-t, Kazan, RUS.

4. Bibikhin, V.V. (2015), Pora (vremya-bytie) [It's time (time-being)], Vladimir Dal', SPb., RUS.

5. Donchenko, A.P. (1988), *Faktor vremeni v nravstvennom stanovlenii i razvitii lichnosti* [The time factor in the moral formation and development of personality], Izd-vo LGU, Leningrad, USSR.

6. Trubnikov, N.N. (1996), *O smysle zhizni I smerti* [On the meaning of life and death], ROSSPEN, Moscow, RUS.

7. Sizemskaya, I.N. (2012), “Russian Philosophy of History in Search of the Integrity of Historical Being (Period of the First Half of the 19thcentury)”, *Russian J. of Philosophical Sciences*, no. 1, pp. 115–128.

8. Sirotkin, Yu.L. (2017), *Chelovek I vremya. Filosofsko-antropologicheskii diskurs: monografiya* [Man and time. Philosophical-anthropological discourse: monograph], KYuI MVD Rossii, Kazan, RUS.

9. Merezhkovskii, D.S. (2001), *Bylo i budet. Dnevnik. 1910–1914; Nevoennyi dnevnik. 1914–1916* [It was and will be. Diary. 1910–1914; Non-military diary. 1914–1916], Agraf, Moscow, RUS.

10. Il'in, I.A. (1993), *Put' k ochevidnosti* [Way to evidence], Respublika, Moscow, RUS.

11. Karsavin, L.P. (1993), *Filosofiya istorii* [Philosophy of history], Komplekt, SPb., RUS.

12. Schastlivtseva, E.A. (2006), *Edmund Gusserl': intellektual'nye batalii s Gustavom Shpetom* [Edmund Husserl: intellectual battles with Gustav Shpet], Info-da, SPb., RUS.

13. Heidegger, M. (1998), *Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs*, Transl. by Borisov, E., Vodolei, Tomsk, RUS.

14. Danilevskii, N.Ya. (1991), *Rossiya I Evropa* [Russia and Europe], Kniga, Moscow, RUS.

15. Milyukov, P.N. (1994), *Ocherki po istorii russkoi kul'tury: v 3-kh t. T. 2. Ch. 1* [Essays on the history of Russian culture: in 3 vol. Vol. 2. Part 1]. M.: Izdatel'skayagruppa «Progress – Kul'tura»,

16. Milyukov, P.N. (1994), *Ocherki po istorii russkoi kul'tury: v 3-kh t. T. 2. Ch. 1.* [Essays on the history of Russian culture: in 3 vol. Vol. 2. Part 2], Progress–Kul'tura, Moscow, RUS.

17. Eliade, M. (1994), *Le sacre et le profane*, Transl. by Garbovskii, N.K., Izd-vo MGU, Moscow, RUS.

18. Mikheeva, L.N. (2004), “Measuring time in Russian”, *Philological Sciences*, no. 2, pp. 69–78.

19. Zdereva, O.V. (2005), “Time as a Substantial Beginning in the Cultural Space of Archaic Mythology”, *The Bulletin of Moscow State Univ. of Culture and Arts*, no. 3, pp. 38–48.

20. Sirotkin, Yu.L. (2019), “Spiritual and Moral Resources of Private Space in Personal Life”, *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, no. 1, pp. 74–78.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 28–40
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 28–40

21. Sirotkin, Yu.L. (2019), “Anthropological principle of private space categorization”, *Bulletin of Kazan State Univ. of Culture and Arts*, no. 4, pp. 6–14.

22. Bourdieu, P. (2005), *Espace social: champs et pratiques*, Transl. by Shmatko, N.A., Institut eksperimental'noi sotsiologii, Aleteiya, Moscow, SPb., RUS.

Information about the author.

Yuri L. Sirotkin **–** Can. Sci. (Sociology) (2000), Docent (2012), Lecturer, Kazan Institute (branch) All-Russian State University of Justice, 12a Fatykh Amirkhan str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420103, Russia. The author of 79 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, philosophy of man.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 03.09.2021; adopted after review 28.12.2021; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 41–52

Оригинальная статья
УДК 1.16
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-41-52

Соотношение феноменологических черт восприятия с семантикой сингулярных термов в контексте установок вкуса и желания

Мария Васильевна Шкаброва

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
Русское общество истории и философии науки, Москва, Россия,
rojerdeep@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4335-0476

Введение. Исследование семантики сингулярных термов, т. е. таких выражений языка, которые употребляются с целью обозначить единичный конкретный предмет, который, прежде всего, может чувственно восприниматься и быть компонентом нашей практики в физическом смысле, ведется уже несколько десятилетий. Но, как нам кажется, сущность сингулярных термов все еще во многом требует прояснения. Нужен ли анализ значения сингулярных термов инструментов, выходящих за пределы семантики? Если да, то к помощи каких инструментов необходимо прибегнуть? Далее излагаются некоторые соображения, которые помогут ответить на эти вопросы.

Методология и источники. Существует много подходов к решению поставленных проблем, начиная с философско-логических исследований Б. Рассела, М. Крессвела, Д. Каплана и других ученых и заканчивая работами лингвистов, например З. Вендлера, Д. Нинана, М. Швагер. В данной статье предпринимается попытка расширить методологию феноменологическим анализом и техникой дескрипции, в связи с чем мы обращаемся к концепциям Э. Гуссерля, А. Шюца, М. Мерло-Понти, Н. В. Мотрошиловой и др.

Результаты и обсуждение. К сингулярным термам автор относит различные языковые единицы, выделяемые в связи с той спецификой, которую имеет их употребление. Наделяя сингулярные термы особым статусом, мы вынуждены спросить себя о предпосылках «генезиса» таких термов. В работе были продемонстрированы необходимость и эффективность феноменологического метода в его пропедевтической и объяснительной функции по отношению к самому семантическому анализу сингулярных термов. Причиной тому оказывается тесная связь естественного языка и чувственного мира как данности, которую, как показало исследование, невозможно игнорировать.

Заключение. Замкнутость семантики в самой себе ограничивает возможности анализа естественного языка, в связи с чем кажется ясной необходимость обращения к феноменологии как методу. Автор попытался проиллюстрировать важность рассмотрения генетических аспектов употребления сингулярных термов и связь их предъязыкового генезиса с уникальностью статуса данных лингвистических единиц. Следовательно, есть веские причины обращаться к феноменологическому описанию восприятия и утверждать его концептуальную связь с семантикой сингулярных термов.

Ключевые слова: семантика, сингулярные термы, контекстуализм, феноменология восприятия, пропозициональные установки, теория значения

© Шкаброва М. В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 41–52

Финансирование: работа выполнена в рамках проекта Русского общества истории и философии науки, поддержанного грантом РНФ (проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания»).

Для цитирования: Шкаброва М. В. Соотношение феноменологических черт восприятия с семантикой сингулярных термов в контексте установок вкуса и желания // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-41-52.

Original paper

Relation between Phenomenological Features of Perception and Semantics of Singular Terms in the Context of Taste and Desire Attitudes

Maria V. Shkabrova

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russia,
rojerdeep@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-4335-0476

Introduction. The study of the semantics of singular terms, that is, such expressions of language that are used to designate a single concrete object, which, first of all, can be sensibly perceived and be a component of our practice in the physical sense, has been going on for several decades. But, according to the author, the essence of singular terms still needs to be clarified in many ways. Does analysis require the meaning of singular terms for tools outside the semantics? If so, what tools should be used? We would like to outline some considerations that may help in answering these questions.

Methodology and sources. A considerable number of works by famous researchers of the language are devoted to the disclosure and description of possible approaches to the problems of using singular terms (see, for example, the works of B. Russell, M. Cresswell, Z. Vendler, D. Ninan, M. Schwager, etc.). This article attempts to expand the methodology with phenomenological analysis and description, what explain the citation of M. Merleau-Ponty, A. Schutz, E. Husserl, N.V. Motroshilova, and others.

Results and discussion. On the one hand, we classify various linguistic units as singular terms, distinguished according to the specificity that their use has. On the other hand, endowing singular terms with a special status, we are forced to ask ourselves about the prerequisites for the «genesis» of such terms. The work demonstrated the necessity and effectiveness of the phenomenological method, which performs the propaedeutic and explanatory functions in relation to the semantic analysis of singular terms itself. The reason for this is the close connection between the natural language and the sensory world as a given, which, as the research has shown, cannot be ignored.

Conclusion. The closedness of semantics in itself limits the possibilities of analyzing a natural language, in connection with which it seems to us quite clear the actual need to turn to phenomenology. We tried to illustrate the importance of considering the genetic aspects of the use of singular terms and the relationship of their pre-linguistic genesis with the uniqueness of the status of these linguistic units. Therefore, we have good reasons to turn to the phenomenological description of perception and to assert its conceptual connection with the semantics of singular terms.

Keywords: semantics, singular terms, contextualism, phenomenology of perception, propositional attitudes, theory of meaning

Source of financing: the work was carried out within the framework of the project of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 21-18-00496 "The Semantic Structure of Propositional Attitudes of Consciousness").

For citation: Shkabrova, M.V. (2022), "Relation between Phenomenological Features of Perception and Semantics of Singular Terms in the Context of Taste and Desire Attitudes", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 41–52. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-41-52 (Russia).

Введение. Какие именно элементы естественного языка фигурируют в качестве сингулярных термов? Как пишет З. Вендлер, «можно сказать, что имена собственные и личные местоимения в единственном числе сами по себе являются сингулярными термами, не пользуясь для этого никакими дополнительными средствами и стилистическими особенностями» [1, p. 44]. К этому Вендлер добавляет, что имя нарицательное также может трансформироваться в сингулярный терм путем вмешательства «ограничительной фразы», в результате которого перед существительным появляется определенный артикль [1, p. 51]. На специфику его употребления указал уже Б. Рассел: «Определенный артикль, когда он используется строго, указывает на единственность» [2, с. 21]. Имена собственные и личные местоимения также предполагают единичность референта. Приняв во внимание данный признак, можно отнести к сингулярным термам и демонстративы, например указательные местоимения, и личные местоимения множественного числа постольку, поскольку они могут отсылать к конкретным предметам и общностям, характеризуемым как нечто целое и индивидуальное.

Методология и источники. Тема данной работы связана с анализом восприятия. Она является актуальной в контексте философской логики, лингвистики и частично эпистемологии, поскольку, как уже было сказано, большое количество проблем семантики возникают на стыке взаимодействия языка и эмпирического коррелята языковой единицы, а также ввиду философской проблемы Я и Другого, их взаимодействия. Теоретический материал, на который автор собирается опираться, принадлежит как авторам, ставшим классиками логико-философской традиции (Б. Рассел, Г. Фреге, Д. Льюис, Д. Каплан, Д. Фодор и др.), так и современным лингвистам (С. Ялджин, М. Швагер, Д. Нинан и др.). На наш взгляд, невозможно проигнорировать связь логических исследований с вопросом о восприятии самим по себе: какие этапы оно проходит, какие влияния со стороны объекта и субъекта испытывает, является ли неустранимой субъект-объектная бинарность, что зависит от среды, понимаемое не только в смысле вещественной предметности? Поэтому кажется естественным обращение к феноменологии. Это причина, по которой хотелось бы прибегнуть не только к обзору работ предтеч и «классиков» феноменологии, но и к более современным авторам, в частности В. Флюссеру и Ф. Дрецке. Феноменологический анализ восприятия может пролить свет на то, как возникают пропозициональные установки, предполагающие индивид и выражаемые поэтому с использованием сингулярного терма. Автор намеревается придерживаться прежде всего аналитико-синтетического метода, а также использовать феноменологическую дескрипцию в попытке поиска оснований процесса восприятия и его связи с генезисом языковых сущностей.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 41–52

Результаты и обсуждение.

1. Сингулярные термы и индексы. Если имена собственные являются предметными константами, не требующими дополнительных лингвистических средств для указания на свои значения — индивиды, то значение демонстративов и личных местоимений вне контекста остается непроясненным, поскольку сами по себе эти единицы представляют собой переменные. Так, Д. Каплан констатирует зависимость от контекста содержания фраз с употреблением демонстративов [3], противопоставляя им «неизменные», устойчивые термы, названные У. Куайном индивидными концептами. Последние представляют собой функции от возможных миров в их предметные области (домены), т. е. сопоставляют языковой единице референт в каждом мире. Демонстративы тогда предстают как функции от говорящего к референту (например, для местоимения «я») или как идентифицирующие функции от времени и места (для «сейчас» и «здесь» соответственно). Теория таких функций расширяется аппаратом, позволяющим по интенсионалу выражения определять его экстенсионал (референт). Эти средства дают возможность формализовать зависимость значения высказываний от изменяющихся во времени и пространстве фактических обстоятельств. Кроме нее есть и так называемая индексальная зависимость, специфику которой показывает Д. Льюис[1]: «Существует два вида зависимости истинности выражения от особенностей контекста: контекстуальная зависимость и индексальная зависимость. Контекст представляет из себя локацию – время, место и возможный мир, – в которой предложение произносится. Само оно имеет бесчисленное количество особенностей, детерминированных характеристикой данной локации. Индекс – это *n*-ное количество особенностей контекста, но не обязательно таких особенностей, которые сочетаются в любом возможном контексте. Так, индекс может выражать говорящего, любой момент времени до его рождения, возможный мир, где он и не рождался вовсе, и так далее» [4, с. 79]. Подход Льюиса не лишен некоторой неоднозначности, однако можно обоснованно использовать следующую его интерпретацию: индексы являются набором переменных, которые в качестве своего значения получают контекстуальные операторы, так что неартикулированные в высказывании параметры контекста становятся артикулированными.

Термин «контекстуальный оператор» будем употреблять, следуя определению Ф. Дрецке [5], а именно: как элемент языка, который, будучи добавлен к высказыванию, изменяет его, преобразуя в новое высказывание, менее зависимое по своему значению от контекста. Так, если мы фиксируем возможный мир w^*, момент времени t^* и место пространство p^*, то индексы, контекстуально определяющие значение выражения, принимают значения, соответственно, w^*, t^* и p^*. Действительно, возможный мир, время и место определяют контекст, но сами от него не зависят, выступая в роли семантических условий, относительно которых определяются значения всех компонентов высказывания и производящих, так сказать, их «овнешнение».

Индексы, однако, не являются всегда эффективным средством. Например, индексируя выражение указанием на говорящего, мы сначала отсылаем к некоторому возможному миру,

[1] Льюис использует термин «контекст» в двух смыслах. Такое употребление возможно, но не вполне удачно и сегодня не используется. Первый смысл соответствует в изложении автора статьи фактической стороне дела в возможных мирах, второй – собственно контексту.

в котором он существует, и в этом мире говорящий может быть явлен разным людям и в разных ситуациях по-разному, а в каких-то мирах его может не быть вовсе, т. е. не всякий набор значений индексов обеспечивает обнаружение референта. При этом любое содержание языкового выражения, например отражающее определенный факт, можно раскрыть в привязке к контекстуальным операторам. По этому поводу Льюис пишет: «Когда истинность-в-английском зависит от предметной фактичности, она называется контингентностью. Когда она зависит от особенностей контекста, это – индексальность. Но нужно ли нам разделять их? Некоторые контингентные факты относятся к контексту, но любые ли? Каждый контекст укоренен не только в физическом пространстве, но и в логическом» [4, p. 82].

Не все высказывания индексально чувствительны, и в наибольшей степени это характерно для тех из них, которые содержат демонстративы. Классический пример Каплана звучит так: «Я сейчас здесь». Это выражение одновременно и всегда истинно, и полностью зависимо от четырех условий: *w*, *t*, *p*, *x* – возможного мира, момента времени, места и субъекта высказывания соответственно[1]. Признавая выражение «Я сейчас здесь» индексальным, мы предполагаем, что индексальная чувствительность всегда сохраняется, поскольку приведенная фраза при каждом новом произнесении, т. е. в каждой новой ситуации, может передавать различное содержание, или, говоря словами Каплана, различное «what is said» [3, p. 494].

Чувствительность может быть и параметрической. С. Ялджин обнаруживает, что индексальная чувствительность к контексту в стиле Каплана невосприимчива к тому, как соответствующее выражение встроено в языковую среду. Чувствительность эта «присутствует, несмотря ни на что. Содержание предложения, в котором имеется употребление местоимения Я, например, в общем случае чувствительно к контексту, даже когда это выражение максимально устойчиво» [6, p. 2]. В некоторых случаях, как показал Ялджин, при достаточном насыщении выражения языковыми единицами, артикулирующими условия интерпретации, чувствительность исчезает.

При анализе отраженной в индексах чувствительности высказывания замечаем, что многие параметры, от которых зависит значение фразы, имеют непосредственное отношение к субъекту высказывания или говорящему. Поэтому далее переходим к тому, каким образом данное отношение влияет на семантический анализ.

2. Субъект как часть контекста: от объективного смысла к предикатам вкуса. Феноменологический аспект проблемы открывается тогда, когда мы задаемся вопросом, каким образом осуществляется свойственная сингулярным термам референция к единичному объекту? Особенно интересным этот вопрос становится в связи с совершенно обычным в коммуникативной практике приписыванием субъекту высказывания пропозициональной установки, или пропозиционального состояния.

Роль субъекта в логико-семантическом анализе часто нивелируется. Отчасти «вычеркиванием» субъективного из анализа языка мы обязаны самому Г. Фреге. В работе «О смысле и значении» [7] он отождествляет чисто субъективное с представлением, поскольку последнее принадлежит исключительно конкретному человеку и является внутренним образом. При этом основа представления – индивидуальная память о чувственных переживаниях и обстоятельствах их возникновения. В результате, единичный смысл может оказаться связанным с

[1] Каплан причисляет эти семантические условия к индексам.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 41–52

множеством представлений, которые, в силу своей принадлежности отдельному человеку, могут получить интерсубъективный характер в лучшем случае частично. Смысл, согласно Фреге, отличается от представления своей относительной независимостью от субъекта, поэтому смыслы, как и денотаты, будучи общими для многих субъектов, обеспечивают возможность коммуникации. Она, как отмечает Ф. Дрецке, имеет динамический характер, и элементы информации сосуществуют в потоке, отсылая один к другому, не теряя при этом своей полноты и самостоятельности, позволяющих осуществлять анализ их значений по отдельности [8]. Эта двойственность объясняется присутствием фигуры субъекта, когнитивная деятельность которого связывает отдельные элементы информации в движущийся поток.

Но не слишком ли существенная роль отводится здесь субъекту? Если вернуться к позиции Фреге, то представления как результаты когнитивной деятельности субъекта чаще всего оказываются глубоко связанными с его личностью и становятся объектами пропозициональных установок. Полагаем, что подобные представления, или образы, не являются вовсе непередаваемыми, поскольку тогда перед нами были бы не образы предметов и ситуаций, а ряды неустойчиво связанных ощущений и восприятий соответственно. Возникают они или нет, но они не порождают смыслов, которые могут становиться предметом коммуникации, тогда как мы имеем дело именно с тем, что становится таким предметом. Поэтому когнитивная деятельность субъекта, результатом которой является фрегевское «представление», несущее с собой вполне определенное содержание, в процессе смыслообразования соотнесено с физической вещью как денотатом. Это подтверждается и ролью интерсубъективности как предпосылки порождения и циркуляции смыслов.

Внутренние образы являются носителями смысла также потому, что в них могут быть отражены отношения, в частности, между субъектом и объектом высказывания. Установки поддаются анализу и прочно связаны с контекстом высказывания, поэтому, говоря о «своем» представлении, мы подразумеваем не столько контекст, в котором возникает личная убежденность, сколько некоторое место пребывания смысла вообще. Важно, что смыслообразование – это результат не только вербальной деятельности, но, как отмечает Ф. А. Станжевский, «…на основе совместного внимания взаимодействие между субъектами принимает форму участвующего смыслополагания. Оно заключается в том, что само взаимодействие между индивидами порождает смыслы, недоступные каждому из индивидов по отдельности» [9, с. 90]. Он выделяет три уровня интерсубъективности, замечая, что, несмотря на непропозициональный характер интенциональности на первых двух уровнях, человек все равно способен схватывать смысловые содержания явлений, которые он воспринимает, и таков, например, феномен совместного внимания.

Субъект, будучи частью контекста высказывания, может непосредственно влиять на значение сингулярного терма и играть активную роль в формировании условий истинности. Яркий тому пример – суждения вкуса, в которых сингулярные термы отсылают к единичным объектам, являющимся нам в чувственном опыте. Это наблюдается даже там, где суждение выносится относительно вида объектов: «Маша полагает, что яблоки вкусные». Здесь интерпретация приведет к миру, в котором Маша сталкивается с конкретным яблоком. При этом следует учитывать дифференциацию возможных ролей субъекта, одна из которых – роль интерпретатора, другая – роль говорящего. Принципиальность данной демаркации – в семантическом анализе установок вкуса, подчеркивает Д. Нинан, указывая на два вида прочтения

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 41–52

предикатов вкуса [10]. Первое – так называемое экзоцентричное, когда спикер и субъект высказывания не совпадают, например, когда мы рассказываем, как кому-то понравился закат в Тибете или выражаем общее мнение о произведении искусства, которое не воспринимали непосредственно. В этих случаях не требуется знакомства с подразумеваемым объектом. Второе прочтение – аутоцентричное, где говорящий и субъект суждения совпадают. Чаще всего такие высказывания производятся от первого лица, поэтому предполагают первичное знакомство с объектом. Гипотетически это же условие можно попытаться распространить и на эпистемические установки, однако в задачи представленной статьи это не входит. Данный подход имеет прагматическое значение, поскольку явно учитывает контекстуальные параметры [10, p. 302].

3. Когнитивный контакт и его природа. В интерпретации сингулярных термов ключевым оказывается понятие отношения. Оно отражает как связь между пропозицией и вещью, так и связь субъекта с вещью, о чем уже частично упоминалось в предшествующем рассуждении. Здесь мы сталкиваемся с областью онтологических предпосылок и вопросами феноменологического характера, т. е. с тем, каков статус вещей, и с тем, как вещи нам являются. Эти вопросы становятся актуальными, когда мы обращаемся к значению термов *de re* в контекстах пропозициональных установок, таких как, например, уже упоминавшийся контекст суждений вкуса, схожий во многом с контекстом убеждения, и контекст желания. Частая ошибка, считает М. Крессвел, состоит в приписывании словам предустановленного и неизменного значения, якобы позволяющего прочитывать их всегда буквально [11]. Язык в действительности изменчив и подвижен постольку, поскольку его употреблению всегда предшествует некоторая данность. Мы предполагаем, что семантика строится на некоторой онтологической упорядоченности, базовой единицей которой являются даже не сами вещи как компоненты пропозиций, а отношения [12]. При отсутствии связей между объектами и субъектом язык либо выстраивал бы их абсолютно произвольно, либо, не находя их, не обладал бы способностью выражения. Грубо говоря, языку необходима объектная сетка: «Субъект, понимаемый как проект, реализует себя в практике проецирования – набрасывании и выявлении сети новых связей и отношений, новых объединяющих смыслов» [13, с. 106–107]. Ее общефилософское содержание можно выразить словами В. Флюссера «…в Новом времени можно различить две конвергирующие (хотя и имплицитные друг другу) тенденции. Одна тенденция – шаг за шагом демонтировать веру в надежность мира вещей, другая – веру в надежность субъекта в этом вещном мире, и теперь обе эти тенденции начинают сталкиваться друг с другом» [14, с. 67].

В связи с этим остановимся на оппозиции двух современных исследовательских направлений – нейропсихологического и экзистенциального. Флюссер действительно пишет о них по большей части в контексте философии Нового времени, однако сконцентрируемся на данных направлениях именно потому, что они продолжают активно воспроизводиться в современной науке (когнитивистика, нейробиология) и философии (например, физикалистская и функционалистская философия сознания). Цитируемый автор обращается в том числе к феноменологической интерпретации, уже выходящей за пределы новоевропейской метафизики[1].

[1] Также возникает вопрос (выражаю за него благодарность анонимному рецензенту) о том, какое отношение это имеет к теории использования языка рядовыми носителями? Полагаем, что именно феноменология с ее

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 41–52
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 41–52

Направление нейропсихологическое предполагает, что понимание того, как «чувственное» реализует для нас воспринимаемый мир посредством органов чувств, приходит через картину того, как «от нервных волокон принимаются точкообразные раздражения, а именно, по “цифровому” принципу: каждое отдельное раздражение либо принимается, либо отклоняется» [14, с. 67]. В итоге, мы сводим объект представления к набору утверждений и отрицаний. «Воспринимаемый мир является проекцией процесса обработки данных», причем «обработка данных восприятия происходит при всем том не в изолированной нервной системе, эта система состыкована с другими. Восприятие обрабатывается функциями других восприятий, которые каким-то образом сохраняются в системе. При этом оказывается, что сохраненные восприятия в значительной степени подпитываются от других нервных систем. Они – входные данные (Input) выходящих данных (Outputs) другой нервной системы» [14, с. 68].

С одной стороны, в таких формулировках косвенно подчеркивается важный аспект восприятия вещи, а именно – телесная включенность субъекта восприятия в, если можно так выразиться, пространственно-временную содержательно наполненную сеть взаимодействий, называемую обычно «миром» или «данностью». Феноменология интерпретирует явление мира достаточно разнообразно [15, 16], однако сейчас нам важно сконцентрироваться на его роли как среды телесного взаимодействия в перспективе смыслообразующей функции. М. Мерло-Понти пишет: «Собственное тело занимает в мире то же место, что и сердце в организме: оно постоянно поддерживает жизнь в видимом нами спектакле, оно его одушевляет и питает изнутри, составляет вместе с миром единую систему» [17, с. 261]. Можно ли тогда полностью удовлетвориться определением восприятия вещи как некоторой совокупности «точкообразных раздражений»? Опираясь на феноменологию восприятия, мы рассматриваем такой взгляд как неадекватный. Предпочтительнее говорить не о совокупности, а о «пучке объективных корреляций», «живом соединении» [17, с. 262–263], в которых воспринимаемая вещь предстает изначально целой, как и собственная телесная идентичность Я. Также, поскольку субъект способен проектировать смыслы и распространять их через язык, они приобретают конвенциональный характер и становятся «общим местом», что является условием актуализации интерсубъективности.

Здесь берет слово второе направление – экзистенциальное. Согласно Флюссеру, «феноменологические изыскания показывают, что познание есть конкретный феномен, из которого лишь задним числом экстраполируются субъект и объект познания. Они показывают, что конкретный “жизненный мир” есть место взаимосвязи…» [14, с. 69]. Убежденность в наличии предустановленного значения для каждого существующего объекта можно было бы поэтому назвать своеобразным догматическим предрассудком [17, с. 263]. Однако каким образом можно выразить подвижность значения, коррелируемую с подвижностью тела воспринимающего Я? В данной статье была попытка проиллюстрировать такую возможность в контексте параметрической чувствительности выражения в семантическом анализе

дескриптивным подходом и обращением к опыту восприятия (и психического в более широком смысле) ближе всего как раз к естественной практике понимания и оперирования выражениями и значениями. Введение «объектной сетки», в том числе косвенно присутствующее у Флюссера, согласуется, по нашему мнению, с феноменологическими притязаниями в поле теоретизирования. Мы можем усмотреть данную структуру, редуктивно приостановив бытийную веру в мир.

пропозициональных установок вкуса. Подобные же средства используются в интерпретации установок желания, например при возникновении проблемы третьего прочтения [18].

Объясним суть проблемы на следующем примере:

Нина хочет купить слона, как у Раджеша.

«Классически» это предложение можно прочесть двумя способами. В первом случае имеется конкретный слон, на которого будет нацелено желание Нины, во втором случае Нина, напротив, будет руководствоваться соответствием слонов свойству «быть как у Раджеша», не имея ввиду никакого особого слона. Суть третьего прочтения заключается в компромиссном сценарии, согласно которому (1) Нина в действительности не имеет в виду никакого конкретного слона (в результате чего первая трактовка становится неподходящей), в то же время (2) не имея никаких намерений найти соответствия свойству «быть как у Раджеша» (следовательно, и второй случай не отражает ситуации). Остается неясным, как следует формально выразить условия истинности рассматриваемого предложения. М. Швагер, опираясь на идеи М. Крессвела и А. фон Штехова, вводит отношение «когнитивного контакта», возникающего тогда, когда индивид находится в некотором конкретном отношении исключительно к некоторой вещи, так что отношение это идентифицирует вещь. Такой когнитивный контакт дает индивиду весьма сложное для семантической интерпретации свойство [19, p. 405]. Это в полной мере отражает идею, согласно которой в контекстах желания интенциональный объект (понимаемый в широком смысле) может быть не всегда действительно существующим в актуальном мире, но тем не менее сознаваться субъектом желания, так сказать, неспецифическим образом. Поэтому лучше было бы говорить не о вещи и ее «образе», впадая в некоторую двусмысленность, а о феноменах и способах их явления в ситуации, когда я нечто желаю.

Заключение. При постановке вопроса о семантике сингулярных термов, которая представлена в статье, становится доступным использование феноменологического метода. Выражаясь словами Э. Гуссерля, «где бы мы ни говорили о явлении, мы всегда подразумеваем тех субъектов, которым нечто является, но одновременно – и те моменты их психической жизни, соразмерно которым явление имеет место как явление чего-то, и последнее есть именно являющееся в нем» [20, с. 302]. Тактика рассмотрения объекта, входящего в пропозицию установки вкуса, убеждения или желания, меняется, и объект этот не интерпретируется более как «куст» свойств, соответствующих или не соответствующих его действительным атрибутам. Объект возникает в работе воображения, возвращающего, с одной стороны, реальное или мнимое фрегевское представление об объекте, а с другой – дающего предвосхищение новых ситуаций знакомства с ним как осуществления уникального отношения, или когнитивного контакта. Последний, имея своим коррелятом нейропсихологическое состояние, дан субъекту в его внутреннем опыте, включенном в поток коммуникативных смыслов и значений, отсылающих к конкретным ситуациям произнесения и связанным с ними задачами говорящего.

Таким образом, семантика, допускающая лишь один род индивидов, в указанном выше смысле ограничивает анализ значения выражений естественного языка. Главным обстоятельством, заставляющим обращаться к феноменологии, является отсутствие общей теории

значения (для каждого частного случая можно придать решение, хотя бы ценой сведения *de re* к *de dicto* посредством артикуляции в языке всех условий интерпретации выражения *de re*), которая охватывала бы все интересующие нас проблемные случаи. Как представляется, связано это как раз с тем, что план субъективного опыта, который можно раскрыть феноменологически, остается в стороне. Другой вопрос состоит в том, что феноменальное не может так просто стать элементом семантической теории, но стоит напомнить, что та же семантика возможных миров появилась именно как следствие формализации некоторой ментальной модели, по своей природе метафорической. Пока невозможно сделать окончательные выводы, но, вероятно, феноменологическая разработка восприятия может дать ценные модели для семантики. Автор попытался проиллюстрировать важность рассмотрения генетических аспектов употребления сингулярных термов и связь их предъязыкового генезиса с уникальностью статуса данных лингвистических единиц. Следовательно, у нас есть веские причины обращаться к феноменологическому описанию восприятия и утверждать его концептуальную связь с семантикой сингулярных термов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY: Cornell U, 1967.

2. Рассел Б. Об обозначении // Избранные труды / пер. с англ. В. В. Целишева, В. А. Суворовцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. С. 18–32.

3. Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan / eds. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. P. 481–563.

4. Lewis D. K. Index, context, and content // Philosophy and Grammar / eds. by S. Kanger, S. Öhman. Amsterdam: Reidel, 1980. P. 79–100.

5. Dretske F. Epistemic operators // J. of Philosophy. 1970. Vol. 67 (24). P. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710.

6. Yalcin S. Parametric context-sensitivity. 2019. URL: https://static1.squarespace.com/static/551f03bce4b0bf9fbfefa27c/t/5dcd99f2d2cd1f47c5329f85/1573755380972/oxfordstudies.pdf (дата обращения: 25.12.2022).

7. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика / пер. с нем. Б. В. Бирюкова; под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–247.

8. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, MA: MIT Press, 1981.

9. Станжевский Ф. А. Неатрибутивное, непропозициональное восприятие ментальных состояний другого человека как основа интерсубъективного взаимодействия // Экономический вектор. 2016. № 1 (4). С. 90–102.

10. Ninan D. Taste predicates and the acquaintance inference // Proc. of SALT 24. 2014. P. 290–309. DOI: 10.3765/salt.v24i0.2413.

11. Cresswell M. J. Structured meanings: the semantics of propositional attitudes. Cambridge, Mass., London: The MIT Press, Bradford Books, 1985.

12. Raud R. Being in Flux: A Post-Anthropocentric Ontology of the Self. Cambridge: Wiley, 2021.

13. Степанов М. О деавтономии: тезисы после конца истории // Синтез современности: руины ГАХН и постдисциплинарность / под ред. Н. Сазонова, А. Хеннинг. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2021. С. 99–121.

14. Флюссер В. О проецировании / пер. с нем. М. Степанова // Хора. 2009. № 3–4. С. 65–76.

15. Шюц А. О множественности реальностей / пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 2. С. 3–34.

16. Мотрошилова Н. В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. Вып. 7. С. 102–112.

17. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Наука, Ювента, Gallimard, 1999.

18. Fodor J. D. The Linguistic Description of Opaque Contexts: Dr. Sci. (Philosophy) dissertation / Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, 1970.

19. Schwager M. Speaking of Qualities // Proc. of SALT 19. 2009. P. 395–412. DOI: https://doi.org/10.3765/salt.v19i0.2534.

20. Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Избранные работы / под ред. В. А. Куренного. М.: Территория будущего, 2005. С. 297–340.

Информация об авторе.

Шкаброва Мария Васильевна – студентка магистратуры (1-й курс) Института философии человека РГПУ им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186, Санкт-Петербург, Россия. Участница проекта Русского общества истории и философии науки. Сфера научных интересов: феноменология восприятия, философия сознания, метафизика процесса, логика, семантика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.11.2021; принята после рецензирования 14.02.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Vendler, Z. (1967), *Linguistics in Philosophy*, Cornell U, Ithaca, NY, USA.

2. Russell, B. (2009), “About designation”, *Izbrannye trudy* [Selected writings], Transl. by Tselishev, V.V. and Suvorovtsev, V.A., Sib. univ. izd-vo, Novosibirsk, RUS, pp. 18–32.

3. Kaplan, D. (1989), “Demonstratives”, *Themes from Kaplan*, in Almog, J., Perry, J. and Wettstein, H. (eds.), Oxford Univ. Press, Oxford, UK, pp. 481–563.

4. Lewis, D. (1980), “Index, context and content”, *Philosophy and Grammar*, in Kanger, S. and Öhman, S. (eds.), Reidel, Amsterdam, NLD, pp. 79–100.

5. Dretske, F. (1970), “Epistemic operators”, *J. of Philosophy*, vol. 67 (24), pp. 1007–1023. DOI: 10.2307/2024710.

6. Yalcin, S. (2019), *Parametric context-sensitivity*, available at: https://static1.squarespace.com/static/551f03bce4b0bf9fbfefa27c/t/5dcd99f2d2cd1f47c5329f85/1573755380972/oxfordstudies.pdf (accessed 25.12.2022).

7. Frege, G. (2000), “Über Sinn und Bedeutung”, *Schriften zur Logik und logischen Semantik*, Tranlsl. by Biryukov, B.V.; in Kuzicheva, Z.A. (ed.), Aspekt Press, Moscow, RUS, pp. 230–247.

8. Dretske, F. (1981), *Knowledge and the Flow of Information*, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, USA.

9. Stanzhevskiy, F.A. (2016), “On-propositional and non-attributive grasping of the other’s mental states as the basic form of intersubjective interaction”, *Economic Vector*, no. 1 (4), pp. 90–102.

10. Ninan, D. (2014), “Taste predicates and the acquaintance inference”, *Proceedings of SALT 24*, pp. 290–309. DOI: 10.3765/salt.v24i0.2413.

11. Cresswell, M.J. (1985), *Structured meanings: the semantics of propositional attitudes*, MIT Press, Bradford Books, Cambridge, Mass., London, USA.

12. Raud, R. (2021), *Being in Flux: A Post-Anthropocentric Ontology of the Self*, Wiley, Cambridge, UK.

13. Stepanov, M. (2021), “About deautonomy: theses after the end of history”, *Sintez sovremennosti: ruiny GAKhN i postdistsiplinarnost'* [Synthesis of modernity: the ruins of the State Academy of Arts and Sciences and postdisciplinarity], in Sazonova, N. and Khenning. A. (eds.), Izd-vo inst. Gaidara, Moscow, RUS, pp. 99–121.

14. Flusser, V. (2009), “Vom Projezieren”, Transl. by Stepanov, M., *Khora*, no. 3–4, pp. 65–76.

15. Schütz, A. (2003), “On multiple realities”, Transl. by Korbut, A., *Russian Sociological Review*, vol. 3, no. 2, pp. 3–34.

16. Motroshilova, N.V. (2007), "Concept and the conception of the vital world of Husserl's late philosophy", *Current Issue*, no. 7, pp. 102–112.

17. Merleau-Ponty M. (1999), *Phénoménologie de la Perception*, Transl. by Vdovina, I.S. and Fokin, S.L., Nauka, Yuventa, Gallimard, SPb., RUS.

18. Fodor, J.D. (1970), "The Linguistic Description of Opaque Contexts", Dr. Sci. (Philosophy) dissertation, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, USA.

19. Schwager, M. (2009), "Speaking of Qualities", *Proceedings of SALT 19*, pp. 395–412. DOI: https://doi.org/10.3765/salt.v19i0.2534.

20. Husserl, E. (2005), "Amsterdam Lectures", *Izbrannye raboty* [Selected works], Kurennoi, V.A. (ed.), Territoriya budushchego, Moscow, RUS, pp. 297–340.

Information about the author.

Maria V. Shkabrova – Student Master's (1st year) at the Institute of Human Philosophy, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. Participant of the project of the Russian Society for the History and Philosophy of Science. Area of expertise: phenomenology of perception, philosophy of consciousness, metaphysics of the process, logic, semantics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.11.2021; adopted after review 14.02.2022; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 53–65
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 53–65

Социология
Sociology

Оригинальная статья
УДК 376.3
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-53-65

Профессиональная деятельность инвалидов как фактор развития образования в инклюзивном социуме

Светлана Соломоновна Лебедева[1], Мария Евгеньевна Кудрявцева[2]✉

[1]*Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Санкт-Петербург, Россия*

[2]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[1]*Lebedevalanna@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6811-0789*
[2]✉*mashutka331@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9289-7454*

Введение. Рассматривается проблема образования и профессиональной деятельности людей с инвалидностью. Реализация идей инклюзивного образования может быть успешной, если будет учитываться опыт лиц с инвалидностью, продуктивно построивших свою профессиональную траекторию и активно участвующих в общественных, образовательных, социокультурных и других инициативах современного социума.

Методология и источники. Проблема профессионально-творческой реализации людей с инвалидностью рассматривается в русле социально-образовательного подхода, предполагающего необходимость интеграции инвалидов во все сферы современного общества, а также в русле экологического подхода, рассматривающего проблему качества жизни людей с инвалидностью. Статья опирается на работы таких авторов, как О. С. Андреева, А. В. Грузинцев, М. А. Дымочка, А. А. Кирилловых, С. Н. Каштанова, В. А. Кудрявцев, С. С. Лебедева, Н. Т. Селезнева, А. В. Чердакова, а также на материалы 25 научно-практических конференций (1994–2020 гг.). В исследовании применялись контент-анализ массива 1553 статей по материалам конференций, а также метод кейс-стади.

Результаты и обсуждение. В процессе оценки массива публикаций авторы сделали вывод о том, что люди с инвалидностью, активно участвующие в профессиональной деятельности и общественной работе, отразили многие аспекты проблемы инклюзивного образования. Теоретико-практические выводы и примеры, приведенные в кейс-стади, показали, что особенно удачным представляется опыт инвалидов, работающих в социально-культурной и образовательной областях, развивающих инклюзивные возможности инвалидов с помощью передовых цифровых технологий. Анализ профессиональной деятельности людей с инвалидностью позволил сделать вывод о том, что ее смысл и суть связаны с формированием инклюзивного социума.

Заключение. Авторы делают вывод о том, что люди с ограничениями здоровья выступают инициаторами и организаторами актуальных направлений деятельности, способствующей активной поддержке людей с инвалидностью в процессе их непрерывного образования.

© Лебедева С. С., Кудрявцева М. Е., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: лица с инвалидностью, профессиональная деятельность, непрерывное образование, инклюзия, инклюзивный социум, научно-практические конференции

Для цитирования: Лебедева С. С., Кудрявцева М. Е. Профессиональная деятельность инвалидов как фактор развития образования в инклюзивном социуме // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 53–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-53-65.

Original paper

Professional Activities of Disabled People as a Factor of the Development of Education in an Inclusive Society

***Svetlana S. Lebedeva*[1], *Maria E. Kudryavtseva*[2]✉**

[1]*Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St Petersburg, Russia*

[2]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

[1]*Lebedevalanna@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6811-0789*
[2]✉*mashutka331@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9289-7454*

Introduction. The article deals with the problem of professional activity and education of persons with disabilities. The implementation of the ideas of inclusive education could be successful if the experience of persons with disabilities who have productively built their professional trajectory and actively participate in public, educational, sociocultural and other initiatives of modern society is taken into account.
Methodology and sources. The problem of professional and creative realization of people with disabilities is considered in line with the socio-educational approach, which implies the need to integrate people with disabilities into all spheres of modern society, as well as in line with the environmental approach, which involves considering the problem of the quality of life of people with disabilities. The article is based on the articles of such authors as O.S. Andreeva, A.V. Gruzintsev, M.A. Dymochka, A.A. Kirillovykh, S.N. Kashtanova, V.A. Kudryavtsev, S.S. Lebedeva, N.T. Selezneva, A.V. Cherdakova, as well as materials of 25 scientific and practical conferences (1994–2020). The article uses methods of content analysis of an array of 1553 articles based on conference materials, as well as the case study method.
Results and discussion. In the process of evaluating the array of publications, the authors concluded that persons with disabilities actively participating in professional activities and social work reflected many aspects of the problem of inclusive education. Theoretical and practical conclusions and examples given in the case study showed that the experience of people with disabilities working in the socio-cultural and educational fields, who develop the inclusive capabilities of people with disabilities with the help of advanced digital technologies, seems to be especially successful. An analysis of the professional activities of persons with disabilities led to the conclusion that its meaning and essence are associated with the formation of an inclusive society.
Conclusion. The authors conclude that people with disabilities are the initiators and organizers of relevant areas of activity that contribute to the active support of people with disabilities in the process of their lifelong education.

Keywords: persons with disabilities, professional activities, lifelong education, inclusion, inclusive society, scientific and practical conferences

For citation: Lebedeva, S.S. and Kudryavtseva, M.E. (2022), “Professional Activities of Disabled People as a Factor of the Development of Education in an Inclusive Society”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 53–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-53-65 (Russia).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 53–65
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 53–65

Введение. Анализ общества как сложной иерархической структуры предполагает изучение трансформации отношений между различными социальными группами, в частности в аспекте антидискриминационных тенденций современного мира. Люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), являясь одной из наиболее уязвимых социальных групп, вызывают в последние десятилетия особое внимание социологов, социальных психологов и педагогов. Интерес при этом представляют как процессы инклюзии данной группы в социум, обусловленные отношением к ней со стороны внешних групп, так и процессы ее самоорганизации, обусловленные профессиональной научной и практической деятельностью ее членов.

В настоящее время, к сожалению, далеко не все люди с инвалидностью, получившие профессиональное образование, имеют возможность найти рабочее место и трудоустроиться по выбранной специальности. Однако опыт показывает, что те, кто получает такой шанс, как правило, не только на высоком уровне выполняют свои обязанности, но целенаправленно повышают профессиональную квалификацию, проявляют интерес к смежным областям науки и практики, стремятся к расширению социокультурного кругозора и тем самым утверждают себя в профессии и общественной жизни как специалисты высокого класса и активные члены современного общества.

В силу определенных ограничений здоровья и связанных с ними проблем социализации для инвалидов, реализующихся в профессии, особенно важно быть услышанными, понятыми и принятыми, что возможно лишь в случае диалогического общения. В связи с этим в жизни людей с инвалидностью приоритетное место часто занимают такие формы, стимулирующие расширение их профессиональных возможностей, как участие в научно-практических конференциях, проблемных семинарах и других общественных мероприятиях, где раскрытие их творческого потенциала происходит в контексте профессиональных дискуссий. Становящийся все более распространенным онлайн-формат таких мероприятий делает их для людей с ограничениями жизнедеятельности еще более доступными, что, безусловно, способствует их профессиональной реализации. Можно утверждать, что развитие цифровых технологий дает новый импульс процессам интеграции инвалидов в общество, актуализирует их участие в решении многих важных социокультурных проблем современного мира, связанных, в частности, с проблемой непрерывного образования.

Методология и источники. Рассмотрим проблему профессионально-творческой реализации людей с инвалидностью в русле социально-образовательного подхода, предполагающего необходимость интеграции инвалидов во все сферы современного общества как важный фактор образовательной инклюзии. Другим подходом данного исследования является экологический, предполагающий рассмотрение проблемы качества жизни людей с инвалидностью, реализующих свой потенциал в системе непрерывного инклюзивного образования и профессиональной деятельности.

Привлечение инвалидов к активной жизни отмечено, начиная со второй половины XIX в. Как известно, идеи инклюзии в исторической ретроспективе актуализировались и развивались в прямой пропорциональной зависимости с утверждением идей, связанных с необходимостью образования для лиц с инвалидностью и совершенствованием их социальной защиты. (К. И. Грот, К. Ф. Лейко, А. И. Скребицкий и др.). В решении проблем образования

в XIX – начале XX вв. ведущее место занимали попечительские и общественные организации, активно действовавшие на всей территории дореволюционной России.

Советский период представил богатый опыт деятельности общественных организаций инвалидов, практики создания трудовых коллективов, профессиональных сообществ, развивающих идеи самоуправления в процессе организации образовательной, профессиональной, социокультурной, оздоровительной и других видов деятельности.

Начиная с 90-х гг. XX в. активизация общественных сил не обошла стороной социальную группу инвалидов, а обнаружила особый интерес этой группы к проблемам образования, профессиональной деятельности, социального становления и развития. Интеграция людей с инвалидностью во все сферы общественной жизни значительно выросла и при этом учитывала международный опыт, укреплялись зарубежные интеграционные связи, возникали новые разнообразные конструктивные формы работы с людьми, имеющими инвалидность, на постсоветском пространстве.

В последнее десятилетие интерес к проблеме социализации инвалидов продолжает расти, в журнальных статьях последних лет уделяется внимание не только широким проблемам образования и профессиональной деятельности лиц с ОВЗ, но и более специальным и узким вопросам.

Так, в статье В. А. Кудрявцева и С. Н. Каштановой предлагается понятие «культура инклюзии», частью которой выступает профессиональная культура, рассматриваемая с позиции оптимизации трудовой деятельности людей с ОВЗ. Авторы предлагают новый образовательный адаптационный модуль «Стратегия и тактика оптимизации собственных возможностей», который включает в себя две дисциплины: «Основы личностного роста и профессионализации» и «Экология деятельности и здоровьесбережение (практикум)» [1, с. 64]. Современные направления развития теории непрерывного образования инвалидов рассматриваются в [2].

Есть статьи, в которых поднимаются проблемы трудоустройства инвалидов и лиц с ОВЗ в аспекте видов профессиональной деятельности, например, работа А. В. Чердаковой «Трудоустройство инвалидов по видам профессиональной деятельности», в которой рассматриваются вопросы государственного регулирования трудоустройства инвалидов и лиц с ОВЗ, приводятся статистические данные по занятости инвалидов [3].

Геополитические факторы, влияющие на реализацию прав инвалидов на профессиональную деятельность, затрагиваются в работе А. А. Кирилловых [4]. Отметим также статью этого же автора «Правовые механизмы допуска и обеспечения профессиональной деятельности инвалидов по зрению» [5]. Правовые аспекты профессиональной деятельности инвалидов освещаются и в публикации М. А. Дымочки и О. С. Андреевой, где, в частности, рассматривается модель индивидуальной поддержки инвалидов на открытом рынке труда и представлены программы по возвращению инвалидов к трудовой деятельности [6].

Мотивационно-ценностные аспекты профессиональной деятельности инвалидов и лиц с ОВЗ рассматриваются в работе Н. Т. Селезневой и А. В. Грузинцева «Мотивационно-ценностный показатель социальной ответственности инвалидов в профессиональной деятельности». С точки зрения авторов, именно активная жизненная позиция является залогом успешной адаптации инвалидов и их интеграции в профессиональную деятельность: «Инвалид, обладающий активной жизненной позицией, концентрирует внимание не только на

личных переживаниях, но и на глобальных проблемах, стремится помочь людям, которые его окружают» [7, с. 130].

Объектом внимания в нашей статье являются публикации, вышедшие по материалам конференций по проблемам образования и социальной защиты инвалидов. Анализ материалов проведенных авторами 25 научно-практических конференций (1994–2020 гг.) позволил ретроспективно рассмотреть участие инвалидов в системе образовательной и профессиональной деятельности.

Задачи исследования:

1. Выявить людей с инвалидностью, проявляющих интерес к образовательной деятельности и имеющих потребность ее осмысления в процессе участия в научно-практических конференциях теоретического и практического характера.

2. Определить круг проблем, которые люди с инвалидностью выносят на обсуждение, выступая с докладами на конференциях.

3. Изучить и осмыслить новые инклюзивные практики, которые вносят в свою образовательно-профессиональную деятельность люди с инвалидностью.

4. Определить актуальные направления деятельности, способствующей активной поддержке инвалидов, созданию и реализации инклюзивных проектов в области их образования и в процессе их профессиональной деятельности.

Ретроспективно проанализировав материалы научно-практических конференций, мы пришли к следующим выводам:

– более трети участников (в разные годы 25–30 % от общего числа) – люди с ограниченными возможностями, с инвалидностью, которая установлена МСЭ (медико-социальной экспертизой);

– подавляющее большинство участников работает в образовательных, социальных и медицинских учреждениях с лицами с инвалидностью и лицами с ОВЗ или является представителями общественных организаций для инвалидов;

– для авторов публикаций ведущей мотивацией выступает совершенствование образовательной и профессиональной деятельности в плане развития инклюзивных возможностей инвалидов в процессе участия в инновационной деятельности и в том числе с учетом возможностей цифровых технологий, в настоящее время активно развивающихся в инновационной практике.

Методы исследования:

1. Контент-анализ массива 1 553 статей, изданных в сборниках по результатам проведения 25 научно-практических конференций с участием лиц с инвалидностью с 1994 по 2020 г. на базе Института образования взрослых РАО, Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, СПб ГБУ «Профессионально-реабилитационный центр», при участии специалистов РГПУ им. А. И. Герцена, Федерального научного центра реабилитации инвалидов им. Г. А. Альбрехта и др.

2. Кейс-стади, выявляющие динамику образовательно-профессиональной деятельности шести человек с инвалидностью, участвующих в конференциях на протяжении ряда лет.

Результаты и обсуждение. Метод контент-анализа статей позволяет, условно выделив три этапа проведения конференций, останавливаться на наиболее характерных для каждого

этапа проблемах с указанием ведущих вопросов, в которых выступали специалисты, имеющие инвалидность (таблица).

Проблематика конференций
Conference issues

Этапы	Проблемы теоретического характера	Проблемы практического характера
I этап 1994–2001 гг.	Проблема самоопределения как психологический фактор образования и самообразования лиц с инвалидностью и необходимость ее решения в учреждениях образования. Проблемы образования взрослых инвалидов	Проблемы научно-методической организации обучения в учреждениях общего и профессионального образования с учетом депривации обучающихся
II этап 2002–2010 гг.	Становление самосознания молодежи с инвалидностью в процессе познавательной деятельности в образовательных и социокультурных учреждениях с ориентацией на активное участие в социуме с учетом социально-психологических факторов и новых коммуникационных технологий. Повышение интеграционного потенциала лиц с ОВЗ в процессе образования	Развитие различных образовательных форм интегрированного обучения в системе формального и неформального образования инвалидов. Специфика андрагогической подготовки специалистов, сопровождающих лиц, получивших инвалидность во взрослом состоянии
III этап 2011–2020 гг.	Инклюзивное образование: теория и практика. Специфика диалогового общения в процессе инклюзивного образования. Влияние образования на развитие новых институциональных форм в интеграционных процессах. Актуализация внимания к проблемам непрерывного образования всех возрастных групп инвалидов и особенно людей старшего возраста	Практики организации инклюзивной деятельности с учетом реализации новых программ для лиц с разными ограничениями жизнедеятельности, на разных возрастных этапах, на разных уровнях организации социума (федеральный, региональный, муниципальный). Программы цифровизации для инвалидов старших возрастных групп, способствующие повышению инклюзивного потенциала, и их реализация в системе дополнительного образования

Приведем примеры работы по формированию инклюзивного социума при участии людей с инвалидностью в научно-практических конференциях в 1994–2020 гг.

На научно-практических конференциях с 2011 г. выступают коллеги из Азербайджана. Совместная работа в области инклюзивного образования привела к созданию в 2015 г. монографии российских и азербайджанских авторов, описывающей конструктивную трансформацию различных форм работы с инвалидами в системе непрерывного образования и практик инновационной деятельности в этой области [8].

Значительное место в комплексе статей научно-практических конференций последнего десятилетия занимают публикации, посвященные инвалидам, занимающимся образовательной деятельностью в старших возрастных группах в инновационных условиях скандинавских стран. В этих статьях дается анализ опыта современных практик в условиях социальной поддержки, максимально учитывающих интеллектуальные, психофизические и социокультурные возможности этой возрастной группы.

Оценивая комплекс публикаций за последние двадцать пять лет в рамках выделенных периодов, можно отметить, что люди с инвалидностью, активно участвующие в профессиональной деятельности и общественной работе, отразили проблемы инклюзивного образования в соответствии с принципом непрерывности. Раскрывается опыт деятельности начиная с института раннего вмешательства [9]; в институциональных и неинституциональных

формах представлен опыт образования дошкольников и школьников [10; 11]; рассмотрены разные виды профессионального образования [12; 13], профессионального дополнительного образования [14–16], разнообразные социально-образовательные и реабилитационные практики для всех возрастных групп [17–20]. Этот факт еще раз подчеркивает значимость и актуальность участия лиц с инвалидностью наряду с людьми, ее не имеющими, в широком профессиональном инклюзивном поле.

Разберем несколько конкретных примеров инклюзивных практик отдельных лиц, имеющих инвалидность.

Кейс № 1. Юлия Б., инвалид по зрению, еще будучи студенткой РГПУ им. А. И. Герцена, выразила желание участвовать в конференциях в качестве слушателя. После окончания учебы и поступления на работу в организацию по обслуживанию инвалидов стала обобщать опыт своей профессиональной деятельности, в центре которого стояла проблема индивидуального подхода к получателю социальных услуг. В дальнейшем это вывело ее на проблемы взаимодействия людей с инвалидностью с широким социумом. В процессе профессиональной деятельности она заочно окончила магистратуру в РГПУ им. А. И. Герцена, подготовила ряд статей научно-практического характера и продолжает совершенствовать профессиональную деятельность.

Кейс № 2. Инвалид по зрению Виктория В. получила высшее дефектологическое образование, с первого этапа участия в конференциях заинтересовалась темой, связанной с развитием эстетической культуры инвалидов по зрению. Основные проблемы, затронутые в ее статьях, были связаны с разработкой и реализацией новых активных организационных форм для успешной интеграции людей с инвалидностью в обществе: посещение музеев, театров, выставок и обсуждение актуальных проблем. Ее заслуга – создание литературного салона, позволяющего ярко отразить литературно-музыкальную жизнь города с участием в ней людей с инвалидностью в течение длительного периода. В процессе работы активно привлекает коммуникационно-информационные средства образования людей с проблемами зрения в условиях безбарьерной среды.

Кейс № 3. Андрей М., кандидат философских наук, имея синдром Ушера (слепоглухота), многие годы изучает проблемы слепоглухих людей, неоднократно обобщал свои исследования на международных и федеральных, региональных конференциях, раскрывал проблему историко-культурного подхода к людям с инвалидностью. Активно участвовал в двух последних этапах конференций, представил динамику работы общественной организации слепоглухих в условиях цифровизации. Остро поставил вопрос о специальной подготовке инвалидов к использованию специализированной реабилитационной техники, без которой невозможно развитие процессов инклюзии инвалидов в общество, их образовательного, социокультурного, профессионального потенциала (в тех случаях, когда им удается найти работу).

Кейс № 4. Ирина М. потеряла зрение в 9 лет после перенесенного инфекционного заболевания. Окончила с отличием специализированную школу в г. Кисловодске, окончила исторический факультет государственного университета в г. Нальчике с отличием. Получила рекомендацию в аспирантуру, но в связи с состоянием здоровья была вынуждена отказаться. В течение почти двух десятков лет работает в Республиканской специальной библиотеке для слепых и слабовидящих. Помимо работы, предусмотренной функциональными

обязанностями, систематически оказывает помощь людям, потерявшим зрение, в овладении компьютерной техникой. Кроме того, регулярно под ее руководством организуются и проводятся с участием представителей общественно-культурных инициатив города литературно-музыкальные утренники и вечера, посвященные знаменательным датам: юбилеям писателей, поэтов, музыкантов. На мероприятия приезжают люди, потерявшие зрение, из разных уголков Кабардино-Балкарской Республики, со своими аккордеонами, гитарами, из дальних ущелий, добираясь на рейсовых автобусах и попутных машинах.

В культурных мероприятиях принимают участие дети и члены семей инвалидов и просто жители города, многие из которых активно сами включаются в проводимые библиотекой утренники и вечера.

Ирина М. неоднократно обобщала свой опыт в материалах научно-практических конференций, о которых шла речь выше.

Кейс № 5. Николай П. Проблемы с опорно-двигательным аппаратом не помешали ему вырасти активным, социально-ответственным и творческим человеком. Получив хорошее профессиональное образование, Николай связал свою судьбу с журналистикой. Он активно включается в изучение наиболее острых проблем, интересующих современную молодежь, быстро откликается на злободневные вопросы общественной и социальной жизни, участвует в конференциях регионального и международного уровней, часто публикует материалы по вопросам образования. На общественных началах является редактором одной из молодежных региональных газет.

Кейс № 6. А.З.С. – доктор наук, профессор, находящийся на пенсии, активно работает как преподаватель высшей школы. Более десяти лет назад потерявший зрение, он не только продолжает активно преподавать, участвовать почти во всех упомянутых нами научно-практических конференциях, но выступать с лекциями перед широкой аудиторией. За этот период он написал ряд монографий, учебников и учебных пособий. За свою научную и преподавательскую деятельность имеет правительственные награды. До окончательной потери зрения почти три десятилетия он вел занятия в реабилитационном центре для людей с проблемами слуха, где ставил спектакли на классические и современные темы. Обобщенный опыт этой работы был неоднократно представлен на научно-практических конференциях и в многочисленных публикациях.

Теоретико-практические выводы и примеры, приведенные в кейс-стади, показывают, что уже само содержание профессиональной деятельности людей с инвалидностью непосредственно транслирует опыт взаимодействия групп, различных по возрасту, этнической принадлежности, социальному статусу и т. д., на образовательной и социокультурной платформах. Особенно удачным представляется опыт инвалидов, работающих с людьми с ограниченными возможностями в социально-культурной и образовательной областях, развивающих их инклюзивные возможности с помощью передовых цифровых технологий. В то же время профессиональная деятельность инвалидов, постоянно развивающих свои интеллектуально-творческие качества в разных сферах, способствует общим интеграционным процессам в программах, предусматривающих межведомственное взаимодействие при решении проблем комплексного сопровождения лиц с инвалидностью. Следует отметить также, что такие программы способствуют решению нормативно-правовых задач социальной сферы современного мира в контексте развития новой социальности.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 53–65
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 53–65

Заключение. Анализируя профессиональную деятельность людей с инвалидностью, следует отметить, что ее смысл связан с формированием инклюзивного социума, где образовательные инициативы способствуют решению более конкретных задач широкого порядка. Так, в своей профессиональной деятельности люди с ограничениями здоровья обнаруживают следующее:

– проявляют интерес как к теоретическим, так и к практическим проблемам образования, при этом в большей степени обращают внимание на наиболее острые из них и предвосхищают вопросы, которые будут подлежать обсуждению в более отдаленной перспективе;

– отличаются предвидением возможных трудностей, с которыми встретятся люди с ОВЗ, и пытаются трансформировать пути минимизации этих трудностей за счет рациональной организации образовательной деятельности, системы сопровождения, рационально подобранных информационных технологий;

– активно участвуют в освоении цифровизации, выступают в качестве наставников для других инвалидов или людей из старших возрастных групп, испытывающих трудности в овладении информационной и реабилитационной техникой;

– выступают за более рациональную организацию системы непрерывного образования инвалидов, ее связи с социальной инфраструктурой, гибкую реакцию на изменения в социуме, расширение границ самоуправления не только внутри определенных организаций и ведомств, к которым относятся конкретные люди с ограниченными возможностями здоровья, но и в сфере участия в межведомственных инициативах по защите прав на образование с учетом необходимых условий, диктуемых ограничениями жизнедеятельности, а также созданием универсального дизайна. Для людей с проблемами зрения актуализируется использование вспомогательных средств ориентирования с использованием мобильных устройств, которые должны быть адаптированы для пользователей с ОВЗ;

– остро ставят вопрос об обеспечении людей с инвалидностью необходимой с учетом индивидуальных особенностей информационной и реабилитационной техникой, системой обучения ее использованию, а также возможностями публиковаться в периодической и научной печати в условиях оказания им необходимой технической и организационной помощи;

– содействуют развитию различных форм повышения квалификации, учитывающих социально-психологические и транспортные возможности людей с разными ограничениями жизнедеятельности;

– ориентируют на развитие возможностей для профессионалов-педагогов с определенными ограничениями жизнедеятельности обучать, социализировать и сопровождать детей и взрослых, не имеющих ограничений жизнедеятельности, по определенным программам, учитывая, что такой опыт (правда редкий) имеет положительные результаты в достижении инклюзивных задач.

Таким образом, можно сделать вывод, что именно люди с ограничениями здоровья выступают инициаторами и организаторами актуальных направлений деятельности, способствующей активной поддержке людей с инвалидностью в процессе их непрерывного образования.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 53–65
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 53–65

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцев В. А., Каштанова С. Н. Организация и содержание процесса непрерывной профессионализации лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 63–65.

2. Кудрявцева М. Е., Лебедева С. С., Куликова Е. А. Современные направления развития теории непрерывного образования инвалидов как социальной группы // Человек и образование. 2018. № 4 (57). С. 54–59.

3. Чердакова А. В. Трудоустройство инвалидов по видам профессиональной деятельности // Молодой ученый. 2015. № 17 (97). С. 475–477.

4. Кирилловых А. А. Глобализация и право инвалидов на профессиональную деятельность // Новая наука: опыт, традиции, инновации. 2016. № 10–2. С. 176–179.

5. Кирилловых А. А. Правовые механизмы допуска и обеспечения профессиональной деятельности инвалидов по зрению // Законодательство и экономика. 2016. № 10. С. 32–42.

6. Дымочка М. А., Андреева О. С. Современные тенденции и международная практика профессиональной реинтеграции и возвращения инвалидов к трудовой деятельности // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2017. № 4. С. 7–12.

7. Селезнева Н. Т., Грузинцев А. В. Мотивационно-ценностный показатель социальной ответственности инвалидов в профессиональной деятельности // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2018. № 3 (45). С. 126–134. DOI: https://doi.org/10.25146/1995-0861-2018-45-3-81.

8. Реализация социальных функций непрерывного образования в процессе подготовки социально-педагогических кадров / науч. ред. С. С. Лебедева, С. М. Безух, Я. Т. Рзаева. СПб.: СПбГИПСР; Баку: РОО «Дом Европы в Санкт-Петербурге», 2015.

9. Марков А. А. О подготовке специалистов для работы с детьми, имеющими комплексное нарушение // Проблемы подготовки специалистов в области реабилитации, профессиональной реабилитации и образования инвалидов с использованием инновационных технологий / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, СПбПРЦ, 2010. С. 42–45.

10. Вялых О. А. Организация психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ограниченными возможностями здоровья в процессе инклюзивного образования // Развитие взаимосвязей государственных и благотворительных инициатив в работе с инвалидами и лицами пожилого возраста: сб. мат. науч.-практ. конф. СПбГИПСР, СПб.: Ассоциация ветеранов педагогического труда общего и дополнительного образования, 2017. С. 28–34.

11. Никулина Г. В. Требования к подготовке педагогов инклюзивного образования // Развитие профессиональной компетентности специалистов в области реабилитации и образования инвалидов / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: Изд-во ООО «СПб СРП «Павел» ВОГ», 2012. С. 29–31.

12. Волкова И. П. Социально-психологические противоречия в процессе интеграции инвалидов по зрению в современное общество // Инновационные подходы к решению проблем образования, социальной и профессиональной реабилитации инвалидов / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, СПбПРЦ, 2011. С. 29–31.

13. Пенин Г. Н. Инклюзивное образование как новая парадигма государственной политики // Вестн. Герценовского ун-та. 2010. № 9 (83). С. 41–47.

14. Иванов Г. Г., Худяков Ю. В. Организация процесса профессиональной реабилитации в ПРЦ // Социальная и профессиональная реабилитация инвалидов как фактор их интеграции в общество: сб. мат. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, 2006. С. 177–183.

15. Рачина Г. Б., Юдина М. Г. Толерантность – одно из важных качеств, необходимых при подготовке специалистов по проведению профессионального тестированию // Проблемы подготовки специалистов в области реабилитации, профессиональной реабилитации и образования инвалидов с использованием инновационных технологий / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, СПбПРЦ, 2010. С. 171–172.

16. Светличная И. В., Павлушкова А. Д., Литвинова Н. М. Интегральные формы отражения процесса профессиональной реабилитации в ПРЦ // Проблемы подготовки специалистов в области реабилитации, профессиональной реабилитации и образования инвалидов с использованием инновационных технологий / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, СПбПРЦ, 2010. С. 166–167.

17. Довиденков В. Н. Компьютеризация и реабилитация инвалидов по зрению. Возможности, проблемы, перспективы // Комплексное сопровождение образования инвалидов как фактор реализации их прав на интеграцию в общество / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, СПбПРЦ, Изд-во «Человек и его здоровье», 2008. С. 119–120.

18. Кулакова Е. А., Кульчицкая О. Е. Обучающий модуль: «Пространственное ориентирование инвалидов по зрению» // Добровольческие инициативы в социально-образовательной работе с инвалидами и лицами пожилого возраста: сб. мат. науч.-практ. конф. / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, 2018. С. 104–112.

19. Садчиков А. П. Духовная зрелость слепого – основной фактор устойчивости в обществе // Научно-практические проблемы образования инвалидов как социальной группы / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: ИОВ РАО, 2000. С. 158–159.

20. Воробьева В. Н. Звучащее слово – одна из форм социокультурной реабилитации лиц с проблемами зрения (из опыта работы) // Инновационные подходы к решению проблем образования, социальной и профессиональной реабилитации инвалидов / науч. ред. С. С. Лебедева. СПб.: СПбГИПСР, СПбПРЦ, 2011. С. 82–84.

Информация об авторах.

Кудрявцева Мария Евгеньевна – доктор педагогических наук (2009), доцент (2008), профессор кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Проф. Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 165 научных публикаций. Сфера научных интересов: психология и педагогика творчества, самоидентификация и развитие личности, свобода и ответственность личности в медиапространстве, образование инвалидов.

Лебедева Светлана Соломоновна – доктор педагогических наук (2002), профессор кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, 12-я линия Васильевского острова, д. 13-А, Санкт-Петербург, 199178, Россия. Автор 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: непрерывное образование, образование различных социальных групп, образование инвалидов.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.11.2021; принята после рецензирования 03.12.2021; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Kudryavtsev, V.A. and Kashtanova, S.N. (2018) “The organization and content of the continuous process of professionalization of people with special needs and disabilities”, *The World of Science, Culture, Education*, no. 4 (71), pp. 63–65.

2. Kudryavtseva, M.E., Lebedeva, S.S. and Kulikova, E.A. (2018), “Modern trends of development of theory of lifelong education of people with disabilities as a social group”, *Man and Education*, no. 4 (57), pp. 54–59.

3. Cherdakova, A.V. (2015), “Employment of disabled people by type of professional activity”, *Young Scientist*, no. 17 (97), pp. 475–477.

4. Kirillovykh, A.A. (2016), “Globalization and the right of persons with disabilities to work”, *Novaya nauka: opyt, traditsii, innovatsii* [New Science: Experience, Traditions, Innovations], no. 10–2, pp. 176–179.

5. Kirillovykh, A.A. (2016), "Legal mechanisms for admitting and ensuring the professional activities of the visually impaired", *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], no. 10, pp. 32–42.

6. Dymochka, M.A. and Andreeva, O.S. (2017), "Contemporary tendencies and international practice of professional reintegration and return of disabled persons to the labour activity", *Medical-Social Problems of Disability*, no. 4, pp. 7–12.

7. Selezneva, N.T., and Gruzintsev, A.V. (2018), "Motivational-value indicator of social responsibility in people with disabilities in professional activities", *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical Univ. named after V.P. Astafiev*, no. 3 (45), pp. 126–134. DOI: https://doi.org/10.25146/1995-0861-2018-45-3-81.

8. Lebedeva, S.S., Bezukh, S.M. and Rzaeva, Ya.T. (eds.) (2015), *Realizatsiya sotsial'nykh funktsii nepreryvnogo obrazovaniya v protsesse podgotovki sotsi-al'no-pedagogicheskikh kadrov* [Implementation of the social functions of continuous education in the process of training socio-pedagogical personnel], SPb., Baku, SPbGIPSR, NGO "House of Europe in St Petersburg", RUS.

9. Markov, A.A. (2010), "On the training of specialists to work with children with complex disorders", *Problemy podgotovki spetsialistov v oblasti reabilitatsii, professional'noi reabilitatsii i obrazovaniya invalidov s ispol'zovaniem innovatsionnykh tekhnologii* [Problems of training specialists in the field of rehabilitation, vocational rehabilitation and education of disabled people using innovative technologies], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPbPRTs, SPb., RUS, pp. 42–45.

10. Vyalykh, O.A. (2017), "Organization of psychological and pedagogical support for students with disabilities in the process of inclusive education", *Razvitie vzaimosvyazei gosudarstvennykh i blagotvoritel'nykh initsiativ v rabote s invalidami i litsami pozhilogo vozrasta: sb. mat. nauch.-praktich. konfer.* [Development of the relationship between state and charitable initiatives in work with the disabled and the elderly: sat. mat. scientific-practical conference], SPbGIPSR, SPb., Association of veterans of pedagogical labor of general and additional education, pp. 28–34.

11. Nikulina, G.V. (2012), "Requirements for the training of teachers of inclusive education", *Razvitie professional'noi kompetentnosti spetsialistov v oblasti reabilitatsii i obrazova-niya invalidov* [Development of professional competence of specialists in the field of rehabilitation and education of disabled people], in Lebedeva, S.S. (ed.), Izd-vo OOO "SPb SRP "Pavel" VOG", SPb., RUS, pp. 29–31.

12. Volkova, I.P. (2011), "Socio-psychological contradictions in the process of integration of visually impaired people into modern society*", Innovatsionnye podkhody k resheniyu problem obrazovaniya, sotsial'noi i professional'noi reabilitatsii invalidov* [Innovative approaches to solving the problems of education, social and professional rehabilitation of disabled people], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPbPRTs, SPb., RUS, pp. 29–31.

13. Penin, G.N. (2010), "Inclusive education as a new paradigm of public policy", *Bulletin of the Herzen Univ.,* no. 9 (83), pp. 41–47.

14. Ivanov, G.G, and Khudyakov, Yu.V. (2006), "Organization of the process of vocational rehabilitation in the PRC", *Sotsial'naya i professional'naya reabilitatsiya invalidov kak faktor ikh integratsii v obshchestvo: mat. nauch.-prakt. konf.* [Social and vocational rehabilitation of disabled people as a factor in their integration into society: sat. mat. scientific-practical conference], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPb., RUS, pp. 177–183.

15. Rachina, G.B. and Yudina, M.G. (2010), "Tolerance is one of the important qualities necessary for the training of specialists for professional testing", *Problemy podgotovki spetsialistov v oblasti reabilitatsii, professional'noi reabilitatsii i obrazovaniya invalidov s ispol'zovaniem innovatsionnykh tekhnologii* [Problems of training specialists in the field of rehabilitation, vocational rehabilitation and education of people with disabilities using innovative technologies], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPbPRTs, SPb., RUS, pp. 171–172.

16. Svetlichnaya, I.V., Pavlushkova, A.D. and Litvinova, N.M. (2010), "Integral forms of reflection of the process of vocational rehabilitation in the PRC", *Problemy podgotovki spetsialistov v oblasti reabilitatsii, professional'noi reabilitatsii i obrazovaniya invalidov s ispol'zovaniem innovatsionnykh tekhnologii* [Problems of training specialists in the field of rehabilitation, vocational rehabilitation and

education of people with disabilities using innovative technologies], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPbPRTs, SPb., RUS, pp. 166–167.

17. Dovidenkov, V.N. (2008), "Computerization and rehabilitation of visually impaired people. Opportunities, problems, prospects", *Kompleksnoe soprovozhdenie obrazovaniya invalidov kak faktor realizatsii ikh prav na integratsiyu v obshchestvo* [Comprehensive support for the education of disabled people as a factor in the implementation of their rights to integration into society], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPbPRTs, SPb., Publishing house "Man and his health", RUS, pp. 119–120.

18. Kulakova, E.A. and Kulchitskaya, O.E. (2018), "Educational module: "spatial orientation of the visually impaired", *Dobrovol'cheskie initsiativy v sotsial'no-obrazovatel'noi rabote s invalidami i litsami pozhilogo vozrasta: sb. mat. nauch.-prakt. konf.* [Volunteer initiatives in social and educational work with the disabled and the elderly: sat. mat. scientific-practical conference], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPb., pp. 104–112.

19. Sadchikov, A.P. (2000), "Spiritual maturity of the blind - the main factor of stability in society", *Nauchno-prakticheskie problemy obrazovaniya invalidov kak sotsial'noi gruppy* [Scientific and practical problems of the education of disabled people as a social group], in Lebedeva, S.S. (ed.), IOV RAO, SPb., RUS, pp. 158–159.

20. Vorobyova, V.N. (2011), "The sounding word is one of the forms of socio-cultural rehabilitation of persons with vision problems (from work experience)", *Innovatsionnye podkhody k resheniyu problem obrazovaniya, sotsial'noi i professional'noi reabilitatsii invalidov* [Innovative approaches to solving the problems of education, social and professional rehabilitation of disabled people], in Lebedeva, S.S. (ed.), SPbGIPSR, SPbPRTs, SPb., RUS, pp. 82–84.

Information about the authors.

Maria E. Kudryavtseva – Dr. Sci. (Pedagogy) (2009), Docent (2008), Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 165 scientific publications. Area of expertise: psychology and pedagogy of creativity, self-identification and development of personality, freedom and responsibility of the individual in the media space, education of the disabled.

Svetlana S. Lebedeva **–** Dr. Sci. (Pedagogy) (2002), Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work, Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 13-A 12th line of Vasilyevsky Island, St Petersburg 199178, Russia. The author of 200 scientific publications. Area of expertise: lifelong education, education of social groups, education of the disabled.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.11.2021; adopted after review 03.12.2021; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 66–77
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 66–77

Оригинальная статья
УДК 316.4
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-66-77

Коррупция как социальная проблема: конструкционистский подход

Екатерина Андреевна Ковтун

Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), Санкт-Петербург, Россия,
ekaterin.kovtun@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7785-5646

Введение. Статья посвящена рассмотрению особенностей конструкционистского подхода в социологическом исследовании коррупции как социальной проблемы. Актуальность работы определяется необходимостью определения возможностей социологии в изучении антикоррупционного дискурса и конструирования коррупции в общественном сознании. Научная новизна заключается в систематизации наиболее значимых идей социального конструктивизма и выявлении возможности их применения к изучению конструирования коррупции как социальной проблемы.

Методология и источники. Обращение к анализу теоретических основ конструирования социальных проблем обусловливается необходимостью изучения восприятия образа коррупции в современном социуме и процессов его конструирования. В методологическом отношении статья основывается на первоисточниках (работы М. Спектора, Дж. Китсьюза и Д. Беста) и научных публикациях по теме исследования, включая ретроспективный анализ теоретических предпосылок развития конструктивистского подхода в социологии социальных проблем. Подробно рассматривается концепция социальных проблем, имеющая значение для развития теоретических и эмпирических исследований различных социальных проблем с конструкционистских позиций.

Результаты и обсуждение. Представлены особенности двух направлений в рамках социального конструктивизма: строгого и контекстуального. Автором выделены два основных направления исследований коррупции в конструкционистском дискурсе: анализ конструирования коррупции как социального явления и анализ коррупции с точки зрения конструирования девиантности, которые соответствуют феноменологическому (строгому) и контекстуальному направлениям. Определены основные теоретические аспекты конструктивистского подхода и его идейные предпосылки. Показаны основные направления развития теории конструктивизма внутри интеракционистского направления в социологии. В результате проведенного анализа автор статьи выделяет ограничения конструкционистского подхода, значимые при выборе концепции и проведении исследований коррупции, а также подчеркивает возможность разработки интегративного подхода.

Заключение. Социальный конструктивизм обладает эвристическим потенциалом в исследовании дискурса коррупции как социальной проблемы и конструирования ее девиантности, что является перспективным направлением изучения вопросов восприятия коррупции в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальный конструкционизм, коррупция, социология социальных проблем, конструирование девиантности

© Ковтун Е. А., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 66–77
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 66–77

Для цитирования: Ковтун Е. А. Коррупция как социальная проблема: конструкционистский подход // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 66–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-66-77.

Original paper

Corruption as a Social Problem: a Constructionist Approach

Ekaterina A. Kovtun

Saint Petersburg State Institute of Technology, St Petersburg, Russia,
ekaterin.kovtun@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7785-5646

Introduction. The article provides an overview of the constructionist approach in sociology in the concerning the phenomenon of corruption as a social problem. The relevance of the work is determined by the need to examine the possibilities of sociology in the study of anti-corruption discourse and the construction of corruption in the public consciousness.
Methodology and sources. The issue has grown in importance considering the need to study the perception of corruption in society and the processes of its construction. The methodological basis of the work is the analysis of primary sources (works by M. Spektor, J. Kitsuse, J. Best) and research publications, including the retrospective analysis of the theoretical prerequisites for the development of a constructionist approach in the sociology of social problems. This paper gives a detailed overview of the concept of social problems, which is important for the development of theoretical and empirical studies of various social problems from constructionist positions.
Results and discussion. The paper presents the features of two directions within the framework of social constructivism: strict and contextual. The author identifies two main areas of corruption research in a constructionist discourse: the analysis of the construction of corruption as a social phenomenon and the analysis of the construction of deviance, which correspond to the phenomenological (strict) and contextual directions. This study defines the main theoretical aspects of the constructivist approach, its ideological prerequisites and traces the development of the main theoretical directions of constructivism within the interactionist approach in sociology. As a result of the analysis, the author highlights the limitations of the constructionist approach, which are significant for choosing a concept and conducting research and pays attention to the possibilities of developing an integrative approach.
Conclusion. Social constructivism has heuristic potential in exploring the discourse of corruption as a social problem and the construction of its deviance, which is a promising area of research on the perception of corruption in modern Russian society.

Keywords: social constructionism, corruption, sociology of social problems, social construction of deviance

For citation: Kovtun, E.A. (2022), “Corruption as a Social Problem: a Constructionist Approach”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 66–77. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-66-77 (Russia).

Введение. Неоднозначность понимания и восприятия коррупции как социального феномена и социальной проблемы является одним из препятствий в исследовательском отношении, поскольку ставит нас перед необходимостью рассмотрения процесса концептуализации и конструирования коррупции в конкретном обществе. Вместе с тем в прикладном отношении указанная неоднозначность связана с необходимостью принимать во внимание особенности восприятия и понимания коррупции на уровне обыденного сознания при формировании и реализации мер антикоррупционной политики.

Социологический анализ коррупции имеет относительно недавнюю историю, несмотря на то, что имели место попытки концептуализации этого антисоциального явления в некоторых социологических исследованиях, находившихся за пределами тематики коррупции, но переосмысленных в более поздних работах социологов. Так, например, отечественные исследователи выделяют три основных подхода к изучению коррупции в рамках социологии: 1) подход к коррупции как к девиантному поведению, истоки которого стоит искать в теории социальной аномии (Э. Дюркгейм); 2) рассмотрение коррупции как временной дисфункции в ситуации социальной аномии (на базе теории структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона); 3) отношение к коррупции как к виду латентных социальных практик в рамках подхода, основанного на теориях структуралистского конструктивизма (П. Бурдье, П. Бергер, Т. Лукман). Все это подтверждает тот факт, что концептуализация коррупции как социального явления начинается на основе базовых социологических понятий, суждений и концепций, что не лишает работы авторов, использовавших их уже в рамках коррупционной проблематики, теоретической актуальности и новизны.

В современных исследованиях в области социологии коррупции значимое место занимает социально-конструктивистский подход, позволяющий выявить, как в повседневном дискурсе формируются характерные черты этого негативного явления, уточнить смысловое наполнение термина «коррупция» и его восприятие в условиях современного общества. Обращение к анализу теоретических идей о конструировании коррупции и концептуализации этого феномена определяется также необходимостью рассмотрения коррупции не как некого абстрактного или универсального социального явления, а в качестве реальных социальных практик в конкретных социокультурных условиях. При этом, анализируя коррупцию как воспринимаемый феномен, нужно выделить расхождение, противоречие между повседневным дискурсом и дискурсом, конструируемым в рамках правового поля: восприятие коррупции на бытовом уровне, в повседневной коммуникации может противоречить установкам и интерпретациям коррупционных практик, заложенным в законодательстве.

Исходя из необходимости изучения особенностей коррупции как конструкта и процессов ее трансформации цель данной работы состоит в освещении наиболее значимых идей социального конструктивизма и обосновании возможностей их применения к конструированию коррупции как социальной проблемы.

Применительно к проблематике коррупции рассмотрим основные, повлиявшие на возникновение и развитие исследований социальных проблем в конструкционистском ключе, концепции социальных проблем М. Спектора, Дж. Китсьюза и Д. Беста.

Методология и источники. Основания идей социального конструктивизма можно обнаружить в пересмотре идей объективистской теории познания и процессах развития социологии повседневности. Обращение к субъективным предпосылкам научного знания в феноменологии Э. Гуссерля, представлениям А. Шюца о «жизненном мире» и выделенным им конструктам первого порядка (обыденные интерпретации) и конструктам второго порядка (мыслительные конструкты социальных наук), к попыткам переосмысления предмета социологии П. Бергером и Т. Лукманом («Социология знания должна заниматься всем тем, что считается “знанием” в обществе» [1, с. 14]) показывает, что они внесли значительный вклад в формирование ключевых идей социологии повседневности. Также в социологии повседневности конструктивизм подкрепляется словами П. Бергера и Т. Лукмана о том,

что социальная реальность конструируется [1, с. 9], а человек творит реальность и себя самого [1, с. 295].

Центральная идея конструктивистского направления состоит в признании активной роли познающего субъекта в построении в его сознании образа социальной реальности, познаваемых явлений и предметов. Социальный конструкционизм представляет собой направление в социальных науках, признающее необходимость отказа от представления о возможности существования универсальной и абсолютной истины о социальных взаимодействиях и практиках. При этом изучаемые явления и процессы рассматриваются в привязке к культуре и истории конкретного общества.

В рамках парадигмы конструктивизма выделилось несколько направлений: к первому относятся предшественники идей конструктивизма (например, Э. Гуссерль, А. Шюц); ко второму – конструктивизм в его классическом виде, получивший развитие в 1950–1960-е гг. в работах таких социологов, как Т. Лукман, П. Бергер и Г. Блумер; третье направление – радикальный конструктивизм, основанный на идеях конструирования воспринимаемого мира живой системой, информационной замкнутости и самореферентности когнитивных систем, неотделимости наблюдателя от наблюдаемого (У. Матурана, Ф. Варело [2]); четвертое направление – социальный конструкционизм (М. Спектор, Дж. Китсьюз и Д. Бест), в котором развивалась теория социальных проблем.

Несмотря на расхождения и различия между классическим, радикальным и социальным конструктивизмом, их объединяют общие положения, которые выделяет А. М. Улановский: 1) знание – это выстраивание; 2) истина множественна; 3) критерий «хорошего» знания – пригодность [3, с. 286]. Речь идет о том, что все люди определенным образом выстраивают, связывая или разграничивая, комбинируя и структурируя объекты и явления окружающего мира, а также собственный опыт. С учетом этого истина носит множественный характер, она альтернативна, обусловлена культурно-исторически и локальна. Пригодность знания выявляется с точки зрения прагматизма, согласно которому следует рассматривать социальную полезность полученного знания и возможность его практического применения.

Для конструктивистского подхода ключевым является термин «конструкт». В общем, в контексте социально-гуманитарных наук можно признать правомерным следующее определение: «Конструкты – это способы истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные шаблоны, которые человек создает для предсказания событий и через которые он воспринимает мир» [3, с. 283]. Д. Бест отмечает, что после того, как Бергер и Лукман ввели в социологический оборот выражения «социальное конструирование» и «социально сконструированный», они были включены в словарь социологов. Эти термины также вошли в словари других научных дисциплин. К концу 1970-х гг. выделилось четыре области социологического анализа, в которых использовался конструкционистский язык: новости, наука, девиантность и социальные проблемы [4, с. 43].

Социологический конструкционизм схож с прикладной этикой его вниманием к острым социальным проблемам, таким как девиантное поведение, проблемы бедности, насилия, наркомании. Этим и другим социальным проблемам, а также объективистскому подходу в их анализе уделялось большое внимание в 1970–1980-х гг.

В середине 1970-х гг. американские исследователи Джон Китсьюз и Малькольм Спектор разработали социологическую концепцию социальных проблем. Работа «Конструирование

социальных проблем» [5] и статьи, посвященные методологическим вопросам и полемике вокруг возможностей конструкционистского подхода и опубликованные в журнале «Social Problems», являются ключевыми для конструкционистского понимания социальных проблем. Положения, сформулированные Дж. Китсьюзом, М. Спектором, а также Г. Блумером и Д. Бестом, очертили предмет социологии социальных проблем и определили направления для дальнейших конструктивистских исследований в этой области. У Дж. Китсьюза и М. Спектора основной тематикой социологии социальных проблем является объяснение возникновения, характера и поддержания деятельности по выдвижению утверждений-требований (claimsmaking activity) и ответной деятельности [6, с. 161]. В противовес функционалистской теории социальных проблем, рассматривающей социальные проблемы как девиантное поведение, как дисфункцию или ценностный конфликт, как некие условия (conditions), авторы предлагают рассматривать социальную проблему как деятельность тех, кто утверждает, что такие условия существуют, и квалифицируют это как проблему [Там же]. Восприятие каких-либо социальных условий как социальных проблем конструируется индивидами или группами, которые стремятся привлечь внимание к ситуации и призвать существующие институты к действиям по ее изменению. Следует отметить, что подобная трактовка социальных проблем (как результата коллективного определения, а не совокупности объективных социальных условий) представлена в работе Г. Блумера «Социальные проблемы как коллективное поведение», вышедшей несколькими годами ранее работы Дж. Китсьюза и М. Спектора [7, с. 11].

Рассмотрение социальных проблем М. Спектором и Дж. Китсьюзом проводилось сквозь призму видов социальных практик в рамках общественной активности различных членов общества. При этом предметом рассмотрения являлись методы, используемые для идентификации ситуации как проблемы, и процесс ее институционализации. Термин «выдвижение утверждений-требований» вводится Китсьюзом и Спектором. В их трактовке этот процесс является формой взаимодействия, где одна из сторон утверждает наличие условий, неприемлемых, проблемных для нее, и выдвигает требования к другой для того, чтобы изменить каким-либо образом ситуацию, которая в процессе выдвижения требований конструируется как проблемная. В таком случае интерес для исследователя представляет риторика социальной проблемы. Среди форм выдвижения утверждений-требований авторы называют мнения респондентов в опросах общественного мнения, обращения, жалобы, выдвижение судебных исков и протестов, публичные выступления, пресс-конференции, распространение заявлений и информации через СМИ, проведение протестных акций (пикетов, митингов, протестов, забастовок и др.) [6, с. 162].

В «Конструировании социальных проблем» авторы выдвигают концепцию исторических стадий, объясняющую процесс коллективного определения и признания обществом социальной проблемы. Основаниями этой концепции является в том числе идея Г. Блумера о пяти стадиях признания социальной проблемы: 1) возникновение; 2) легитимация; 3) мобилизация действий в отношении проблемы; 4) формирование плана действий; 5) трансформация плана в ходе его практического воплощения [7, с. 17]. Трансформированная Дж. Китсьюзом и М. Спектором концепция позволяет рассмотреть, что происходит после принятых мер по решению проблемы, и поставить вопрос о том, прекращает ли социальная

проблема свое существование. Первой стадией является утверждение о существовании нежелательного условия и выдвижение его в качестве предмета общественных и политических дискуссий, второй – признание легитимности выдвигающей требования группы официальным институтом или организацией и предложение реформ или других мер в порядке реакции на требования. Третья стадия – повторное выдвижение требований в связи с недовольством установленным порядком или мерами решения проблемы. Четвертая стадия – отказ группы, выдвигающей утверждения-требования, от сотрудничества с официальными институтами, а в случае отсутствия реакции – создание альтернативных, оппозиционных институтов [6, с. 163].

Стоит отметить, что в изучении конструирования социальных проблем выделяется два направления: «строгий» конструктивизм (представителями которого являются Дж. Китсьюз и М. Спектор) и «мягкий» контекстуальный конструктивизм (Г. Блумер, Д. Бест, Дж. Гасфилд). Приверженцы первого придерживаются позиции, что нужно изучать требования акторов и групп без проверки их на истинность, исследовать этимологию определений какого-либо условия, игнорируя реальные социальные условия и сосредоточиваясь на дискурсе. Второе направление ратует за проверку требований на истинность, дающую возможность исследователю установить с помощью эмпирических данных, насколько определения могут быть подтверждены либо опровергнуты.

Результаты и обсуждение. Конструкционизм в исследованиях коррупции на сегодняшний день опирается на широкий массив эмпирических данных. В то же время исследования коррупции показали неоднозначность многочисленных интерпретаций и определений коррупции, что привело к появлению публикаций в научной литературе, рассматривающих различные точки зрения и подходы к анализу коррупции. Например, коррупция может рассматриваться с позиции морали и ценностей, с функциональной, юридической точки зрения и др. [8–11]. Растущее число исследований вынуждает обращать внимание на то, о какой коррупции, в каком социально-историческом контексте идет речь. В научной литературе существует позиция, согласно которой конструируются и сами социальные феномены, и их проблематизация.

Число работ, рассматривающих коррупцию с позиций конструкционистского подхода, не столь многочисленно, однако на основе анализа даже этих публикаций можно выделить два основных направления: во-первых, анализ конструирования коррупции как социального явления и, во-вторых, изучение коррупции с точки зрения конструирования девиантности. Эти подходы соответствуют феноменологическому (строгому) и контекстуальному направлениям внутри интеракционистского концепта в социологии. Стоит учитывать, что некоторые феномены-конструкты могут быть не проблематизированы в обществе, например, в связи с идеологией и политикой государства, на что указывает Я. И. Гилинский [12, с. 328]. В этом случае социальное явление (например, проблема социального неравенства, коррупции, наркомании и т. д.) отражается в риторике и социальных практиках, но депроблематизируется, будучи табуированным на уровне официальных институтов или политических элит [13, с. 539].

Одной из наиболее цитируемых работ в области социологических исследований коррупции, в том числе конструкционистских, является «Социальное конструирование коррупции»

М. Грановеттера. Он рассматривает примеры взаимодействий, которые могут быть закодированы в качестве коррупции, и условия, при которых поведение маркируется либо как приемлемое, либо как незаконное и коррумпированное, отмечая, что понятия «коррупция» и «взяточничество» открыты для обсуждения и зависят от социальных конструкций [14, с. 152].

Другой значимый тезис в исследовании коррупции в конструктивистском ключе выделяет Дж. де Грааф. Рассматривая существующие и используемые в научных публикациях определения коррупции, он делает акцент на социальном конструктивизме, в соответствии с которым коррумпированным является то лицо, которое считается коррумпированным в определенном месте и в определенное время. При этом коррупция для него – это морально нагруженный термин [15, с. 44], восприятие которого зависит от норм, определяющих, является ли кто-то коррумпированным.

В отечественной социологии конструкционистский подход в исследованиях коррупции представлен в публикациях А. Н. Пинчук, С. Г. Кареповой, С. В. Некрасова, Д. А. Тихомирова [16–18], которые касаются как аспектов концептуализации коррупции, так и результатов эмпирических исследований. Авторы предлагают использовать термин «концепт» коррупции, объединяющий понятие, восприятие явления и внутренний образ [18, с. 45]. К значимым исследованиям коррупции с точки зрения конструирования девиантности среди работ российских социологов относится монография Я. И. Гилинского «Конструирование девиантности: проблематизация проблемы». Одним из выводов автора является положение об искусственных конструктах и криминализации девиаций. Автор задается вопросом, почему одни социальные отклонения считаются социально приемлемыми, а другие осуждаются вплоть до законодательного запрета.

Реакция общества на поведенческие девиации конструирует проблемность и значимость отклонений от социальных норм. Гилинский расширяет тезис о культурной обусловленности конструктов, отмечая не только культурно-историческую обусловленность девиантности, но также применяемые нормы социального контроля и санкции [12, с. 344]. Можно отметить, что его взгляды отчасти схожи с идеями Г. Беккера, занимавшегося социологией девиантности. Беккер считает маркером отклоняющегося поведения реакцию других людей: «Девиантность – это не то качество, которое лежит в самом поведении, а во взаимодействии между ними» [19, с. 14].

В целом, конструкционистский подход применительно к исследованиям коррупции предполагает изучение того, каким образом в результате социальных взаимодействий и социальных практик создается значение тех условий, которые являются нежелательными (коррумпированность чиновников и государственных институтов, неэффективность проводимой антикоррупционной политики), а также значимости этой символизации, приобретаемой в процессе институционализации социальной проблемы или в ходе других механизмов ее включения в повседневный дискурс. Необходимость рассмотрения коррупции и как практики социального влияния, и как темы коммуникации в обществе выделена К.-Х. Заурвайном: «Мы коммуницируем по поводу какой-то проблемы, тем самым делая ее объектом наблюдения» [20, с. 105].

Названные исследования и публикации проблематизируют отдельные аспекты знаний о коррупции и антикоррупционной политике, что соответствует конструкционистскому под-

ходу с его фокусом на этиологии самих определений социальных проблем. Таким образом, в центре социологических исследований находится кластер значений, связанный с коррупционными практиками, их восприятием различными социальными группами, а также с тем, как категоризируются и классифицируются эти практики, какие причины коррупции конструируют акторы. В этом их отличие от объективистских исследований, занимающихся изучением условий и факторов распространения коррупции.

Некоторые ограничения конструкционистского подхода. Несмотря на дискуссии и критику конструкционистского подхода в исследовании социальных проблем, в настоящее время конструкционизм является признанным направлением в социологии, преимущества которого состоят в том, что он позволяет четко и последовательно определять социальную проблему как риторику и как деятельность по выдвижению утверждений-требований, выявлять успешность или неуспешность конкретных практик по выдвижению требований, а также вписать социальные проблемы в контекст трансформирующегося общества. Идеи конструкционизма значительно изменили фокусирование социологии на социальных проблемах, переводят их с рассмотрения социальных условий к рассмотрению процессов коллективного определения и выдвижения требований.

Среди возможных ограничений конструкционистского подхода к социальным проблемам можно назвать ограничения, накладываемые на исследователя при выборе той или иной версии конструкционизма – строгой или контекстуальной. Мягкая или контекстуальная интерпретация позволяет использовать данные эмпирических исследований, статистику, хотя и с осторожностью, для оценки верности утверждений-требований. Строгий конструкционизм накладывает на исследователей ограничения, которые выглядят не вполне обоснованными, заставляя игнорировать социальные условия и данные, отражающие их.

Кроме того, одно из замечаний к конструкционистской позиции заключается в возможности упустить из внимания группы, являющиеся слишком слабыми для выдвижения утверждений-требований, в отличие от групп, обладающих ресурсами и возможностью для проблематизации ситуации. В современной теоретической социологии существует мнение о возможности интеграции объективистского понимания социальных проблем и конструктивизма (Б. Джонс, Э. Брейт, В. Н. Минина, Т. М. Симонова) для формирования всесторонней объяснительной теоретической рамки [21–24]. Вопрос о перспективности и возможности такой интеграции остается дискуссионным.

Заключение. Основной идеей конструктивистской теории является положение о том, что реальность социально-конструируема, а взаимодействия людей в социальных отношениях определяются концептами, идеями, образами. Другим важным утверждением в конструктивистском подходе является идея о невозможности существования единой, универсальной истины, так как истина связана с разными точками зрения, сконструированными в определенных социальных и культурно-исторических условиях. Следуя этой логике, то же самое можно сказать и о коррупции: определенные практики и поведение будут идентифицироваться как коррупционные в каждом конкретном обществе.

Конструкционизм поставил перед социологами принципиально другой, отличающийся от объективистского подхода, набор вопросов в исследовании социальных проблем. Работы Г. Блумера, Дж. Китсьюза и М. Спектора, Д. Беста [25; 26] заложили основу для многочис-

ленных эмпирических исследований социальных проблем, пик которых пришелся на 1980–1990-е гг. Конструкционизм позволил работать с изменчивостью трактовок и степенью общественного признания той или иной социальной проблемы. Конструкционистский подход определяет признание социальной проблемы в общественном мнении, т. е. проблематизацию нежелательного условия через успешность практик по выдвижению группами утверждений-требований. Также эти работы стали основой для дальнейшего развития конструкционистского направления в социологии социальных проблем: например, о дискурсе выдвижения утверждений-требований (П. Ибарра) [27], концепции публичных арен (С. Хилгартнер, Ч. Л. Боск) [28], исследовании стратегий депроблематизации ситуаций (И. Г. Ясавеев) [29] и др.

Необходимость переосмысления современных аспектов коррупции как социального явления в рамках социологических теорий, используемых при изучении антикоррупционной политики, обращает внимание на исследования, в которых коррупция представлена как социальная проблема, социальный концепт и конструируемая девиантность. Названные точки зрения на коррупцию не являются взаимоисключающими, а их эвристический потенциал скорее взаимодополняющий.

Итак, определим некоторые возможные направления для применения конструкционистского подхода в исследовании феномена коррупции. Рассматривая коррупцию в конструкционистском русле, исследователь может сфокусироваться на специфическом дискурсе коррупции как социальной проблемы, процессах выдвижения утверждений-требований в контексте культуры и социальной структуры, риторических стратегиях, мотивах и стиле требований. С точки зрения мягкого направления конструкционизма также возможны допущения о девиантных ярлыках, поскольку, признавая коррупционные действия преступными, можно рассматривать особенности конструирования девиантности коррупции в конкретных условиях того или иного социума. Исследование в этих сферах способно углубить понимание того, как и в каком виде коррупция встроена в картину повседневного восприятия мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

2. Матурана У., Варела Ф. Древо познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

3. Улановский А. М. «Новая парадигма» социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 279–298.

4. Best J. Historical development and defining issues of constructionist inquiry // Handbook of constructionist research / eds. by J. Holstein and J. Gubrium. NY: Guilford Press, 2007. P. 41–65.

5. Spector M., Kitsuse J. I. Constructing social problems. Menlo Park, Calif.: Cummings Pub. Co, 1977.

6. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем / пер. И. Г. Ясавеева // Контексты современности – II: Хрестоматия. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 160–163.

7. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / пер. с англ. И. Г. Ясавеева. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 11–26.

8. Chon-Kyun Kim. Anti-Corruption Initiatives and E-Government: A Cross-National Study // Public Organization Review. 2014. Vol. 14, iss. 3. P. 385–396. DOI: 10.1007/s11115-013-0223-1.

9. Dungan J., Waytz A., Young L. Corruption in the Context of Moral Trade-offs // J. of Interdisciplinary Economics. 2014. Vol. 26, iss. 1–2. P. 97–118. DOI: https://doi.org/10.1177/0260107914540832.

10. Егоров В. А., Милецкий В. П. Антикоррупционная политика как фактор влияния на протестный потенциал и стабильность в современном обществе // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-98-111.

11. Телегина Е. Г. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия коррупции // Juvenis scientia. 2017. № 6. С. 38–41.

12. Гилинский Я. И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // Петербургская социология сегодня. 2009. № 1. С. 327–344.

13. Ясавеев И. Г. Конструкционистский подход к социальным проблемам // Журн. исследований социальной политики. 2004. Т. 2, № 4. С. 533–546.

14. Granovetter M. The Social Construction of Corruption // On Capitalism / eds. by V. Nee, R. Swedberg. Stanford: Stanford Univ. Press, 2007. P. 152–172.

15. Graaf G. de. Causes of corruption: Towards a contextual theory of corruption // Public Administration Quarterly. 2007. Vol. 31. P. 39–86.

16. Карепова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. К интерпретации понятия «коррупция»: социетальные и социально-психологические аспекты // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 52–64. DOI: http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.2.5.

17. Московские студенты о коррупции и антикоррупционной деятельности в современном обществе: по материалам фокус-группового исследования / С. Г. Карепова, А. Н. Пинчук, С. В. Некрасов, Д. А. Тихомиров // Журн. социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 1. С. 113–137. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.6.

18. Коррупция как социетальный феномен: социологические, социально-психологические и экономические аспекты анализа / Г. В. Осипов, С. Г. Карепова, В. И. Глотов и др. СПб.: Нестор-История, 2019.

19. Becker H. Outsiders: studies in sociology of deviance. NY.: The Free Press, 1963.

20. Заурвайн К.-Х. Коррупция – возвращение «Старого» мира в эпоху модерна? / пер. с нем. В. Н. Гиряевой // Социол. обозрение. 2012. № 11 (3). С. 105–119.

21. Breit E., Lennerfors T. T., Olaison L. Critiquing corruption: A turn to theory // Ephemera: Theory and Politics in Organization. 2015. № 15 (2). P. 319–336.

22. Jones B. J., McFalls Jr. J. A., Gallagher III B. J. Toward a unified model for social problems theory // J. for the theory of social behavior. 1989. № 19 (3). P. 337–356. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.1989.tb00153.x.

23. Минина В. Н. Социология социальных проблем: аналитический обзор основных концепций // Журн. социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 1, № 3. С. 74–90.

24. Симонова Т. М. Интегративный подход к исследованию социальных проблем // Журн. социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 1. С. 66–74.

25. Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. 1971. Vol. 18, iss. 3. P. 298–306. DOI: https://doi.org/10.2307/799797.

26. Бест Д. Ограничения строгой конструкционистской интерпретации социальных проблем // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / пер. И. Г. Ясавеева. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 115–145.

27. Ibarra P. R., Adorjan M. Social Constructionism // The Cambridge Handbook of Social Problems / ed. by A. J. Treviño. 2018. Vol. 1. P. 279–300.

28. Hilgartner S., Bosk C.L. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American J. of sociology. 1988. Vol. 94, № 1. P. 53–78.

29. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 66–77
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 66–77

Информация об авторе.

Ковтун Екатерина Андреевна – преподаватель кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), Московский пр., д. 26, Санкт-Петербург, 190013, Россия. Автор 18 научных публикаций. Сфера научных интересов: восприятие коррупции, социология коррупции, антикоррупционная политика в России.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.02.2022; принята после рецензирования 03.03.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Berger, P.L. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, RUS.

2. Maturana, H. and Varela, F. (2001), *The tree of human understanding*, Transl. by Danilov, Yu.A., Progress-Tradition, Moscow, RUS.

3. Ulanovskii, A.M. (2010), “New paradigm" of social sciences: lines of development of contemporary constructivism”, *Sotsial'naya epistemologiya: idei, metody, programmy* [Social epistemology: ideas, methods, programs], in Kasavin, I.T. (ed.), Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”, Moscow, RUS, pp. 279–298.

4. Best, J. (2007), “Historical development and defining issues of constructionist inquiry”, *Handbook of constructionist research*, in Holstein, J. and Gubrium, J. (eds.), Guilford Press, NY, USA, pp. 41–65.

5. Spector, M. and Kitsuse, J.I. (1977), *Constructing social problems*, Cummings Pub. Co., Menlo Park, Calif., USA.

6. Spektor, M. and Kitsuse, J.I. (2001), “Constructing Social Problems”, *Konteksty sovremennosti – II: Khrestomatiya* [Contexts of modernity-II. Reader], Transl. by Yasaveev, I.G., Publishing house of Kazan Univ., Kazan, RUS, pp. 160–163.

7. Blumer, G. (2007), “Social Problems as Collective Behavior”, *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistskoe prochtenie* [Social Issues: constructionist approach], Transl. by Yasaveev, I.G., Publishing house of Kazan Univ., Kazan, RUS, pp. 11–26.

8. Kim, CK. (2014), “Anti-Corruption Initiatives and E-Government: A Cross-National Study”, *Public Organization Review*, vol. 14, iss. 3, pp. 385–396. DOI: 10.1007/s11115-013-0223-1.

9. Dungan, J., Waytz, A. and Young, L. (2014), “Corruption in the Context of Moral Trade-offs”, *J. of Interdisciplinary Economics*, vol. 26, iss. 1–2, pp. 97–118. DOI: https://doi.org/10.1177/0260107914540832.

10. Egorov, V.A. and Miletsky, V.P. (2021), “Anti-corruption policy as a factor of influence on protest potential and stability in modern society”, *DISCOURSE*, vol. 7, no. 5, pp. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-98-111.

11. Telegina, E.G. (2017), “Legal consciousness and legal culture as an anti-corruption tool”, *Juvenis scientia*, no. 6, pp. 38–41.

12. Gilinsky, Y.I. (2009), “The social construction of deviance: “problematisation” of problem”, *St. Petersburg Sociology Today,* no. 1, pp. 327–344.

13. Yasaveyev, I. (2004), “Constructionist Approach to Social Problems”, *The J. of Social Policy Studies*, vol. 2, no. 4, pp. 533–546.

14. Granovetter, M. (2007), “The Social Construction of Corruption”, *On Capitalism*, in Nee, V. and Swedberg, R. (eds.), Stanford Univ. Press, Stanford, USA, pp. 152–172.

15. Graaf, G. de. (2007), “Causes of corruption: Towards a contextual theory of corruption”, *Public Administration Quarterly*, vol. 31, pp. 39–86.

16. Karepova, S.G., Nekrasov, S.V. and Pinchuk, A.N. (2018), “On the interpretation of the concept “corruption”: societal and socio-psychological aspects”, *Humanities Perspectives*, no. 2, pp. 52–64. DOI: http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.2.5.

17. Karepova, S., Pinchuk, A., Nekrasov, S. and Tikhomirov, D. (2019), "Corruption and anticorruption activities in modern society as perceived by the Moscow students: on the materials of a focus group research", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no. 1, pp. 113–137. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.6.

18. Osipov, G., Karepova S., Glotov V. et al. (2019), *Korruptsiya kak sotsietal'nyi fenomen: sotsiologicheskie, sotsial'no-psikhologicheskie i ekonomicheskie aspekty analiza* [Corruption as a societal phenome-non: sociological, socio-psychological and economic aspects of the analysis], Nestor-Historia, SPb., RUS.

19. Becker, H. (1963), *Outsiders: studies in sociology of deviance*, The Free Press, NY., USA.

20. Saurwein, K.-H. Korruption – das Wiedereintauchen der «alten» Welt in die Moderne?" (2012), Transl. by Giryaeva, V., *Russian Sociological Review*, no. 11 (3), pp. 105–119.

21. Breit, E., Lennerfors, T.T and Olaison, L. (2015), "Critiquing corruption: A turn to theory", *Ephemera: Theory and Politics in Organization*, no. 15 (2), pp. 319–336.

22. Jones, B.J., McFalls, Jr.J.A. and Gallagher, III B.J. (1989), "Toward a unified model for social problems theory", *J. for the theory of social behavior*, no. 19 (3), pp. 337–356. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.1989.tb00153.x.

23. Minina, V.N. (1999), "Sociology of social problems: analysis of main conceptions", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, no. 3, pp. 74–90.

24. Simonova, T.M. (2009), "Towards the integral approach to social problems", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. 12, no. 1, pp. 66–74.

25. Blumer, H. (1971), "Social problems as collective behavior", *Social problems*, vol. 18, iss. 3, pp. 298–306. DOI: https://doi.org/10.2307/799797.

26. Best, J. (2007), "Social problems", *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistskoe prochtenie* [Social Issues: constructionist approach], Transl. by Yasaveev, I.G., Publishing house of Kazan Univ., Kazan, RUS, pp. 115–145.

27. Ibarra, P.R. and Adorjan, M. (2018), "Social Constructionism", *The Cambridge Handbook of Social Problems* / in A. J. Treviño (ed.), vol. 1, pp. 279–300.

28. Hilgartner, S. and Bosk, C.L. (1988), "The rise and fall of social problems: a public arenas model", *American J. of sociology*, vol. 94, no. 1, pp. 53–78.

29. Yasaveev, I.G. (ed.) (2007), *Sotsial'nye problemy: konstruktsionistskoe prochtenie* [Social Issues: constructionist approach], Publishing house of Kazan Univ., Kazan, RUS.

Information about the author.

Ekaterina A. Kovtun – Lecturer at the Department of Sociology, Saint Petersburg State Institute of Technology, 26 Moskovsky ave., St Petersburg 190013, Russia. The author of 18 scientific publications. Areas of expertise: social perception of corruption, sociology of corruption, anti-corruption policy in Russia.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.02.2022; adopted after review 03.03.2022; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 78–87
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 78–87

Оригинальная статья
УДК 303.01; 314; 001.3
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87

Кому нужны традиционные ценности? Проблема интеграции традиционных культур в современное общество

Елена Евгеньевна Марченко[1]✉, Виктор Георгиевич Орешкин[2], Ольга Васильевна Плебанек[3]

[1, 2, 3]*Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Россия*

[1]✉*helen-m@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3724-8304*
[2]*vgritor@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9407-1912*
[3]*plebanek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0184-7188*

Введение. Дается анализ базовых понятий этнокультурного дискурса и поднимается проблема неопределенности понятийного аппарата, на основе которого строится теория межкультурных взаимодействий, что затрудняет внедрение научных исследований в практику. Авторы предлагают уточнить категории, актуальные именно для нашей страны в настоящее время, в контексте формирования основ культурной политики государства и принятия соответствующих законодательных актов.
Предметом исследования является система категорий, положенных в основу теорий модернизации и теорий культурных взаимодействий.
Методология и источники. В основу анализа категориального аппарата современной этнокультурной политики положены методологические принципы, сложившиеся в науке в процессе культуроцентристского поворота, который был заложен трудами Т. Парсонса и П. Сорокина.
Результаты и обсуждение. Парадигмальный характер и неопределенное употребление таких категорий, как «традиционные ценности» и «традиционные культуры», создает условия для спекуляций и не позволяет построить взвешенную культурную политику. А необоснованное стремление к консервации архаических культурных паттернов приводит к серьезным противоречиям в целях и результатах реализации культурной политики. Сделан вывод, что для принятия эффективных политических решений необходимо учитывать разницу в использовании понятий в социально-гуманитарных науках и в политической сфере. Следует разделять так называемые «традиционные ценности» и архаические общества, понимая под первыми ценности, традиционные для той или иной культурной системы, безотносительно к понятию прогресса. А под вторыми – архаическими культурами (и обществами, носителями этих культур) – следует понимать культуры, сформировавшиеся на базе примитивной технологии обеспечения жизнеспособности популяции.
Заключение. В такой парадигме культурную политику государства по отношению к архаическим культурам следует строить исходя не только из принципа самоценности культуры, но и из принципа равной доступности гуманитарных благ (защиты здоровья, выбора рода занятий, доступности культурных достижений и образования и др.).

Ключевые слова: традиция, ценности, традиционное общество, традиционные ценности, традиционные культуры, циркумполярная цивилизация, интеграция, информационная технология

© Марченко Е. Е., Орешкин В. Г., Плебанек О. В., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 78–87
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 78–87

Для цитирования: Марченко Е. Е., Орешкин В. Г., Плебанек О. В. Кому нужны традиционные ценности? Проблема интеграции традиционных культур в современное общество // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 78–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87.

Original paper

Who Needs Traditional Values? The Problem of Integrating Traditional Cultures into Modern Society

***Elena E. Marchenko*[1]✉*, Viktor G. Oreshkin*[2]*, Olga V. Plebanek*[3]**

[1, 2, 3]*University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, St Petersburg, Russia*

[1]✉*helen-m@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3724-8304*
[2]*vgritor@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-9407-1912*
[3]*plebanek@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0184-7188*

Introduction. The article analyzes the basic concepts of ethno-cultural discourse, and raises the problem of the uncertainty of the conceptual apparatus, on the basis of which the theory of intercultural interactions is built, which makes it difficult to introduce the results of research into practice. The authors propose to clarify the categories that are relevant specifically for Russia at the present time, in the context of the formation of the foundations of the state's cultural policy and the adoption of relevant legislative acts. The subject of the research is the system of categories underlying the theories of modernization and theories of cultural interactions.

Methodology and sources. The analysis of the categorical apparatus of modern ethno-cultural policy is based on methodological principles that have developed in science in the process of a cultural-centric turn, which was laid down by the works of T. Parsons and P. Sorokin.

Results and discussion. The paradigmatic nature and indefinite use of such categories as “traditional values” and “traditional cultures” creates conditions for speculation and does not allow building a balanced cultural policy. And the unreasonable desire to the conservation of archaic cultural patterns leads to serious contradictions in the goals and results of the implementation of cultural policy. It is concluded that in order to make effective political decisions, it is necessary to take into account the difference in the use of concepts in the social sciences and the humanities and in the political sphere. It is necessary to separate the so-called “traditional values” and archaic societies, understanding by the former the values traditional for a particular cultural system, regardless of the concept of progress. And under the second – archaic cultures (and societies, carriers of these cultures), one should understand cultures that were formed on the basis of primitive technology to ensure the viability of the population.

Conclusion. In such a paradigm of cultural observation of observations of archaic cultures, one should build not only from the study of the intrinsic value of culture, but also from the disclosure of equal accessibility of humanitarian benefits (health protection, choice of occupation, accessibility of cultural achievements and education, etc.).

Keywords: tradition, values, traditional society, traditional values, traditional cultures, circumpolar civilization, integration, information technology

For citation: Marchenko, E.E., Oreshkin, V.G. and Plebanek, O.V. (2022), “Who Needs Traditional Values? The Problem of Integrating Traditional Cultures into Modern Society”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 78–87. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-78-87 (Russia).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 78–87
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 78–87

Введение. В последние несколько десятилетий не проходит ни одного философского конгресса (не говоря уже об антропологических и культурологических), где бы не обсуждалась проблема сохранения так называемых традиционных ценностей и традиционных культур. Антропологи и люди, так или иначе причастные к вопросу, пытаются привлечь внимание к проблемам утраты культурных традиций, вымирания малых этнических сообществ и архаических культур. Причем часто смешиваются и совмещаются эти два понятия – традиционные ценности и традиционные культуры, – что еще больше запутывает вопрос, и без того отягощенный парадигмальной неопределенностью социокультурного статуса архаических и традиционных обществ. Нужно ли напоминать, что без четкого понимания того, что стоит за тем или иным понятием, а также без твердой и адекватной постановки методологической позиции никакое политико-правовое решение не приведет к положительным результатам, что показывает мировой опыт взаимодействия традиционных и индустриальных обществ?

Методология и источники. В современном социогуманитарном знании накоплен методологический потенциал, позволяющий анализировать сложные процессы взаимодействия между общественными системами, имеющими разнородные социальные институты и различные системы ценностей. Модернизационные проекты, разрабатывавшиеся для архаических обществ в первой половине XX в., в основе своей имели классическую парадигму социального знания, которая строила модель социального бытия как линейное развитие. Все эти проекты без исключения (американская модель, французская модель, советская модель) не достигли запланированного результата, привели к большим антропологическим, социальным и культурным потерям. Но и получившая популярность неклассическая модель социальной динамики, основная идея которой заключается в самоценности и самодостаточности культурных систем и непроницаемости ценностных систем, не оправдала себя. Решить проблему взаимодействия общественных систем с различными технологическими укладами можно на базе постнеклассических подходов, которые представлены в работах В. С. Степина [1] и ряда ведущих ученых страны [2], а также в зарубежных исследованиях [3].

Результаты и обсуждение. Так, например, широко пропагандируемый в Якутии проект так называемой циркумполярной цивилизации пока не сопровождается серьезным анализом этих самых традиционных ценностей на предмет их совместимости с современными технологиями, а как следствие, и с современным уровнем социальной защищенности. Апологеты концепции циркумполярной цивилизации пока ничего не могут предложить в качестве альтернативы ценностям модерна, кроме «новой концепции поселения, которая отражает альтернативную индустриальной модели модель деятельности. Ее сутью является создание постиндустриального сектора на основе инноваций, укрепление и эффективное использование интеллектуального потенциала, развитие образования, науки и информационных технологий, сохранение наследия, ценностей и идентичности коренных малочисленных народов» [4]. Надо ли уточнять, что инновационность – ценность, альтернативная традиционализму? И надо ли объяснять, что «органично входить очаги развития местной и национальной культур» (из статьи этих же авторов) в постиндустриальную цивилизацию не могут, так как кочевой образ жизни и как раз принципиально иные ценностные установки и культурные паттерны не позволяют достичь такого образовательного уровня, который необходим для освоения и внедрения информационных технологий? Ю. Хазанкович выделяет

эту особенность традиционной культуры малых народов Севера: «Одна из характерных черт эпической среды – отсутствие стремления слушателя к получению новой информации» [5]. Кому еще неясно, что, во-первых, центральной ценностью информационной цивилизации, на основе которой возможно «создание постиндустриального сектора на основе инноваций» (который предполагают построить на основе традиционных культур Т. Богатырева и И. Ложникова), является как раз стремление к новационности, а во-вторых, что именно с отсутствием стремления к получению новых знаний у представителей коренных народов Севера сталкиваются вузовские (и не только) преподаватели?

Вопрос интеграции традиционных культур в современную социально-технологическую систему достаточно сложен, но чтобы избежать спекуляций и декларативности, следует прежде всего определиться с базовыми категориями, имеющими парадигмальное содержание и требующими ясности: традиционное общество, традиционная культура, традиционные ценности, – группирующимися вокруг понятия «традиция». Понятие традиции содержит в себе две интенции, но при этом как в обыденном, так и в научном дискурсе под ядром семантического поля понимается только одна из них, в соответствии с той парадигмальной основой, которой придерживается автор. Чаще всего в качестве смысловой основы понятия «традиция» понимается обычай. В понятии традиции фиксируется идея происхождения из прошлого, того, что обычно, обыденно повторяется, т. е. это нечто, транслируемое без изменений. Иногда акцентируется именно этот смысл, и тогда с концептом традиции связывается интенция консерватизма. Неслучайно традиционализм ассоциируется с отсталостью, сопротивлению новациям, изменениям. Идея стабильности, неизменности, конечно, присутствует в прямом значении этого слова, но эта интенция не единственная. Латинское значение tradition – «предание, обычай», транслируемое в европейские языки, восходит к глаголу tradere – «передавать». А у этого глагола нет такой ярко выраженной интенции консерватизма: передавать можно как в одном, так и в другом направлении; передавать можно и то, что для одного из субъектов трансляции является чем-то новым. Поэтому вторая интенция, присутствующая в коренном понятии традиции, – передача от одного субъекта к другому.

Исходя из этих двух интенций, содержащихся в семантическом ядре лексемы, и в силу эпистемы, которая формировала западноевропейское мышление, в прогрессистской концепции бытия традиция понималась как оппозиция и даже как антагонистическая оппозиция новации. В классической парадигме науки, с ее тенденцией к абсолютизации значений, однозначности контекста, безальтернативности решений возникло и представление о линеарности исторического процесса, который понимался как физическое течение времени, а следовательно, и о наличии только двух векторов измерения социального бытия – ретроспективного и перспективного. В этой парадигме общественное бытие также имеет дуальную интерпретацию – прогресс и регресс, традиция и новация, а следовательно, и общества – современные (modern) и традиционные. Но эпистема неклассической парадигмы науки подразумевала уже другое соотношение традиции и новации. Принцип релятивизма, лежащий в основе неклассической парадигмы, уже не позволяет в социальной теории однозначную оценку, универсальную цель бытия, линеарность развития. Понятия традиции и новации уже перестали располагаться на одной шкале социальных трансформаций, они заняли функциональное положение по отношению друг к другу: традиция стала пониматься как механизм

трансляции новаций в социальной системе. Применительно к социальным трансформациям стало разрешенным тавтологичное или парадоксальное в прежней эпистеме словоупотребление: консервативная традиция и прогрессистская традиция.

Таким образом, концепт традиции оказался более объемным, чем исходная лексема, и его содержание оказалось связанным с принятой парадигмой. Но парадигмальный характер базовых понятий затрудняет научный дискурс – представители разных научных школ, в основе которых лежат разные научные парадигмы, произнося одни и те же слова, говорят на разных служебных языках. В связи с этим связанные понятия тоже оказываются неоднозначными. Например, понятие традиционных ценностей может быть определением и концептом. Традиционные ценности могут выступать как понятие, обозначающее ценности, принадлежащие к определенному типу общества, а именно – консервативного, ориентированного на прошлое, и тогда это – концепт, под которым понимается набор вполне определенных ценностей – коллективизм, созерцательность, природоцентризм и т. д. Но это понятие может выступать и как прилагательное, и тогда это указание на принадлежность любому типу социальной системы, имеющей специфику, в том числе модернизированному обществу. Тогда традиционные ценности для Запада – индивидуализм, активизм, агонизм и т. п. А традиционные ценности для Востока – коммунитаризм, пассеизм и т. д.

Вторая категория, которая лежит в основе дискурса о традиционных культурах и их ценностях, – сами ценности. Теория ценностей еще очень молода, чтобы говорить о каком-то доминирующем подходе; скорее, существует обильная критика альтернативных подходов (например, [6]). Не преследуя в данном рассуждении цели окончательного разрешения проблемы природы ценностей, все же следует указать, что ценности не только регулируют и направляют человеческую деятельность, но и сами являются производными (или, по меньшей мере, когерентными) деятельности. Например, если деятельность, обеспечивающая жизнеспособность популяции, связана с кооперацией и консолидацией, то повышение эффективности деятельности и устойчивости общественной системы в значительной степени зависит от эффективности мотивации, определяемой ценностями: приоритет целого перед частным, приоритет государства перед семьей, приоритет Мы перед Я. Такова система ценностей земледельческих обществ, в частности, китайской цивилизации, которая (система ценностей) актуализируется в религиозных, философских концепциях и традициях. Если доминирующая деятельность связана с личным риском (морская торговля), личной ответственностью (ремесло), то в такой общественной системе неизбежно формируется идея независимой личности, что получает выражение и в концепции личного спасения, личного выбора и даже личного общения с Богом. Исходя из деятельностного подхода и исторической динамики ценностных систем, под ценностями следует понимать не абсолютную значимость какого-либо объекта или явления, а любой объект материальной или идеациональной природы, наделяемой людьми значением в процессе деятельности. Очевидно, что смена деятельности потребует изменения системы ценностей. В противном случае общество не может эффективно противостоять конкурентам и даже обеспечивать должное единство характера деятельности и приоритетов. Таким образом, устойчивость ценностной системы необходима только в условиях устойчивой среды и неизменного характера обеспечивающей деятельности.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 78–87
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 78–87

Относительно так называемых традиционных культур это означает, что, во-первых, консервация ценностей препятствует интеграции таких обществ в современную систему социокультурных и технологических отношений на основе равноправия и самодостаточности, так как самодостаточность – это не автаркия, а способность самообеспечения в изменяющихся условиях вне зависимости от внешних источников благ. Во-вторых, ценности, выработанные веками (иногда и тысячелетиями, что и определяется сторонниками сохранения культурной традиции как главное достоинство традиционных ценностей – их стабильность), не могут быть мотиватором и регулятором в изменяющемся мире. В-третьих, изменяющаяся среда, в соответствии с которой меняется и характер обеспечивающей деятельности, требует смены ценностных ориентиров. Попытки законсервировать ценности вместе с традиционной культурой возможны только при искусственной консервации образа, а следовательно, и уровня жизни. Это для традиционных обществ означает ограничение доступа к достижениям современных технологий и, что значительно важнее, – к качественному здравоохранению, образованию, участию в управлении территориями.

Правда заключается в том, что некоторые ценности, традиционные для конкретных социумов, способствуют повышению конкурентоспособности популяции и эффективному вхождению на равных правах (которые не в состоянии оспорить оппозиционные популяции) в современный высокотехнологичный мир, а некоторые понижают устойчивость к вызовам среды, естественной и социальной. Например, в русской православной цивилизации ценностное отношение к аскетизму и созерцательности сопряжено с негативным отношением к материальным ценностям, что получило институциональное оформление в монашеском движении нестяжательства и в моральном одобрении нищенствующих как добровольно отрекшихся от имущества. Оборотной стороной этой традиционной для православия ценности стало моральное осуждение стремления к зримому результату труда – богатству, и, в свою очередь, богатство стало интерпретироваться не как закономерный продукт и результат труда, а как признак отпадения от морального идеала. Традиционная клановая структура организации социума в странах Средней Азии стала серьезной проблемой и причиной гражданской войны в Таджикистане в 1992–1997 гг. Ценность традиционного уклада настолько стала мешать экономике Таджикистана, что на государственном уровне были приняты законодательные акты, запрещающие празднование свадеб, юбилеев и других частных мероприятий с числом гостей более 100 человек.

Существует и проблема ценностных лакун – отсутствия в социокультурной системе необходимых в современном мире ценностей, – связанной с тем, что эти ценности входят в противоречие с традиционными для данного общества ценностями. Например, отсутствие признания как ценности рациональных знаний в контексте разрушения социалистической системы привело к резкому росту новых религиозных сект и появлению значительного сектора нелегитимных медицинских практик. Доминирование общинного сознания на фоне отсутствия ценности личной ответственности и активности не позволяет развить современные секторы экономики в регионах, включающих традиционные культуры. Отсутствие ориентации на новации, ценности идеи прогресса не позволяет традиционалистскому обществу динамично реагировать на вызовы современности.

Можно, конечно, предполагать, что некоторая часть населения откажется от достижений технотронной цивилизации и обратится к традиционным ценностям, но беда в том, что

представители этих обществ идут только двумя путями. Одни пытаются сохранить традиционный образ жизни (или реанимировать его) и одновременно требуют, как минимум, удовлетворения права на здоровье и жизнь в соответствии с современными стандартами (государственной помощи при катастрофах, недостатке питания и т. д.), которое возможно только при условии, что население другой части страны берет на себя труд, ответственность и риск новационно выстроить систему ценностей, жизнь и деятельность. Другие «голосуют за образ жизни ногами», включаясь в миграционный исход на Запад за тем же, разделяя уже другую систему ценностей. Попытки создания ценностного синтеза и на основе этого синтеза – жизнеспособных культурных паттернов пока нельзя признать успешными.

Взгляд на современные этнокультурные процессы и межкультурные взаимодействия наталкивает на мысль о том, что, с одной стороны, так называемые традиционные ценности представляют собой механизм сублимации депрессивных социальных групп, не нашедших ресурсов для вхождения в современные социокультурные процессы. Эти ценности позволяют таким группам и целым социумам переживать состояние социальной ущемленности, но не дают преодолеть разрыв между современной технологией и традиционными культурными паттернами. С другой стороны, сам этнотрадиционалистский дискурс спровоцирован политическими элитами, преследующими свои, не сопряженные с интересами этнических групп, цели. Как бы не критиковали британского социолога Б. Андерсона [7], автора конструктивистской концепции этничности, его идея искусственного характера многих этномобилизационых процессов находит свое подтверждение. Эту позицию разделяют, например, Д. С. Семушин, который пишет, что «этот мнимый объект <циркумполярная цивилизация> если и достоин изучения, то только для того, чтобы определить истинные цели идеологов, его породивших» [8], а также ряд других исследователей [9; 10]. Всесторонне исследуя эту проблему, Ю. Ф. Лукин приходит именно к такому выводу: «Создание парламента <этнического – саамов> – это в первую очередь политическая акция, отношения по поводу власти, а потом уже языка, культуры, экологии. В Арктике к этому еще добавляется запах нефти и газа, влияние Штокмановского проекта на этнополитическую ситуацию» [11, с. 77].

Традиционные ценности важны для сохранения этнокультурной идентичности. Осталось определить, какие ценности мы в состоянии сохранить без ущерба для адаптационно-эволюционных возможностей общественной системы, без ущерба для ее развития или за счет чего/кого будет обеспечиваться высокий уровень социальной защищенности и удовлетворения потребностей всех социальных групп, включая тех, кто продолжает жить экстенсивным традиционным хозяйством, рассчитывая на государственное снабжение средствами связи, необходимой техникой, врачебной помощью и продовольствием в критической ситуации. Конечно, своевременно и обоснованно принята Декларация ООН о правах коренных народов, в которой детально прописано, что коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право не подвергаться принудительной ассимиляции или воздействию в целях уничтожения их культуры (статья 8); коренные народы имеют право на достоинство и многообразие их культуры, традиций, истории и чаяний, которые должны соответствующим образом отражаться в сфере образования и общественной информации (статья 15); коренные народы имеют право определять себя или свою этническую принадлежность в соответствии со своими обычаями и традициями (статья 33) [12]. Но это не означает необходимости внед-

рения кропления конским хвостом под шаманский бубен официальных мероприятий (чему один из авторов статьи был лично свидетелем на научной конференции в г. Якутске) и консервации экстенсивных методов хозяйства, когда весь мир перешел к интенсивному (не усиленному, а разумному) использованию среды.

Заключение. В заключении подчеркнем, что политика бывает эффективна тогда, когда в основе ее лежит полноценная, верифицированная теория, во всех остальных случаях политические проекты представляют собой по меньшей мере утопии, а иногда и роковые ошибки. Социально-гуманитарные науки прошли уже рубеж становления, когда понятия могли иметь противоположные значения, но в обыденном дискурсе, который часто переходит в профессиональный – политический, – эти понятия все еще используются вульгарно (простонародно). Однако со времен Сократа известно, что путь достижения истины лежит через dialogue (буквально: через слово) – через однозначное словоупотребление. В этом контексте следует помнить, что ценности не являются абсолютными и трансцендентными, что они возникают именно в процессе деятельности людей, а потому их можно и следует переосмысливать. Что дихотомия «традиционные культуры – современные культуры» не является ни логически обоснованной (типологически культурных систем более двух), ни аксиологически нейтральной (скорее наоборот, в обыденном мышлении отдается предпочтение традиционным культурам вследствие неприятия ценностей модерна, которые конституируют чуждую цивилизацию), а поэтому методологически неадекватна решаемым в современной политике задачам. Что при принятии политических решений, за которыми стоит не идеология, а цель обеспечения равных прав на блага современных технологий различных этнических групп, а также цель доступности культурных достижений для удаленных территорий, правильнее использовать казалось устаревшую категорию «архаические культуры». И следует помнить, что давно существующее мнение о том, что особенностью социально-гуманитарного знания является его аксиологическая нагруженность, в некотором смысле отражает положение вещей в познании, но в современной теории познания это обстоятельство не исключается, а преодолевается в разрабатываемой постнеклассической методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.

2. Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Вып. 1. Познавательные возможности культурологии / под ред. А. Я. Флиера. М.: Согласие, 2011.

3. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / пер. с англ. А. Захарова; под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

4. Богатырева Т. Г., Ложникова И. Ф. Арктика – территория экологического и социокультурного развития. URL: http://viperson.ru/articles/arktika-territoriya-ekologicheskogo-i-sotsiokulturnogo-razvitiya (дата обращения: 22.10.2021).

5. Хазанкович Ю. Культура народов циркумполярной зоны: особенности формирования «первичного» мышления // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 53–60.

6. Овчарова Т. Н. О природе ценностей // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1. С. 477–494.

7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

8. Семушин Д. С. «Циркумполярная» лженаука – против Русской Арктики // ИА REGNUM. 21.02.2012. URL: https://regnum.ru/news/1501301.html (дата обращения: 22.11.2021).

9. Кефели И. Ф. Циркумполярная цивилизация в геоцивилизационной структуре глобального мира // Партнерство цивилизаций. 2013. № 4. С. 354–365.

10. Круглова Л. К. Мультицивилизационная идентичность в контексте теории циркумполярной цивилизации // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3 (33). С. 99–114. DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-99-114.

11. Лукин Ю. Ф. Перфоманс этнокультурного ландшафта Арктики в глобальном и региональном измерениях // Арктика и Север. 2011. № 1. С. 56–87.

12. Декларация ООН о правах коренных народов. 13.09.2007. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 19.11.2021).

Информация об авторах.

Марченко Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук (2001), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 15 научных публикаций. Сфера научных интересов: история России, история старообрядчества, история Санкт-Петербурга.

Орешкин Виктор Георгиевич – кандидат педагогических наук (2006), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: образование, имиджелогия, гуманитарные педагогические технологии.

Плебанек Ольга Васильевна – доктор философских наук (2016), доцент (2004), заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная философия, философия культуры, глобальные процессы, цифровизация общества.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.12.2021; принята после рецензирования 11.01.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Stepin, V.S. (2011), *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture], SPbGUP, SPb., RUS.

2. *Kul'turologicheskaya paradigma: issledovaniya po teorii i istorii kul'turologicheskogo znaniya i obrazovaniya. Vyp. 1. Poznavatel'nye vozmozhnosti kul'turologii* [Culturological paradigm: research on the theory and history of cultural knowledge and education. Issue. 1. Cognitive possibilities of cultural studies] (2011), in Flier, A.Ya. (ed.), Soglasie, Moscow, RUS.

3. *Culture Matters: How Values Shape Human Progress* (2002), Transl. by Zakharov, A., in Harrison, L. and Huntington, S. (eds.), Moskovskaja shkola politicheskih issledovanij, Moscow, RUS.

4. Bogatyreva, T.G. and Lozhnikova, I.F. (2015), *Arktika – territoriya ekologicheskogo i sotsio-kul'turnogo razvitiya* [The Arctic is a territory of ecological and socio-cultural development], available at: http://viperson.ru/articles/arktika-territoriya-ekologicheskogo-i-sotsiokulturnogo-razvitiya (accessed 22.10.2021).

5. Khazankovich, Yu. (2013), "Culture of northern indigenous peoples: feature composition of primary thinking", *Arctic. XXI century. Humanitarian sciences*, no. 1, pp. 53–60.

6. Ovcharova, T.N. (2004), "On the nature of values", *Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series: social sciences*, no. 1, pp. 477–494.

7. Anderson, B. (2001), *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Transl. by Nikolaev, V., KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, Moscow, RUS.

8. Semushin, D.S. (2012), ""Circumpolar" pseudoscience – against the Russian Arctic", *IA REGNUM*, available at: https://regnum.ru/news/1501301.html (accessed 22.11.2021).

9. Kefeli, I.F. (2013), "Circumpolar civilization in the geo-civilizational structure of the global world", *Partnership of Civilizations*, no. 4, pp. 354–365.

10. Kruglova, L.K. (2019), "Multicivilizational identity in the context of the theory of circumpolar civilization", *Human. Culture. Education*, no. 3 (33), pp. 99–114. DOI: 10.34130/2223-1277-2019-3-99-114.

11. Lukin, Yu.F. (2011), "Performance of an ethnocultural landscape of Arctic regions in global and regional measurements", *Arctic and North*, no. 1, pp. 56–87.

12. *United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples* (2007), available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed 19.11.2021).

Information about the authors.

Elena E. Marchenko – Can. Sci. (History) (2001), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. Author of more than 15 scientific publications. Areas of expertise: history of Russia, history of the old believers, history of St Petersburg.

Viktor G. Oreshkin – Can. Sci. (Pedagogy) (2006), Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. Author of more than 40 scientific publications. Areas of expertise: education, imageology, humanitarian pedagogical technologies.

Olga V. Plebanek – Dr. Sci. (Philosophy) (2016), Docent (2004), Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, University associated with the Interparliamentary Assembly of the Eurasian Economic Community, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. Author of more than 150 scientific publications. Areas of expertise: social philosophy, philosophy of culture, global processes, digitalization of society.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.12.2021; adopted after review 11.01.2022; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 88–97
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 88–97

Оригинальная статья
УДК 32.019.51; 316.775.3
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-88-97

Семиозис искусственного интеллекта и социальное развитие

А. Ю. Колянов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия, aikolianov@etu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0851-7878

Введение. Анализируются семиотические аспекты репрезентации искусственного интеллекта (ИИ) в социокультурном пространстве и их влияние на характер социального развития. В контексте оформления идеи искусственного интеллекта в долгосрочную глобальную стратегию закономерна постановка вопроса о характере взаимовлияния технологии и социального развития на уровне как личности, так и общества в целом.

Методология и источники. Теоретическими основами работы послужили классические труды по семиотике Ч. С. Пирса, Ч. У. Морриса, а также теоретические труды по современной политической семиотике (И. В. Фомин, М. В. Ильин и др.). Для работы с эмпирической базой были использованы анализ документов (докладов и аналитических материалов ЮНЕСКО, Еврокомиссии, Лондонского королевского общества, Стэнфордского университета, а также нормативных документов Российской Федерации), опросов общественного мнения (ВЦИОМ, Rambler & Co), дискурс-анализ, семантический и контент-анализ материалов отечественных и зарубежных медиа.

Результаты и обсуждение. В результате исследования было обнаружено, что основное противоречие, сопровождающее осмысление искусственного интеллекта, его сущности и предназначения на всех уровнях социально-политического дискурса, состоит в поляризации общественных представлений об ИИ как инструменте контроля и (или) инструменте развития. Также мы выделили контекстные поля, формирующие смысловые рамки интерпретации ИИ, где, на наш взгляд, будет формироваться образ технологии в будущем.

Заключение. Для изучения характера репрезентации технологий с использованием ИИ в общественно-политическом дискурсе и для управления этим процессом уместно обращение к научному потенциалу семиотики, позволяющему структурировать исследование семиозиса технологии на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. Перспективен также сравнительный анализ культурно-исторических традиций и национально-государственных моделей социального управления, интегрирующих ИИ в социальные процессы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, семиотика, семантика, социальный капитал, общество, информационные технологии

Для цитирования: Колянов А. Ю. Семиозис искусственного интеллекта и социальное развитие // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 88–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-88-97.

© Колянов А. Ю., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 88–97
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 88–97

Original paper

Semiosis of Artificial Intelligence and Social Development

Alexey Yu. Kolianov

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
aikolianov@etu.ru, https://orcid.org/0000-0002-0851-7878

Introduction. The article analyzes the semiotic aspects of the representation of artificial intelligence in the socio-cultural space and their influence on the nature of social development. The spread and penetration of technologies into social and political processes using artificial intelligence (AI) is accompanied by active discussions in the socio-political environment. Artificial intelligence is considered as one of the most important resources of social and political development, so the desire of states, politicians and public organizations to determine the semantic framework of its public perception is understandable.
Methodology and sources. The theoretical foundations of the work were the classic works on semiotics by Ch. S. Pierce, Ch. W. Morris, as well as theoretical works on modern political semiotics (I.V. Fomin, M.V. Ilyin and others). To work with the empirical base, analyzes of documents (reports and materials from UNESCO, the European Commission, the Royal Society of London, Stanford University), public opinion polls (VTsIOM), discourse analysis, semantic and content analysis of materials from Russian and foreign media were used.
Results and discussion. As a result of the study, we found that the main contradiction that accompanies the understanding of artificial intelligence, its essence and purpose at all levels of socio-political discourse is the polarization of public ideas about AI as a control tool and (or) a development tool. The contextual fields were also outlined, within which further development of the semiosis of artificial intelligence is possible.
Conclusion. To understand the nature of the representation of technologies using AI in socio-political discourse and to manage this process, an interdisciplinary approach and an appeal to the scientific potential of the social sciences and the humanities, in particular, semiotics, are appropriate, which makes it possible to study the semiosis of technology at the semantic, syntactic and pragmatic levels. It also seems promising to turn to a comparative analysis of cultural and historical traditions and national-state models of social management that specifically integrate AI into social processes.

Keywords: artificial intelligence, semiotics, semantics, social capital, society, information technologies

For citation: Kolianov, A.Yu. (2022), “Semiosis of Artificial Intelligence and Social Development”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 88–97. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-88-97 (Russia).

Введение. Развитие технологий с использованием искусственного интеллекта сопровождается интенсивными обсуждениями в общественно-политической среде. Вслед за распространением алгоритмов в экономике и промышленности компьютерные технологии закономерно проникают в социальные и политические процессы. Искусственный разум представляется одним из главнейших ресурсов для достижения мирового лидерства и вполне может стать причиной «гонки вооружений» XXI в., поэтому понятно желание государств, политиков и общественных организаций контролировать развитие технологии и определять смысловые рамки ее публичного восприятия.

Методология и источники. По мере проникновения технологий искусственного интеллекта в сферу социально-политического дискурса, в том числе в область социальной психологии и принятия политических решений, оформляется пространство глобальных

коммуникаций, в котором искусственный интеллект перестал быть только технологией оборонной, финансовой, промышленной сфер и непосредственно затронул мир человеческих действий, представлений и воли. Перелом произошел в 80–90-е гг. XX в., когда была изобретена новая стратегия выхода из системного экономического кризиса капитализма: обеспечение экономического роста путем стимулирования потребительского спроса через воздействие на мотивы и предпочтения людей. Сетевой маркетинг, рекламные и брендинговые технологии не только используют искусственный интеллект, но и создают пространство его саморазвития.

Так, к началу 2020-х гг. более 50 стран начали создание национальных стратегий и программ развития ИИ. Отмечается потребность в морально-этическом регулировании технологии. В 2018 г. ЮНЕСКО инициировала проект разработки этической основы для использования искусственного интеллекта, а в ноябре 2021 г. директор организации Одри Азуле озвучила на Генеральной конференции государств – членов ЮНЕСКО первые в истории глобальные стандарты этических аспектов искусственного интеллекта [1]. В этих стандартах содержатся четыре группы этических рамочных норм:

– защита данных;

– запрет социального ранжирования и массового наблюдения;

– содействие мониторингу и экспертизе;

– охрана окружающей среды.

В Европе задачи по определению этических границ развития и функционирования разработок с использованием искусственного интеллекта взяла на себя Еврокомиссия. Так, в 2020 г. высший орган исполнительной власти ЕС предложил установить четыре категории риска применения технологии:

– минимальный (большая часть вариантов использования, не причиняющего урона. Они не требуют регулирования. Например, спам-фильтры, ИИ в играх);

– ограниченный (роботы, осуществляющие переписку в чатах, общаясь с которыми пользователи сети должны четко идентифицировать их как программы и не представлять их ошибочно как людей);

– высокий (требуют надзора со стороны: формирование кредитной истории, автоматический подсчет результатов тестирований учащихся школ и студентов университетов, применение алгоритмов ИИ в деятельности полиции и служб безопасности, юристов и адвокатов, медицинских работников, а также рекрутинговых отделов);

– неприемлемый (социологический анализ для формирования у правительства отношения к различным группам общества) [2].

В Российской Федерации формирование и обсуждение этических рамок использования ИИ предписано пунктом 48 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и, следовательно, «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» [3]. А в пункте 57 данного нормативного документа отмечено, что в процессе принятия управленческих решений должны учитываться результаты научных исследований, проводимых для аналитического и экспертного сопровождения Национальной стратегии развития ИИ и направленных на изучение этических нюансов задействования технологий ИИ.

Кроме этого, в России была принята Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. [4]. Среди главных целей данной Концепции, указанных в Распоряжении Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р, присутствует расширение использования средств регулирования, а также создание сводов этических норм разработки, внедрения и применения ИИ.

В конце 2021 г. Аналитический центр при Правительстве РФ и Министерство экономического развития при поддержке ученых, экспертов и представителей государства инициировали создание проекта Национального кодекса этики в сфере искусственного интеллекта [5]. В составлении указанного документа участвует также Альянс в сфере искусственного интеллекта, объединяющий лидирующие в технологическом плане компании, среди которых ПАО «Газпром нефть», ПАО «Сбербанк», Российский фонд прямых инвестиций, ООО «Яндекс», ПАО «МТС», ООО «Мэйл.ру» и другие акторы ИИ (список является открытым). Дискуссии вокруг проекта данного этического кодекса проводятся на различных уровнях, включая государственный. Авторы документа отмечают, что кодекс «служит ориентиром для развития технологий ИИ в стране и призван обеспечивать доверие к ИИ со стороны пользователей, общества и государства», «носит рекомендательный характер», а «участники рынка могут добровольно присоединяться к кодексу и подтверждать соответствие его принципам» [5].

Правительственные и экспертные оценки тем не менее не являются самодостаточными и исчерпывающими для определения искусственного интеллекта и его перспектив. Динамика структурно-функциональных и содержательно-морфологических характеристик представлений об ИИ определяется многоуровневой иерархией общественных субъектов (международных организаций, транснациональных корпораций, наций-государств, общественных, религиозных организаций, экспертных групп, сетевых сообществ, индивидов).

В зарубежном контексте инициируются экспертные обсуждения, примером которых может быть проект Лондонского королевского общества и Центра изучения будущего интеллекта по исследованию нарративов, которые влияют на формирование образа ИИ в научном, политическом, культурном, общественном дискурсах. В 2018 г. по итогам четырех семинаров в рамках проекта был опубликован доклад под названием «Portrayals and perceptions of AI and why they matter» [6]. В докладе рассмотрены историческое развитие наиболее распространенных нарративов, касающихся интеллектуальных машин, влияние этих нарративов на развитие искусственного интеллекта и роль культуры, искусства и медиа в данных процессах, а также современный характер описания технологий, связанных с искусственным разумом, и его значение для исследователей.

Ретроспектива представлений об интеллектуальных технологиях позволяет воссоздать ролевую структуру искусственного интеллекта, и обнаруживается, что с древнейших времен эта структура не претерпела существенных смысловых изменений. Так, в докладе Королевского общества говорится, что первые свидетельства об искусственных созданиях, обладающих разумом, встречаются около VIII в. до н. э. в «Илиаде» Гомера, где упоминаются созданные себе в помощь богом кузнечного дела Гефестом прислужницы из золота. Другим мифологическим существом, рассматривающимся в качестве прообраза современной мыслящей машины, выступает созданный все тем же Гефестом бронзовый великан Талос,

данный Зевсом Европе для охраны острова Крит. А в трудах Герона Александрийского, жившего в I в. н. э., описываются автоматические театральные декорации или театр механических кукол. Эти изобретения задумывались для того, чтобы впечатлить публику и заставить ее поверить в то, что происходящее – дело рук не человека, а богов. Таким образом, была задана ролевая структура искусственного интеллекта, состоящая из трех ролей – помощника, воина и имитатора, – актуальная и по сей день.

После угасания античности в Средневековье машины, ассоциирующиеся с технологиями Востока и исламского мира, начинают казаться европейцам подозрительными и даже страшными. Ученым того времени, например, Роджеру Бэкону, легенды приписывают создание бронзовых говорящих голов, способных отвечать на вопросы, – своего рода аналог современных голосовых помощников. Однако встречи мирян с такими изобретениями часто заканчивались неудачно: обычно испуганный обыватель уничтожал оракула, что было логично в контексте христианской морали: использование смертным такой силы сродни божественной недопустимо.

Интерес к автоматизированным машинам возвращается в эпоху просвещения, когда механизмы часто создавались для имитации искусства, как, например, известный механический флейтист Жака де Вокансона. Однако до сих пор влиятельная тенденция восприятия отношений человека и восстающего против него собственного творения возникает уже в начале XIX в. в романе «Франкенштейн» Мэри Шелли. «Комплекс Франкенштейна», как называл его Айзек Азимов, становится основным продуктом художественной литературы XX и XXI веков, связанной с искусственным интеллектом. В произведении «R.U.R.» Карела Чапека 1920 г. («Универсальные роботы Россум») создания восстают против своих хозяев и уничтожают их. С тех пор эта история восстания пересказывается много раз, в том числе в знаковых нарративах о машинах, наделенных разумом, например, во франшизе «Терминатор» и совсем недавно в сериале «Мир Дикого Запада». Подобные смысловые рамки восприятия искусственного интеллекта тиражируются в культуре и массовом сознании. Интересно, что анализ корпуса текстов субтитров (на проекте «Open Subtitles Corpus»), включавшего около 100 000 вариантов субтитров к фильмам об искусственном интеллекте, выявил, что основным мотивом этих фильмов является контроль или потеря контроля.

Можно долго и подробно говорить о становлении нынешнего образа ИИ в культуре, но из сказанного выше очевидно, что в сложившейся ситуации для понимания характера представления технологий с использованием ИИ в общественно-политическом дискурсе представляются уместными междисциплинарный подход и обращение к научному потенциалу общественных и гуманитарных наук, в частности, социологии, политологии, политической лингвистики и семиотики. В нынешних политических и технологических реалиях актуальной научной и практической задачей становится изучение семиозиса ИИ.

Одна из ветвей определения семиозиса – т. е. процесса порождения и функционирования знаков – восходит к работам Чарльза Сандерса Пирса. Основатель семиотики рассматривал знак в трех измерениях: «Во-первых, как знак для некоторой мысли, которая интерпретирует его; во-вторых, как знак, стоящий вместо некоего объекта, эквивалентом которого он является в этой мысли; в-третьих, как знак в некотором отношении или качестве, которое приводит его в связь с его объектом» [7, с. 67].

Пирс описывал семиозис исходя из античной традиции, используя триадическую схему «объект – знак – интерпретанта». Последняя выполняет «функцию переводчика или, иначе говоря, определяет способ употребления знака человеком, или то действие, которое производит знак на человека» [7, с. 102]. При этом для уточнения описания процесса семиозиса нужно добавить четвертый компонент – интерпретатора, который будет производить и объяснять знаки, тем самым непрерывно осуществляя семиозис. Между интерпретаторами к тому же должна быть договоренность о правилах толкования.

Чарльз Уильям Моррис, развивая подход Пирса, выделил три измерения семиозиса, т. е. три аспекта деятельности, связанной с порождением и функционированием знаков. Моррис назвал эти компоненты соответственно знаковым средством (sign vehicle), десигнатом (designatum) и интерпретантой (interpretant), а в качестве четвертого фактора может быть введен интерпретатор. Три связанных с этими компонентами измерения Моррис, как известно, называл синтаксическим, семантическим и прагматическим, а изучающие их дисциплины – синтактикой, семантикой и прагматикой [8, с. 47–50].

Результаты и обсуждение. Обратившись к описанию компонентов семиозиса у Ч. Морриса («знаковое средство – десигнат – интерпретанта – интерпретатор»), в качестве последнего компонента можно выделить сообщества, вырабатывающие правила интерпретации ИИ. Это политические институты, экспертные группы, медиа и др. Собственно, дальнейшей задачей является постановка вопроса о возможностях изучения семиозиса технологии в семантическом, синтаксическом и прагматическом измерениях.

На синтаксическом уровне мы пока наблюдаем процессы упорядочивания дискурса, связанного с искусственным интеллектом в общественно-политическом пространстве. Речь, в частности, идет об атрибутировании искусственного интеллекта в дискурсе, формировании связей и корреляций (роботы, нейросети, алгоритмы, программное обеспечение и т. д.) с различными сферами человеческой деятельности.

В связи с этим примечательна динамика результатов опросов россиян об отношении к искусственному интеллекту. Все большее количество граждан начинает утверждать, что готово понимать смысл внедрения технологии ИИ, а также признает неминуемость прихода ИИ в различные сферы человеческой деятельности. Летом 2021 г. тематическое исследование было проведено ВЦИОМ и автономной некоммерческой организацией «Национальные приоритеты» в ходе осуществления федерального проекта «Искусственный интеллект» внутри национального проекта «Цифровая экономика» [9]. Согласно результатам данного опроса внушительная часть жителей России (81 %) знакома с понятием «искусственный интеллект». Также 32 % сообщили, что способны правильно истолковать его смысл. Участники опроса чаще всего определяли ИИ как технологию, имитирующую мыслительные функции человека (30 %), разумную машину или программу (27 %) или самообучающийся алгоритм (26 %). Примерно половина опрошенных (48 %) заявили о доверии технологиям ИИ, а с недоверием к ним относятся 42 %. Две трети респондентов (65 %) решили, что главной сферой использования ИИ является система видеонаблюдения, 57 % – робототехника, 49 % – вооружение и военная техника. Меньше половины опрошенных знали, что ИИ задействуется в работе такси, программ для обработки фотоизображений и сетевых магазинов. Только пятая часть россиян (21 %) не согласны с тем, что государство должно

содействовать развитию искусственного разума. Кроме того, 44 % россиян согласились с утверждением о том, что ИИ будет способствовать более справедливым решениям, если использовать его в государственном и городском управлении.

В начале 2022 г. в ходе опроса, проведенного компанией «Rambler & Co» среди двух миллионов респондентов, выяснилось, что отношение к ИИ напрямую зависит от возраста: чем старше человек, тем меньше он доверяет технологии. В большей степени ИИ доверяют в возрастной группе от 18 до 30 лет (58 % опрошенных), в группе 31–45 лет доверяют ИИ 31 % и в группе старше 45 лет таких набралась только четверть (25 %). Примечательно, что сфера, в которой люди в большей степени готовы положиться на действия ИИ, это медицина и здравоохранение. С одной стороны, эти результаты внушают оптимизм относительно будущего ИИ, поскольку при высоком уровне доверия общества технологии проще будет получить широкое распространение, однако с позиций качества социального контроля такие результаты должны заставить задуматься о необходимости соблюдения этических рамок использования ИИ. Опрошенные воспринимают ИИ как помощника в выполнении рутинных задач. Без малого треть респондентов, опрошенных компанией «Rambler», согласились с тем, что технологии ИИ заменят человека в некоторых профессиях, однако респонденты надеются, что такая ситуация приведет к возникновению новых направлений деятельности, в которых будет требоваться участие человека. Но все же доля тех, кто считает, что ИИ никогда не выйдет из-под контроля людей, невелика – 23 % [10].

Относительно изучения семантического измерения семиозиса искусственного интеллекта И. В. Фомин и М. В. Ильин указывают на то, что «лишь на уровне семантики» может быть эффективен метод контент-анализа [11, с. 25]. Динамика на уровне семантики исследовалась нами методом контент-анализа, эмпирическую базу которого составили материалы общественно-политических медиа за период 2010–2021 гг. При неуклонном росте числа упоминаний искусственного интеллекта изменилось соотношение положительного и отрицательного контекстов в пользу последнего, и они почти сравнялись.

На уровне прагматики (правила и образцы интерпретации) мы обратились к анализу инициированных в Российской Федерации на общегосударственном уровне информационных кампаний по продвижению образа дружественного искусственного интеллекта и повышению общественного доверия к нему. Превращение искусственного интеллекта в пространстве глобальной коммуникации в долгосрочную стратегию делает критически значимым для Российской Федерации системное формирование и публичное обсуждение национально-государственной идеологии развития.

Основное противоречие в многозначных оценках искусственного интеллекта, его сущности и предназначения, которое мы обнаружили на всех уровнях социально-политического дискурса, состоит в следующем: искусственный интеллект – это инструмент контроля и (или) инструмент развития. Эти представления поляризуются в российском обществе. Перспективным представляется также обращение к сравнительному анализу культурно-исторических традиций и национально-государственных моделей социального управления, специфически интегрирующих ИИ в социальные процессы.

Необходимо отметить, что в октябре 2021 г. распространилось сообщение о том, что АНО «Национальные приоритеты» разработала информационную кампанию по повышению доверия общества к искусственному интеллекту [12]. Медиаплан кампании предполагает пуб-

ликации в прессе, а также выпуск телевизионных научно-популярных программ на государственных каналах. На эти цели пойдут средства из бюджета федерального проекта «Искусственный интеллект» в размере 46,9 млн руб. Помимо этого, в рамках кампании предполагается выделить средства из национальной программы «Цифровая экономика» на съемку специальных выпусков таких телепрограмм, как «Чудо техники», «Умный дом» и «Про здоровье», посвященных искусственному интеллекту. Проектные показатели бюджета на 2022–2024 гг. включали общую стоимость кампании по популяризации технологии и повышению доверия к искусственному интеллекту. В 2022 г. это 106,3 млн руб., а в 2023 г. – 74 млн руб.

Главная задача популяризаторов – «сформировать в обществе позитивный образ искусственного интеллекта». Технология должна обрести «эмоциональный характер проводника справедливости для человека». В перспективе граждане должны убедиться в том, что ИИ делает их жизнь справедливее, а также способствует установлению в обществе равенства в доступе к различным возможностям. Пока же население затрудняется сделать выводы о пользе технологии, которая чаще ассоциируется с разнообразными формами контроля и манипулирования и внушает опасения.

Медиакампания нацелена на то, чтобы бороться с отрицательными представлениями об ИИ, возникшими не только в абстрактной массовой культуре, но и в настоящей жизни, к примеру, в условиях пандемии, когда ИИ ассоциируется только с инструментом слежения. Косвенно можно винить в этом медиа. Один лишь простейший поверхностный семантический анализ сообщений телевизионных каналов «Russia Today» и «Euronews» по теме «искусственный интеллект» показывает частотность упоминаний слов, указывающих на технологии распознавания лиц или вооружения.

Заключение. Таким образом, подводя итоги, можно выделить контекстные поля, в настоящее время формирующие смысловые рамки интерпретации ИИ. Это:

– программные и стратегические документы в области развития ИИ крупнейшими международными организациями и правительствами национальных государств;

– экономическая и политическая активность, связанная с развитием и применением искусственного интеллекта. К концу 2010-х гг. искусственный интеллект рассматривается в числе важнейших стратегических инструментов для достижения мирового лидерства. В 2020 г. по данным отчета AI Index Report 2021, подготовленного исследователями Стэнфордского университета, объем мировых инвестиций в разработки на основе технологий искусственного интеллекта увеличился на 40 % и составил $67,9 млрд [13];

– медиакурс и артикуляция прагматических рамок, описывающих взаимодействие искусственного разума и человека.

Представляется, что дальнейшее изучение семиозиса ИИ возможно в рамках данных полей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государства-члены ЮНЕСКО принимают первое глобальное соглашение по этическим аспектам искусственного интеллекта // UNESCO. 25.11.2021. URL: https://ru.unesco.org/news/gosudarstva-chleny-yunesko-prinimayut-pervoe-globalnoe-soglashenie-po-eticheskim-aspektam (дата обращения: 21.01.2022).

2. Alonso A. S. Еврокомиссия определила степени опасности искусственного разума // Euronews. 21.04.2021. URL: https://ru.euronews.com/2021/04/21/eu-artificial-intelligence-vestager (дата обращения: 15.01.2022).

3. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (дата обращения: 21.01.2022).

4. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.» // Гарант. URL: https://base.garant.ru/74560628/ (дата обращения: 21.01.2022).

5. Кодекс этики в сфере ИИ. URL: https://a-ai.ru/code-of-ethics/ (дата обращения: 21.01.2022).

6. Portrayals and perceptions of AI and why they matter // The Royal Society. 2018. URL: https://royalsociety.org/-/media/policy/projects/ai-narratives/AI-narratives-workshop-findings.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

7. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000.

8. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.

9. Искусственный интеллект: благо или угроза? // ВЦИОМ. 07.07.2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza (дата обращения: 15.01.2022).

10. Исследование Rambler & CO: 41 % россиян считают, что искусственный интеллект станет неотъемлемой частью повседневной жизни // Рамблер. 10.11.2021. URL: https://news.rambler.ru/community/47547635/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 21.01.2022).

11. Фомин И. В., Ильин М. В. Зачем семиотика политологам? // Политическая наука. 2016. № 3. С. 12–29.

12. Власти проведут кампанию по улучшению репутации искусственного интеллекта // RBC. 26.10.2021. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/10/2021/6176bb949a7947bfaeb3db7d (дата обращения: 15.01.2022).

13. 2021 AI Index Report. Measuring trends in Artificial Intelligence. URL: https://aiindex.stanford.edu/report/ (дата обращения: 15.01.2022).

Информация об авторе.

Колянов Алексей Юрьевич – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 28 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, мировая политика, политическая лингвистика, медиаисследования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 23.01.2022; принята после рецензирования 21.02.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. "UNESCO Member States adopt first global agreement on ethical aspects of artificial intelligence", (2021), *UNESCO*, available at: https://ru.unesco.org/news/gosudarstva-chleny-yunesko-prinimayut-pervoe-globalnoe-soglashenie-po-eticheskim-aspektam (accessed 21.01.2022).

2. Alonso, A.S. (2021), *Evrokomissiya opredelila stepeni opasnosti iskusstvennogo razuma* [The European Commission has determined the degree of danger of artificial intelligence], *Euronews*, available at: https://ru.euronews.com/2021/04/21/eu-artificial-intelligence-vestager (accessed 15.01.2022).

3. "Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 № 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation"", *Garant*, available at: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000 (accessed 21.01.2022).

4. "Decree of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 № 2129-r "On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence technologies and robotics until 2024"", *Garant*, available at: https://base.garant.ru/74560628/ (accessed 21.01.2022).

5. *Kodeks etiki v sfere II* [AI Code of Ethics], available at: https://a-ai.ru/code-of-ethics/ (accessed 21.01.2022).

6. "Portrayals and perceptions of AI and why they matter" (2018), *The Royal Society*, available at: https://royalsociety.org/-/media/policy/projects/ai-narratives/AI-narratives-workshop-findings.pdf (accessed 21.01.2022).

7. Peirce, C.S. (2000), *Collected Papers*, Transl. by Golubovich, K., Chukhrukidze, K. and Dmitriev, T., Logos, Moscow, RUS.

8. Morris, Ch.W. (2001), "Foundations of the theory of signs", *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: An Anthology], in Stepanov, Yu.S. (ed.), Akademicheskii Proekt, Delovaya kniga, Moscow, Ekaterinburg, RUS, pp. 45–97.

9. "Artificial intelligence: a boon or a threat?" (2021), *VTsIOM*, available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-blago-ili-ugroza (accessed 15.01.2022).

10. "Rambler&CO study: 41% of Russians believe that artificial intelligence will become an integral part of everyday life" (2021), *Rambler*, available at: https://news.rambler.ru/community/47547635/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 21.01.2022).

11. Fomin, I.V. and Ilyin, M.V. (2016), "What can semiotics contribute to political science?", *Political science (RU)*, no. 3, pp. 12–29.

12. "The authorities will conduct a campaign to improve the reputation of artificial intelligence" (2021), *RBC*, available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/26/10/2021/6176bb949a7947bfaeb3db7d (accessed 15.01.2022).

13. *2021 AI Index Report. Measuring trends in Artificial Intelligence*, available at: https://aiindex.stanford.edu/report/ (accessed 15.01.2022).

Information about the author.

Alexey Yu. Kolianov **–** Can. Sci. (Politics) (2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 28 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, world politics, political linguistics, media studies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 23.01.2022; adopted after review 21.02.2022; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

Языкознание
Linguistics

Original paper
УДК 81'37
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-98-112

Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal logic 2

Oleg M. Polyakov

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia, road.dust.spb@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8520-3936

Introduction. The article continues a series of publications on the linguistics of relations (hereinafter referred to as R-linguistics) and is devoted to the study of the functioning of logical connectives with nouns and adjectives. The article is the second part of the discussion of internal logic, which examines the use of logical connectives within sentences. This research involves the formation of semantic logic, that is, logic that takes into account the semantics of sentences.

Methodology and sources. The results obtained in the previous parts of the series are used as research tools. To develop the necessary mathematical representations in the field of internal logic, the previously formulated semantic concepts and operations are used.

Results and discussion. Two types of negation are introduced and their properties are defined. The properties of the linguistic model are formulated. The use of logical connectives with nouns and adjectives is analyzed. It is shown that the connective NOT can be attributed to both external and internal logic. The connectives AND and OR do not have a logical content, but serve to identify the state of a particular concept. Three semantic substitutions are defined. The reasons for the stability of semantic interpretation when changing the state of relations are substantiated.

Conclusion. Abandoning the traditional view of natural language logic means abandoning logical operations and inference. This forces us to consider logical operations that now take into account semantics, since they are related to the structure of the linguistic model. Analysis of the functioning of logical connectives with nouns and adjectives shows that they either provide identification of the state of concepts, or can be transferred to external logic, or can operate within the framework of a linguistic model. The formulated substitution rules provide semantically correct substitutions and justify the stability of semantic interpretation in the conditions of changing states of concepts.

Keywords: R-linguistics, ascription operation, interpretation operator, substitution rule, semantics

For citation: Polyakov, O.M. (2022), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 7. Internal logic 2", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 98–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-98-112.

© Polyakov O. M., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

Оригинальная статья

Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 7. Внутренняя логика 2

Олег Маратович Поляков

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия,
road.dust.spb@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8520-3936

Введение. Статья продолжает серию публикаций по лингвистике отношений (далее R-лингвистика) и посвящена изучению функционирования логических связок с существительными и прилагательными. Она является второй частью обсуждения внутренней логики, которая изучает использование логических связок внутри предложений. Это исследование предполагает формирование семантической логики, т. е. логики, учитывающей семантику предложений.

Методология и источники. В качестве инструментов исследования используются результаты, полученные в предыдущих частях серии. Для разработки необходимых математических представлений в области внутренней логики применяются сформулированные ранее семантические понятия и операции.

Результаты и обсуждение. Введены два вида отрицания и определены их свойства. Сформулированы свойства лингвистической модели. Проанализировано использование логических связок с существительными и прилагательными. Показано, что связка НЕ может быть отнесена как к внешней логике, так и к внутренней. Связки И и ИЛИ не имеют логического содержания, а служат для идентификации состояния того или иного понятия. Определены три семантические подстановки. Обоснованы причины устойчивости семантической интерпретации при изменении состояния отношений.

Заключение. Отказ от традиционного взгляда на логику естественного языка означает отказ от логических операций и логического вывода. Это принуждает к рассмотрению логических операций, которые теперь учитывают семантику, поскольку связаны со структурой лингвистической модели. Анализ функционирования логических связок с существительными и прилагательными показывает, что они либо обеспечивают идентификацию состояния понятий, либо могут быть перенесены во внешнюю логику, либо могут действовать в рамках лингвистической модели. Сформулированные правила подстановки обеспечивают семантически корректные замены и обосновывают стабильность семантической интерпретации в условиях изменяющихся состояний понятий.

Ключевые слова: R-лингвистика, операция приписывания, оператор интерпретации, правило подстановки, семантика

Для цитирования: Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 7. Внутренняя логика 2 // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-98-112.

Introduction. This article continues a series of publications devoted to the introduction to the linguistics of relations (R-linguistics) – a formal direction in linguistics. Here we will continue the conversation about logic within the framework of R-linguistics representations.

In the previous part [1], the use of logical connectives with verbs was discussed within the framework of internal logic. It was shown that sometimes when using such connectives, it is

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

necessary to correct other members of the sentence, although in general logical connectives with verbs refer to external logic, that is, to logic in which the operands are sentences. In this part, we will study the use of logical connectives with other members of the sentence.

Methodology and sources. The results obtained in the previous parts of the series are used as research tools. To develop the necessary mathematical representations in the field of internal logic, the previously formulated semantic concepts and operations of the linguistic model are used.

*Logical operations with nouns and adjectives***.** In [2], actions with categories and a dual isomorphism between spaces were defined. Let's add two more actions to the existing ones.

Let $\mathbb{P}$ be a space, X, Y ∈ $\mathbb{P}$, X ⊆ Y.

Definition 1. The category Z is called the intersection complement of Y for X (denoted by Z ∈ X\Y) if Y ⋂ Z = X. In general, the set X\Y consists of more than one element.

It is also obvious that if X is an ⋂-generator, then for any Y the only complement with respect to the intersection is X. Actually, this is the definition of an ⋂-generator. It follows immediately from Definition 1 that X ∈ X\Y, as well as the following

Proposition 1. Z ∈ X\Y if and only if Y ∈ X\Z.

Proposition 2. Let $Z_1,\ldots, Z_k$ be the complement by the intersection of Y for X, then Z = $\bigcap_{i=1,\ldots,k} Z_1$ is also the complement by about the intersection of Y for X.

Proof. By definition 1, we have X = (Y ⋂ Z_1) ⋂ … ⋂ (Y ⋂ Z_k) = Y ⋂ (Z_1 ⋂ … ⋂ Z_k) = Y ⋂ Z.

Consequence. According to Proposition 2, axiom B2 [2] holds in the set of categories X\Y. If we choose the sum of all elements X\Y as the universe, then we get the subspace of the original space, which consists of the complements by the intersection Y for X. Thus, the symbols X\Y denote the subspace of the original space.

If $\mathbb{P}'$ is a co-space for the space $\mathbb{P}$ by the mapping Δ, then by virtue of duality, the complement operation by addition X/Y, which is dual to the operation of complement by intersection, can be defined in the co-space.

Definition 2. Let X,Y ∈ $\mathbb{P}$, Y ⊆ X. The category Z is called the complement of addition Y for X (denoted by Z ∈ X/Y) if Y+Z = X. In general, the set X/Y consists of more than one element.

By virtue of the duality of space and co-space, for addition complements, the analogs of Propositions 1 and 2 are valid.

Example 1. Let's consider several examples of the introduced concepts, for which we use the relation shown in fig. 1a, and dual linguistic spaces constructed for it (fig. 1b), connected by a verb. In this fig., letters indicate the following objects and their properties: Э – equivalence, T – tolerance, П – order, Сп – strict order, K – quasi-order, P – reflexivity, Ap – antireflexivity, C – symmetry, Ан – antisymmetric, Ac – asymmetric, Tp – transitivity.

Let, for example, Y = {Ap, Ac, Tp}, X = {Tp} (fig. 1b on the right). Then X\Y = {{P,C,Tp}, {P,Ан,Tp}, {P,Tp}}, and {P,Tp} = {P,C,Tp} ⋂ {P,Ан,Tp}. In addition, for example, {P,C}\{P,C,Tp} = {P,C}, since {P, C} is ⋂-generator. Similarly in fig. 1b to the left let X = {Э,K,П, Сп} and Y = {Сп}, then X/Y = {{Э},{П},{Э,K,П}}, and all elements of the sets {{P,C,Tp}, {P,Ан,Tp}, {P, Tp}} and {{Э}, {П}, {Э,K,П}} are in one-to-one correspondence with respect to the mapping Δ. In addition, for example, {Э,T}/{Э} = {Э, T}, since {Э,T} is ∑-generator.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

Fig. 1. Relation and its linguistic space

Remark 1. 1. The two introduced operations are actually ternary relations on a set of categories. In meaning, they vaguely resemble the operation of negation. Indeed, the operand X for the complement operation by addition specifies some universe or the largest element within which negation is considered. It must be said that the changing universe is not in logic, but it is in language. Consider the following example: “This year I will plant not an apple tree”. The category “not an apple tree” depends on the universe. Ask someone what I'm going to plant? Most likely, they will answer you that I will probably plant a pear, cherry or plum. In other words, the set “not an apple tree” is considered by us primarily within the framework of the closest category “fruit trees”, which acts here as a local universe. It is a very narrow universe; it does not even include birch, and even more so does not include shrub plants. If I persist: “No, not this,”– you will gradually expand the universe, and reach the bushes, and then, possibly, to vegetables. So, for the formation of NOT we always try to choose the closest categories from the narrowest universe, where the action of the verb is maximally similar. Also, this NOT is easier to define. Semantic logic changes universes like gloves, so the unary negation operation turns into a binary correspondence, one of the operands of which becomes the maximum element by addition or the minimum element by intersection.

2. By virtue of the duality of linguistic constructions (spaces – co-spaces), any way defined negation receives a dual analogue. Therefore, here too we get two types of negation. One negation (complement of intersection) includes those categories that provide separation from the original category (Y). In this case, X acts as a “common place”. Category X is present in all categories of this scheme, and therefore it cannot be denied. This is “a yes and no” category. In this sense, this kind of negation is actually a negation of the Y-X elements within the allocated subspace. Moreover, already from Definition 1 it follows that always (Y-X) ⋂ (Z-X) = ⌀. This ensures the fulfillment of the similarity of the law of contradiction for this type of negation (A&□A = A). Similarly, for the complement of addition, X acts as a universe, and Y – as a negated category within the selected subspace. For this type of negation, due to duality, the law of exclusion of the third (A∨□A = И) should be fulfilled. Unfortunately, this is not entirely true. The problem is related to the mismatch of ∪ and ∑-generators. So, in fig. 1b on the left, the sum of two ∑-generators {Э} and {П} generates an element {ЭКП}, which has its own type {К}. For this reason, within the subspace {{ЭКП}, {Э}, {П}, ⌀} the analogue of the law of exclusion of the third does not work. Indeed, the negation of the category {Э} in this space is the category {П}. From the consideration of these two categories it does not at all follow that there are still some objects of the type {К}, which are not included in either {Э} or {П} (although {Э}+{П} = {ЭКП}). Theorem 5 [3] removes this problem for language spaces. Here again we are

faced with the fact when the language improves the logical properties of the noun-adjective part of semantic logic.

3. As noted, the negation of a category is a certain subspace of the original space. By virtue of Proposition 1 (and its dual sentence for another operation NOT), for any category Y for a given X, there is NOT(Y), the negation of which is Y. Thus, the equality □□A = A is fulfilled here as one of the possible. The existence of several negations, ordered by inclusion in the form of a complete sublattice, allows us to speak of stronger, weaker, and incomparable negations. For example, for fig. 1b on the left for {ЭКПСп}/{Сп} we obtain the following negation subspace: {{ЭКП}, {Э}, {П}, ∅}. Within this subspace, the negation {ЭКП} is more complete than the negation {Э} and {П}. In addition to the ranking of negatives, two more types of objects appear: "yes and no" (ID) and "neither yes nor no" (ND). For example, for {ЭТКП}/{ЭКП} there is only one negation – {ЭТ}. Here category {Э} is a category of type ID. Similarly, for the example {ЭКПСп}/{Сп} and negation {Э}, the category {П} is a category of the ND type.

It is easy to see that when passing to the Boolean as a space, when choosing U as the universe, and an empty set as the smallest element, both definitions of negation merge into one and turn into the classical negation we are used to.

4. Now let us formulate a set-theoretic model for noun-adjective logic within the framework of one (binary) relation.

On two sets U and V, called the universe and the co-universe, respectively, families of subsets **P** U and **P** V are given, called the linguistic space and the linguistic co-space, respectively. Moreover, U ∈ **P** U and V ∈ **P** V. Two bijections are defined on the families: Δ:**P** U→**P** V and ∇:**P** V→**P** U such that for any X ∈ **P** U and Y ∈ **P** V (XΔ)∇ = X, (Y∇)Δ = Y. For any X1, X2 from **P** U, Y1, Y2 from **P** V, the inclusion X1 ⊆ X2 is fulfilled if and only if X2Δ ⊆ X1Δ (similarly for the inclusions Y1 ⊆ Y2 and Y2∇ ⊆ Y1∇).

Four binary operations are defined on the families $\mathbf{P}_U$ and $\mathbf{P}_V$.

1. For any X_1, X_2 from $\mathbf{P}_U$, Y_1, Y_2 from $\mathbf{P}_V$, $X_1 \cap X_2 \in \mathbf{P}_U$ and $Y_1 \cap Y_2 \in \mathbf{P}_V$ hold.

2. For any X_1, X_2 from $\mathbf{P}_U$, Y_1, Y_2 from $\mathbf{P}_V$, $X_1+X_2 = (X_1^{\Delta} \cap X_2^{\Delta})^{\nabla}$ and $Y_1+Y_2 = (Y_1^{\nabla} \cap Y_2^{\nabla})^{\Delta}$.

The next two operations \ and / map two operands from $\mathbf{P}_U$ ($\mathbf{P}_V$) to the subspace $\mathbf{P}_U$ ($\mathbf{P}_V$).

3. For any X_1, X_2 from $\mathbf{P}_U$ such that $X_2 \subseteq X_1$, X_1/X_2 consists of all X from $\mathbf{P}_U$ for which $X_2 \cap X = X_1$. The definition for the space $\mathbf{P}_V$ is similar.

4. For any X_1, X_2 from $\mathbf{P}_U$ such that $X_2 \subseteq X_1$, X_1/X_2 consists of all X from $\mathbf{P}_U$ for which $X_2+X = X_1$. The definition for the space $\mathbf{P}_V$ is similar.

5. ∪ and ∑ generators coincide in $\mathbf{P}_U$ ($\mathbf{P}_V$).

We will not list the properties of the operations. They follow from their definitions.

The model described above also has its own **substitution rule 2**.

Let S be a verb, X, Y – categories and you can say the phrase XSY. If $X_1 \subseteq X$, then we can say X_1SY (similarly for Y).

Indeed, if X×Y ⊆ S and X_1 ⊆ X, then X_1×Y ⊆ S.

Translated into the terms of signs [4], this can be reformulated as follows: if one category is characterized by all the values of signs of another category (plus some other signs values), then the first category can be substituted into the sentence instead of the second category. In fact, when, in reducing spaces, we expand the scope of the verb to the newly formed categories, the second

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

substitution rule is used. The same happened when discussing the OR operation with verbs [1]: taking into account the second substitution rule, we did not care at all about the categories in the co-space, because the semantic OR (mixing of spaces), introducing intersections, can only reduce the categories.

The second substitution rule appears at first glance to be the opposite of the syllogism of classical logic. The syllogism of classical logic in the set-theoretic interpretation looks like this: if $A \subseteq B$ and $x \in A$, then $x \in B$. From the point of view of categories, the substitution rule 2 is the opposite: from the correctness of a phrase with a large category X, the correctness of a phrase with a smaller category X1 follows. This feature is a consequence of the duality of spaces: a decrease in a category in space causes an increase in the corresponding category in co-space.

Consider a well-known example from Aristotle's logic: “All people are mortal”. This means that the set of all people X has (the verb S) a non-zero meaning of the sign “mortal”. Socrates is a man. In other words, the set consisting of one element, Socrates, belongs to X. Following the second substitution rule, we obtain {Socrates} SY, that is, Socrates is also mortal.

The opposite situation (that is, replacing smaller categories in a sentence with large ones) takes place for sentences with fictitious indirect additions, which will be considered in a separate article, so for now the reader just needs to accept the validity of the following substitution rule on faith. Indirect additions correspond to multivalued dependencies, which allow decomposing relationships without loss of information. The property of a multivalued dependence to decompose a relation without losing information allows removing indirect additions associated with dependencies (fictitious indirect additions) without violating the correct expression. Consider the example of Bertrand Russell from the preface to [5] “Socrates was a wise Athenian”. In accordance with the above, one can also say: “Socrates was wise”, or “Socrates was an Athenian”. So, the following **substitution rule 3** is valid.

Finally, we present one more **substitution rule 4**, which links the internal and external semantics of sentences. We'll start with a simplified case.

If S is a verb and X, Y are categories, $Y \cap (notY) = \varnothing$ and you can say the phrase XS(notY), then you can say X(notS)Y (similarly for X).

Finally, we present one more substitution rule 4, which links the internal and external semantics of sentences. We'll start with a simplified case.

Если S- глагол и X, Y – категории, $Y \cap$ (неY) $= \varnothing$ и можно сказать фразу XS(неY), тогда можно сказать X(неS)Y (аналогично для X) .

In accordance with Definition 1, here the complement by the intersection for the empty set (in Definition 1 $X = \varnothing$) is used as “not”. Hence, it is clear that in relation to XS(notY) there will not be a single element from XSY, whence it follows that X(notS)Y is true, where “not” with a verb means “not” from external logic [6]. For the same reasons, the substitution is valid for X.

For example, from the correctness of the phrase: “Farmers do plant not apple trees,” the correctness of the phrase follows: “Farmers do not plant apple trees”. By virtue of the equivalence of the two categories of attitudes from the correctness of the phrase: “Not farmers plant apple trees” – the correctness of the phrase “Farmers do not plant apple trees” also follows.

As we can see from the rationale for this substitution rule, its semantics are, as it were, divided into two parts. One part states that pairs from XSY should not be included in the semantics of the

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

text, which means that, in fact, the text contains a sentence X(notS)Y. This fact just confirms the simplified substitution rule 4. On the other hand, the semantics of the text can include pairs from XSV, where V is a category for the verb S such that Y ⋂ V = ⌀. Let's consider this second part of semantics in more detail.

It follows from Proposition 2 that Axiom B2 holds for complements by intersection. To define a subspace, it is enough for us to "correctly" choose the universe in order to determine the B1 axiom. For example, in fig. 1b, when using the complement by intersection, the subspace consisting of the elements of ЭТКП, ЭКП, ЭТ, П, Э and ⌀ is used as "notСп". Any element of this subspace can act as a category V, if Y ⋂ V = ⌀. Thus, the category V is actually a variable whose domain of definition is the subspace of all intersection complements. This largest subspace can be very significant and immeasurable in the process of communication. Therefore, people narrow the scope of the variable V by choosing the closest category containing the denied category as the area where negation is considered. So, in fig. 1b, the nearest larger category for Сп is ЭПКСп. The choice of this category as the area within which the negation of "notСп" is considered, specifies the subspace of the complements by the intersection, consisting of the ЭКП, П, Э, and ⌀.

Let's go back to the farmer's example. In this example, we will first assume that the subspace with the fruit tree universe is chosen as the subspace where negation is considered. If I persistently deny your assumptions, then at some point you will have to expand the universe within which denial is considered. For example, for fig. 1b, it will be necessary to switch from the ЭКПСп universe to the ЭТКПСп universe, which will allow increasing the subspace of complements by intersection. In particular, now it will include the category ЭТ, which does not have any properties in common with the category Сп. Notice how the range of the variable "something" changes when you move from the sentence "farmers are planting something" to the sentence "Farmers are planting something, but not apple trees". So, the scope of definition of the variable V expands only in conditions of extreme necessity.

So, the phrase "Farmers do not plant apple trees" is equivalent to the semantics of two phrases: "Farmers do not plant apple trees" and "Farmers plant some other fruit trees". Here, the role of the variable is played by the phrase "some others", and the farmers in the two sentences are the same people. So, a sentence with a negation of a noun is semantically equivalent to two sentences: a negative sentence and a sentence with a variable.

A denied category can have more than one closest category. For example, the ЭКП category in fig. 1b has two closest inclusive categories: ЭКПСп and ЭТКП. This suggests that we can consider denial in terms of various types of similarities. The choice of ЭКПСп allows us to consider negation in the framework of transitive relations. In this case, the intersection complement subspace will contain the elements Сп and ⌀. The choice of ЭТКП allows us to consider denial in the framework of reflexive relations. In this case, the intersection complement subspace consists only of the empty set. Perhaps, when the denied category has more than one closest one, people choose the sum of these closest categories as the universe on which the intersection complement is considered.

In the linguistic space in which negation is considered, the smallest element can also be a non-empty set Z. In this case, a special reference is made to this set in the sentence, since it corresponds to the category of type ID ("both yes and no"), since Y ⋂ (notY) = Z. This indication usually has

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

the expression “except Z”, which is appended to the left and right side of the substitution rule. Finally, the category closest to the negated category can be a ∪-generator with its own type. For example, in fig. 1b (notП) has the negation of E and ∅ within the framework of the nearest category of ЭКП, which is an ∪-generator with its own type K. Element K in this construction is an element of the type ND (neither yes nor no), which leads to violation of the law of exclusion of the third for reasons other than Russell's famous example (“the current king of France is bald”).

So, the appearance in the text of a sentence with the negation of a category semantically means the appearance of a negative sentence, which prohibits the interaction of two categories (noun and object) and an affirmative sentence with a variable, the scope of which may change depending on the context.

Let's return to the previously described model of two interconnected spaces with the operations specified on them. It would seem that the above construction should cause some bewilderment. Indeed, in the language there are many verbs between different universes, and according to this the model should not be so simplified, containing only one verb and one relation. This is all true. But, as we saw in [1], problems of plurality of verbs are solved using logical connectives with verbs, which can influence the form of nouns. It would seem that we now need to consider other logical connectives with nouns, since they are widely used in the language. So far we have only considered the interaction of nouns with “NOT”. However, as will be shown later, logical connectives with nouns actually perform a different function, so there is no need for further consideration at this time.

After there has been a transition from the representation of categories as a set of objects, to categories, in the form of identification algorithms (conjunctions of signs values), actions in linguistic spaces are described in terms of adjectives, so that all logic in these spaces is determined by the systematization relationship between objects and their signs , and the model defined in this section is, in fact, a model for a systematization relation, that is, the relation between objects and signs values, for which all the substitution rules described above are valid.

Although the systematization relation is often an ordinary binary relation, there is a feature that allows you to identify it in the language. Consider the phrase: “Этот парень не орёл”. Applying the fourth substitution rule, we get: “Этот парень не есть орёл”. We can see that nothing has changed with the transfer of “NOT”. These phrases are identical even without an additional variable clause. What happened? We are not looking at the behavior of objects, but the relation of having the values of signs, because “being an eagle” is a sign of a male person, and not some action. In this sense, the verb “is” is not formally a verb. That is why in the initial version of the phrase we did not even mention it. The verb “is” is a technological technique that allows you to unify the grammar of a language by reducing this type of utterance to a typical binary version. Its existence is a technological invention of our ancestors and not only ours.

It follows from the definition of the sign that all objects of the universe have a zero value of the sign. This was due to the need to combine in one relation two relations: the relation of possession of a feature and the relationship of possession of the meaning of a feature. In reality, if we determine the value of a sign for some object, then if the object has a nonzero value of this sign, we will always determine only this value as a result. If the object does not have this sign, we will always get a zero value. Thus, for simple signs with one non-zero value, the negation of the

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

sign value means that objects with this sign value will no longer have other non-zero values and, therefore, will not have pairs with the verb “is” so the category will not have this sign.

As was shown in [4], multivalued signs are obtained from simple ones based on the “non-intersection” relation of the corresponding ∩-generators. In general, there may be several such variants of multi-valued features, and when considering logical operations, we do not know which option was chosen (which multi-valued features were formed). Therefore, semantically, when using the “NOT” operation, all signs are still assumed to be simple. Consider the sentence “the relation is not symmetric”. It means that the "relation" object does not have the sign of symmetric. Therefore, the transfer of negation to the verb is identical to the original sentence. At the same time, above we used a multi-valued scale of the SYMMETRY sign with non-zero values “symmetric”, “antisymmetric”, “asymmetric”, but with the operations “NOT” we automatically assume the SYMMETRY sign to be simple, just as we assume the signs ANTISYMMETRIC and ASYMMETRY to be simple.

So, for the systematization of object-sign relations, the substitution rule turns into an identity without an additional sentence with a variable, which is a litmus test for identifying the sign. Thus, for the systematization relation, the transfer of negation from a sign to a verb does not give anything, which means that the question of the negation of signs in the systematization relation must be resolved without taking into account verbs; only in the interaction of nouns and signs. This, of course, does not apply to “not” with nouns that do not play the role of signs. The phrase “not this guy is an eagle” to go to the identity requires an additional sentence with the variable: “This guy is not an eagle, but some guy is an eagle”. From all that has been said, it follows that the set-theoretic model formulated in this article does not concern behavioral verbs, but relations of concepts and signs.

As an example, we can cite the work [7], where in paragraph 2 of Chapter 6 the transformation of language judgments, called transformation, is considered. In particular, the authors write: “The transformation of judgments is a logical device by which an affirmative judgment is transformed into a negative one or a negative one into an affirmative one, but the meaning of the judgment does not change”. By this they mean that if the complement and the verb have negations, then this judgment is equivalent to the same judgment, but without negations. According to the fourth rule of substitution, it is really possible to transfer the negation from the object to the verb, but it should be remembered [6] that the rule for double negation of the verb in the general case is not fulfilled in the language, which the authors did not take into account. As we have seen, the reverse can be done only in the case when it comes to the relation “objects-signs”. Therefore, in general, in this work, this transformation is interpreted erroneously. However, apparently feeling this, the authors add at the end of the paragraph: “Wrong transformations (?) lead to uncertainty in judgments or to a direct distortion of their meaning”.

Finally, let's look at some examples of logical operations on the model defined above. To do this, we will use the linguistic relationship space (fig. 1b) as a space, and the recognition tree shown in fig. 2 as a co-space.

This tree is actually an inverted co-space. It easily turns into a co-space if we unite the vertices marked with the same relations symbols: Тр(К) with Р(К), С(Э) with Тр(Э), Ан(Р) with Ан(Р). For convenience, in this tree, object and feature designations are combined, namely, objects from their own types corresponding to these vertices are assigned to the values of signs in the vertices

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

in brackets. The arcs are marked with the analyzed signs, and the vertices are marked with their values. Consider, for example, complement by addition (ЭТКП)/(ЭТ).

Fig. 2. Co-space in the form of a tree of recognition

In the recognition tree, these operands correspond to vertex P (reflexive relations) and vertex C(T). To obtain additions for summation, it is necessary to consider a subtree with vertex P. One (left) branch leaving this vertex contains the denied category C (T), and the categories located on the right branch just give the vertex P. However, the category Э enters both the vertex C(Э) and the vertex Tp(Э), which is located below C(T) and therefore, when added to C(T), gives C(T). Thus, only two possible vertices remain: Tp(K) and Ан(P). So, for reflexive relations, the negation of symmetric relations is transitive relations and, in particular, transitive and antisymmetric relations. This can be written in the form (ЭТКП)/(ЭТ) ≅ (ЭКП) and (ЭТКП)/(ЭТ) ≅ (П) (≅ reads as "including equals"). In fact, we have used the duality of the two types of negation, since we have reduced the search for complements by addition to the search for complements by intersection in the co-space of features. So, if X = {P}, Y = {P,C}, then Z is equal to either {P,Tp} or {P,Tp,Ан}. Similarly (Э)\(ЭТ) ≅ (ЭКПСп) and (Э)\(ЭТ) ≅ (ЭКП).

Generally speaking, by virtue of duality, it does not matter whether we returned to the object space as a result of applying operations or remained in the signs co-space, since they are one and the same. That is why the model defined above determines the semantic logic of the interaction of nouns and adjectives, in contrast to the model of classical logic, where there is only one universe with operations of negation and intersection. In addition, the fact of the presence of a co-space of signs creates some additional possibilities. Let's say (ЭТ)/(Э) = (ЭТ). In this case (Э) is a category of the ID type, and in this sense, it has no negation. However, in the tree fig. 2 one branch goes from the vertex C(T) to the vertex Tp(Э) with a check of the sign Tp. Denying the meaning of this sign leaves us in the universe (ЭТ), but does not lead to the category (Э). In other words, to the question: "What is inequivalence within the framework of tolerances?", – one can answer: "Non-transitive tolerances are nonequivalence". This is a mathematically meaningful phrase. Such negation cannot arise in classical object space, because in this example "NOT" separates not categories, but species. This kind of negation can exist only when using adjectives (signs), when "NOT" is transferred from categories to signs or parameters and it is not necessary to return back to object space. In other words, internal logic operates on the joint field of nouns and adjectives or on the model of two dual spaces.

We have the same in understanding the plurality of negations. In the presence of adjectives (signs and parameters), the negation of the category leads to the question: "In what sense is this

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

negation considered?" Let's say for (ЭКПСп)/(Сп) we have three values: (ЭКП), (П) and (Э). We are looking for negation within a transitive relationship for a relationship with properties Ap and Ac. If we deny the antireflexivity of the category (Сп), then we get transitive and non-antireflexive relations. All reflexive relations are present in the universe as non-anti-reflective relations. Since we only consider transitive relationships, tolerance falls out of this list. Remains (ЭКП). You can also consider negation by the parameter of asymmetry. Asymmetry has two negative meanings: "symmetric" and "antisymmetric". Among transitive relations, they correspond to equivalence and order. So, the negation of a strict order has two meanings: its negation as an antireflexive relation and negation as an asymmetric relation, which exactly correspond to the categories (ЭКП), (Э) and (П). In language this is expressed by the transfer of "not" to this or that adjective. From this point of view, just a single negation for the language would seem very strange. Indeed, in the conjunction of signs that identify a category, negation according to de Morgan's rules means negation of the values of signs connected by the OR operation. Thus, in the general model of two spaces, various variants of category negation arise.

Results and discussion. So, we have considered various options for the functioning of logical connectives in the language. Even when these bundles relate to the interaction of sentences, as was the case with verbs, it is often necessary to adjust the categories. This becomes even more noticeable when nouns and adjectives interact. For this interaction, the transition to connections between sentences is no longer possible, so that they cannot be interpreted within the framework of external logic. For example, for categories, we considered two options for negating them. One option results in a negative sentence and an additional affirmative variable sentence. In fact, this variant of external logic (since negation carries over to the sentence predicate) that reformats the text somewhat. The second option is associated with the interaction of nouns and adjectives within the internal logic of sentences.

Condition problem. People in their activities come across only examples of categories, often very limited and different for different people. For this reason, it might seem that different people should have different category systems. Why are language categories so stable and recognized by all native speakers?

If you look at categories as a set of examples, then the current filling of categories with examples is different for different people. The phrase: "Farmers do plant not apple trees" – for representatives of different regions will have different content. Representatives of the northwest will think that farmers are probably planting pears, cherries or plums, while representatives of the south of Russia may well have a different assessment. We are talking not only about individual objects, but also about the current content of the categories. For example, the category "fruit trees" includes trees from which we eat and which we tend to plant on our plots. For the St. Petersburg region, this category includes apple, pear, plum and cherry trees. But for the Krasnodar region, it also includes other trees, for example, merry, apricots, etc.

So, the real set of examples of a category that is reported in a proposal may differ significantly from the set of examples that make up a category. This raises two problems. The first problem is to substantiate the effectiveness of logical-semantic conclusions in the case of changes in the observed states of the relationship. The second problem has to do with the need to somehow identify the state of the relationship when it matters. That is, it is necessary to indicate the state of

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

the relationship in question. Let us first discuss the first problem, when categories are considered as sets of examples.

Let S be a binary relation on U×V and A ⊆ U (B ⊆ V). The restriction of a binary relation S to A (B) is a binary relation S' such that (x,y) ∈ S' if and only if (x,y) ∈ S and x ∈ A (y ∈ B).

Proposition 3. If $U^{\Delta} \neq \varnothing$ ($V^{\nabla} \neq \varnothing$), then for any ∩-generator there is an element y (x) such that y^{∇} (x^{Δ}) coincides with this generator. If $U^{\Delta} = \varnothing$ ($V^{\nabla} = \varnothing$), then the proposition is valid for all ∩-generators, excluding U (V).

Proof. Let X be an ∩-generator for which $X^{\Delta} = Y \neq \varnothing$. Then $X = \bigcap_{y \in Y} y\nabla$. If all elements in Y are such that $X \subset y\nabla$ and their intersection is equal to X, then X is not a ∩-generator. Consequently, Y has no such elements and X coincides with some category y^{∇} (y ∈ Y).

The converse is, of course, not true. An arbitrary category y^{∇} is not necessarily a ∩-generator. For example, in fig. 1b K^{Δ} = {P,Tp}, but {P,Tp} is not ∩-generator in the right co-space.

Proposition 4. Let S be a binary relation and S' be its restriction to A. Then the co-space of the relation S' belongs to the co-space of the relation S, and the space of the relation S' consists of categories that are the result of the intersection of the set A with the categories of the relation space S.

Proof. In accordance with Proposition 3, any ∩-generator of a co-space with respect to S' is a set $x^{\Delta'}$ (x ∈ A). Therefore, the set ∩-generators of the co-space with respect to S' is a part of ∩-generators of the co-space with respect to S, and hence the co-space with respect to S' belongs to the co-space with respect to S. Similarly, any ∩-generator of the space by S' is a set of the form $y^{\nabla'} = y^{\nabla} \cap A$. Since all categories of the space with respect to S are the intersection of some ∩-generators, all categories of the space with respect to S' are obtained from the corresponding categories of the space with respect to S by their intersection with the set A.

From sentence 4 it follows that the relation S' forms a smaller verb on the co-space than the verb formed by S. In accordance with the verb substitution rule, the use of the “old” (larger) verb in the sentence is legitimate and even equivalent (since in the sentence for the larger verb uses the same categories as the smaller one). So, with a lack of information related to the narrowing of one universe, you can use the old verbs in sentences without collisions on another universe. If we now turn to the contracted universe, then since $X \cap A \subseteq X$, then in accordance with the second rule of substitution, the correctness of the application of the original verb is preserved even when it is transferred to the contracted category $X \cap A$. So, the reduction of categories as a result of narrowing the observed objects does not change the correctness of the application of the original sentences. Of course, when the narrowing occurs at two universes, the above reasoning will have to be done twice. However, it should be borne in mind that with the restrictions for the remaining elements of the universe, all existing connections must remain. For example, if we consider the READING relation for readers of a district, and then narrow it down to readers and books of one library, then all pairs (READER, BOOK) from the library cards should be retained.

Let us now turn to the case where we look at categories as identification algorithms. In accordance with the definition of mutual dependence [4], the narrowing of the universe of objects to the set A preserves dependence in a new relation. This follows directly from the definition of mutual dependence. It is also important here that the remaining objects retain their relationship links. Since multivalued and functional dependencies are a special case of mutual dependence, this property is also valid for them. For convenience, we will consider only simple signs (atomic elements of the

systematization lattice). Preservation of dependencies means that, for categories, the identification algorithm still looks like a conjunction of checks on the values of simple signs (Lemma 15 [4]).

In accordance with Proposition 4, the narrowing of the set of objects of the relation OBJECT-SIGNS may lead to the disappearance of some of the sign values. Since simple signs have only two values, and a zero value cannot disappear (by definition of a sign), only a single value can disappear, which indicates that the object has this sign. In other words, as a result of narrowing, objects with some sign may simply not get into it. A feature with one zero value, by definition, corresponds to a new universe (narrowing of objects) and in the conjunction of the analysis of feature values will always be true. Thus, the "zeroing" of some features will not change the result of conjunctive analysis in any way for all objects remaining upon narrowing. In other words, the "old" identification algorithm will still work flawlessly, and the reference to it, as an object representing a category, retains its validity. We can say that the stability of categories in a language with the widespread instability of their functioning has the same nature as the stability of dependencies in relational databases, which determines the invariability of the database schema when the state of relations changes (changing filling of relations with tuples).

Since the data dependencies are not affected by specific states of relations (observed data), the signs also do not depend on the states of the relationship, which means that they define a stable system of categories by their values. That is why, in the law of creative thinking [8], after the identification of signs, a change of causes and effects occurs: the reason for the entry of an object into a category is no longer its behavior, but the meaning of its signs.

After the recognition system has been created, the objects of the categories are characterized by signs and the volume of the category is determined by the set of all examples that have the necessary signs values. Some features that are not included in this analysis may differ, but this does not matter for the system of assigning objects to a category. From this point of view, all objects that have the necessary signs values are the same for the recognition system. As a result, the recognition system sets the maximum category size. Therefore, if we observe only some of the examples of a category, then all verbs and all substitution rules apply to it.

So, **changing the volume of a category while maintaining the values of signs for objects of this volume does not change the semantic reliability of the original phrases containing the name of the category.**

The second problem associated with the change in the volume of categories gives rise to the need to sometimes indicate what kind of content of the category is being discussed. "Schoolchildren have come to our excursion". Of course, these are not all schoolchildren in the world, but only some specific students. If in the future in our speech we again need to use the category "schoolchildren", then it will be necessary to somehow indicate that we are talking about the same composition of the category "schoolchildren". This problem is solved in the language by some logical actions, although, strictly speaking, they are not related to logic.

Consider as an example the phrase: "In this place I want to plant an apple or pear tree". We know that the categories "apple" and "pear" are combined into the category "fruit trees". But the speaker does not mean the phrase: "In this place I want to plant a fruit tree". If the speaker had meant this, he would have said so directly, or, for example, said: "In this place I want to plant something like an apple or pear tree", thereby creating some variable with the definition area "fruit

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

trees". Connecting a logical connective of categories from a more general category is an indication of a different origin of the logical connective. In fact, there are two sentences: "In this place I want to plant an apple tree" and "In this place I want to plant a pear". These two sentences are connected by a connective OR, and the example actually refers to external logic, although the connective OR is transferred inside the sentence. The pronoun "I" is a language variable that accepts values from people universe. In order to show that we are talking about the same meaning of "I", the connective OR is introduced inside the sentence, combining additions, but it is not an operation OR (summation operation) in the linguistic space.

Let's consider another example: "Teachers and students took part in the exhibition". What does the union AND mean in this sentence? Of course, we are not talking about the intersection of the categories STUDENTS and TEACHERS in the linguistic space. Nor is it a general category covering teachers and students. Here again we are faced with two sentences, which are combined into one because of the need to show the identity of exhibitions in these sentences. And again, this is achieved by transferring the operation of joining sentences from the external logic inside the sentence. And again, the connective does not mean action in the linguistic space on the PEOPLE universe.

Conclusion. Let's summarize the analysis of the use of logical connectives in the language. Logical connections with verbs are directly operations of external logic. Even when we are talking about the same universes of concepts participating in a sentence, even then these operations remain operations of external logic with the addition of some noun transformations. The use of logical connectives OR and AND with nouns is usually associated with the need to indicate the identity of the state of the concepts used in the sentence. These operations do not mean the formation of new concepts and (taking into account the identity) can also be brought into external logic. Even the operation NOT with nouns can be transferred into external logic by transferring NOT to a verb and with the possible addition of a sentence with a variable. On the other hand, the operation NOT with nouns can be implemented in the model of connected spaces of object-signs, which refers to the internal logic of the sentence. From a consideration of this model, it is easy to understand that logical operations with definitions are also implemented within a sentence on the specified model. So, outside of the external logic, with a few reservations, only the interaction of objects-signs appears.

REFERENCES

1. Polyakov, O.M. (2022), "Linguistic data model for natural languages and artificial intelligence. Part 7. Internal logic 1", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 133–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-133-141.

2. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 1. Categorization", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 4, pp. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114.

3. Polyakov, O.M. (2020), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 4. Language", *DISCOURSE*, vol. 6, no. 2, pp. 107–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-107-114.

4. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 2. Identification", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 5, pp. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113.

5. Wittgenstein, L. (2017), *Tractatus Logico-Philosophicus*, Kanon+, Moscow, RUS.

6. Polyakov, O.M. (2021), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 6. The External Logic", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 2, pp. 127–134. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-127-134.

7. Vinogradov, S.N. and Kuz'min, A.F. (1954), *Logika* [Logic], Uchpedgiz, Moscow, USSR.

8. Polyakov, O.M. (2019), "Linguistic Data Model for Natural Languages and Artificial Intelligence. Part 3. Recognition", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 6, pp. 132–143. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-132-143.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 98–112
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 98–112

Information about the author.

Oleg M. Polyakov – Can. Sci. (Engineering) (1982), Associate Professor at the Department of Information Technology of Entrepreneurship, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 Bol'shaya Morskaya str., St Petersburg 190000, Russia. The author of over 35 scientific publications. Areas of expertise: linguistics, artificial intelligence, mathematics, database design theory, philosophy.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.01.2021; adopted after review 24.02.2021; published online 22.04.2022.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 7. Внутренняя логика 1 // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 1. С. 133–141. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-133-141.

2. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 1. Категоризация // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 4. С. 102–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-4-102-114.

3. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 4. Язык // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 2. С. 107–114. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-107-114.

4. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 2. Идентификация // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 5. С. 99–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-99-113.

5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2017.

6. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 6. Внешняя логика // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 2. С. 127–134. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-2-127-134.

7. Виноградов С. Н., Кузьмин А. Ф. Логика. М.: Учпедгиз, 1954.

8. Поляков О. М. Лингвистическая модель данных для естественных языков и искусственного интеллекта. Часть 3. Распознавание // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 6. С. 132–143. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-132-143.

Информация об авторе.

Поляков Олег Маратович – кандидат технических наук (1982), доцент кафедры информационных технологий предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор более 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика, искусственных интеллект, математика, теория проектирования баз данных, философия.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.01.2021; принята после рецензирования 24.02.2021; опубликована онлайн 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

Оригинальная статья
УДК 81-139
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-113-123

Мотивация студентов при изучении иностранных языков в фармацевтическом вузе

Ирина Владимировна Архипова[1], Григорий Александрович Рожков[2]✉, Станислава Васильевна Приступа[3], Елена Олеговна Сергопольцева[4], Александра Павловна Туманова[5]

[1, 2, 3, 4, 5]*Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет, Санкт-Петербург, Россия*

[1]*irina.arkhipova@pharminnotech.com, https://orcid.org/0000-0002-1180-531X*
[2]✉*grigory.rozhkov@pharminnotech.com, https://orcid.org/0000-0002-4403-3993*
[3]*stanislava.pristupa@spcpu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1137-8044*
[4]*elena.sergopolceva@pharminnotech.com, https://orcid.org/0000-0001-5076-6408*
[5]*aleksandra.tumanova@spcpu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3222-3888*

Введение. Рассматриваются уровень интереса студентов к иностранным языкам, ведущие мотивы, а также наличие сложностей, возникающих при изучении иностранного языка. Подчеркивается важность мотивации в процессе изучения иностранных языков в неязыковом вузе.

Методология и источники. В работе описаны проведение анкетирования и анализ полученных в его ходе результатов. В данном исследовании принимали участие 267 студентов I-II курсов фармацевтического факультета Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета (СПХФУ).

Результаты и обсуждение. Современная фармацевтическая индустрия активно развивается, что подразумевает обмен технологиями и знаниями между представителями различных стран. Большинство фармацевтических компаний имеет филиалы по всему миру. Востребованному работнику необходимо иметь навык эффективного межкультурного диалога в данной профессиональной сфере. В последние десятилетия роль иностранных языков возросла во всем мире, и необходимость владения ими общепризнанна.

Заключение. Выявлен уровень развития мотивации к изучению иностранного языка студентами с целью дальнейшего повышения уровня развития их мотивации при изучении иностранных языков. Делается вывод о том, что мотивация студента выделяется как один из главных факторов достижения успеха как в учебной, так и в профессиональной деятельности и, следовательно, должна быть в приоритете у каждого преподавателя.

Ключевые слова: иноязычная подготовка, мотив, мотивация, мотивация к изучению иностранного языка, инструментальные мотивы, интегративные мотивы, диагностика

Для цитирования: Мотивация студентов при изучении иностранных языков в фармацевтическом вузе / И. В. Архипова, Г. А. Рожков, С. В. Приступа и др. // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-113-123.

© Архипова И. В., Рожков Г. А., Приступа С. В., Сергопольцева Е. О., Туманова А. П., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

Original paper

Students' Motivation under the Study of Foreign Languages in a Pharmaceutical University

Irina V. Arkhipova[1], Grigory A. Rozhkov[2]✉, Stanislava V. Pristupa[3], Elena O. Sergopoltseva[4], Alexandra P. Tumanova[5]

[1, 2, 3, 4, 5]*Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, St Petersburg, Russia*

[1]*irina.arkhipova@pharminnotech.com, https://orcid.org/0000-0002-1180-531X*
[2]✉*grigory.rozhkov@pharminnotech.com, https://orcid.org/0000-0002-4403-3993*
[3]*stanislava.pristupa@spcpu.ru, https://orcid.org/0000-0003-1137-8044*
[4]*elena.sergopolceva@pharminnotech.com, https://orcid.org/0000-0001-5076-6408*
[5]*aleksandra.tumanova@spcpu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3222-3888*

Introduction. The authors of the research aimed to determine the level of students' interest in foreign languages, leading motives, as well as the presence of difficulties arising under the study of a foreign language. The importance of motivation in the process of learning foreign languages in a non-linguistic university is emphasized.
Methodology and sources. The authors of the research describe the questionnaire survey and analysis of the results obtained in its course. This research involved 267 students of 1–2 courses of the Pharmaceutical Faculty of the Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University.
Results and discussion. The modern pharmaceutical industry is actively developing, which implies the exchange of technology and knowledge between representatives of different countries. Most pharmaceutical companies have subsidiaries all over the world. A demanded employee needs to have the skill of effective intercultural dialogue in this professional field. In recent decades, the role of foreign languages has increased all over the world, and the necessity to know them is generally recognized.
Conclusion. The paper has shown the level of the development of motivation for learning a foreign language by students in order to further increase the level of development of their motivation in the learning foreign languages. The conclusion was made that student motivation stands out as one of the main factors in achieving success in both educational and professional activities and, therefore, should be a priority for all teachers.

Keywords: foreign language training, motive, motivation, motivation for learning a foreign language, instrumental motives, integrative motives, diagnostics

For citation: Arkhipova I.V., Rozhkov G.A., Pristupa S.V., Sergopoltseva E.O. and Tumanova A. P. (2022), “Students' Motivation under the Study of Foreign Languages in a Pharmaceutical University”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 113–123. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-113-123 (Russia).

Введение. После обучения в высшем учебном заведении студент выходит на рынок труда, где перед ним встает задача стать частью компании, которая даст ему возможность развиваться в сфере своих интересов, и он будет являться частью единого целого и работать на качественный результат. Прежде всего студент оценивает требования, предъявляемые к кандидатам. По анализу вакансий ведущих российских фармацевтических компаний через сервисы по поиску работы в 8 предложениях из 10 ключевое требование – знание английского языка (либо указывается необходимый уровень, либо предоставляется преимущество англоговорящему кандидату).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

«За последние два-три десятка лет произошли глобализация, компьютеризация, цифровизация. Вследствие этого мы наблюдаем и повышенный интерес к иностранным языкам, и спрос на сотрудников, обладающих как минимум одним иностранным языком» [1, с. 39].

Превалирующая часть студентов является активными пользователями интернет-сети и прекрасно осознает важность этого навыка. Это замечают и преподаватели, сравнивая их с учащимися, например, прошлого десятилетия, когда компании имели более национализированный характер.

Одна из проблем, с которыми сталкиваются те, кто работает в сфере образования, – это мотивация студентов учиться. Сегодня мы с полной уверенностью можем сказать, что мотивация не потеряла своей актуальности до сих пор. «Та деятельность, которая выступала для человека сначала как средство достижения целей, начинает вызывать интерес сама по себе и обретает собственную мотивирующую силу. Таким образом, мотивы являются продуктом развития внутренней структуры деятельности» [2, с. 10].

В настоящее время мы наблюдаем повышенный интерес к изучению иностранных языков, для чего существует много причин. «Одни учат язык для своей будущей работы, другие – для того, чтобы путешествовать по миру, третьи хотят читать иностранную литературу в оригинале и расширять свой кругозор» [3, с. 8]. Что же в конце концов толкает человека на изучение иностранного языка? Общеизвестно, что существует два вида мотивации: внешняя и внутренняя. Что больше движет человеком, сказать очень сложно. Проблема определения уровня мотивации к изучению иностранного языка уже давно интересует многих зарубежных и отечественных исследователей.

Наиболее распространенным методом определения уровня мотивации к изучению иностранного языка является анкетирование. Обычно применяют несколько типов анкет, мы выбрали анкеты, составленные из прямых вопросов и направленные на выявление мотивировок и осознанных мотивов (мотивов-целей).

Актуальность темы на сегодняшний день определяется тем, что знание одного или нескольких иностранных языков – фактор, оказывающий большое влияние на достижение поставленных молодыми людьми целей, а значит, и стабильной успешности в конкретной сфере деятельности. «Мотивация достижения проявляется в стремлении прилагать усилия и добиваться возможно лучших результатов в области, которую субъект считает важной и значимой» [4, с. 9].

Цель статьи – описание уровня мотивации у студентов фармацевтического факультета при изучении иностранных языков, анализ специальностей, по которым работают наши выпускники, а также их потенциальных рабочих мест.

Анализ результатов нашего исследования показал высокий уровень мотивации у большинства студентов. Полученные результаты могут иметь значение для оптимизации учебного процесса и эффективного обучения студентов неязыковых специальностей иностранным языкам.

Методология и источники. Сегодня, как было сказано выше, мы наблюдаем глобальные изменения в нашем обществе. Это прежде всего отражается в расширении международных связей между странами и в возможности учиться и работать за рубежом. Возникает острая необходимость в изучении иностранного языка. И тут мы сталкиваемся с проблемой мотивации.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

Исследуя ее, мы опирались на работу профессора С. Ю. Трапицына «Мотивация и стимулирование трудовой деятельности», в которой он утверждает: «О мотивации говорят тогда, когда необходимо описать причины устойчивых изменений поведения, т. е. ответить на вопросы: “Почему?”, “Зачем?”, “Для какой цели?”, “Ради чего?”, “Какой смысл...?”. В широком смысле мотивацией является все, что вызывает активность человека: его потребности, инстинкты, влечения, эмоции, установки, идеалы. Каждая личность в разной степени испытывает потребность в удовлетворении не только внешних, но внутренних аспектов» [5, с. 16]. Здесь же он дает более точное определение: «Мотивация рассматривается в научной литературе как совокупность факторов, определяющих поведение человека; как совокупность мотивов (смыслов и целей деятельности); как побуждение, вызывающее активность индивида и определяющее направленность этой активности; как процесс регуляции конкретной деятельности; как система процессов, отвечающих за побуждение к деятельности» [Там же, с. 29].

Большое внимание профессор С. Ю. Трапицын уделяет двум мотивирующим факторам: внешним и внутренним. Он выделяет в качестве внутренних «самореализацию и самовыражение, самоутверждение, творчество, убежденность, познание», а внешние – это «получение диплома, финансовая стабильность и обеспеченность будущего, власть и право управления другими людьми для достижения своих целей» [Там же, с. 28].

Сегодня мы видим огромное количество молодых людей, которые в начале своего жизненного пути стремятся достичь большого успеха, ставят перед собой глобальные цели. В связи с этим огромный интерес для нас представляет концепция Брайана Трейси – одного из ведущих западных авторитетов в области достижения успеха в личной и профессиональной сферах. Он утверждает, что до сих пор все хотят быть успешными, счастливыми и влиятельными. Но мало кто сопровождает свои слова реальными действиями, нацеленными на результат. Пропасть между желаниями и делами зачастую бывает слишком глубока. Что же нужно, чтобы перекинуть через нее мост? Мотивация, ориентированная на цель [6, с. 8]! В своих книгах он утверждает, что «мотивации можно научиться, равно как и методам и стратегиям ее применения, что существует наука мотивации, подобно другим вещам, изученным и проверенным научными методами, она производит предсказуемый эффект, который поможет вам в продвижении к своей цели» [Там же, с. 13]. Рассуждая о проблеме возникновения мотивации, Трейси пишет: «Я всегда говорю, что для мотивации нужен прежде всего мотив. Одна из главных причин того, что люди плохо мотивированы, заключается в отсутствии у них мотива. Если у них появляется захватывающая цель, то сразу возникает и мотивация» [Там же, с. 6].

Взгляды этих двух авторов и их работы легли в основу нашего исследования. Они одинаково трактуют понятие мотивации и пути реализации той или иной потребности с одной стороны и в то же время позволяют глубже понять, что движет людьми в достижении той или иной цели.

Результаты и обсуждение. В настоящем исследовании была предпринята попытка выявить уровень внутренней и внешней мотивации студентов в изучении иностранного языка. Нами была разработана анкета, вопросы которой позволили определить этот уровень. В анонимном анкетировании приняли участие 267 студентов I и II курсов фармацевтического факультета Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

При проведении анкетирования респондентам были предложены вопросы, предполагающие либо утвердительный, либо отрицательный ответ (табл. 1 [7]).

Таблица 1. Вопросы, отражающие уровень мотивации студентов к обучению иностранным языкам
Table 1. Questions reflecting the level of students' motivation for learning foreign languages

Вопрос	**Ответ, %**	
	«Да»	**«Нет»**
Считаете ли Вы важным изучение иностранных языков в принципе?	100	0
Получаете ли Вы удовольствие от изучения иностранного языка?	82	18
Нравится ли Вам узнавать, как построен тот или иной иностранный язык?	79	21
Вы согласны с тем, что каждый образованный человек должен знать хотя бы один иностранный язык?	83	17
Можете ли Вы сказать, что важнее узнавать, понимать, разбираться в материале, чем получать оценки?	97	3
Для Вас важно мнение родителей и знакомых о необходимости изучения иностранного языка?	31	69
Считаете ли Вы оправданным включение в программу неязыковых вузов изучение иностранного языка?	91	9
Оцениваете ли Вы как достаточную продолжительность обучения иностранным языкам в вузе?	80	20
Является ли, по Вашему мнению, целесообразным продолжение изучения иностранных языков на старших курсах?	60	40
Вы бы хотели изучать второй иностранный язык факультативно?	50	50
Хотелось бы Вам общаться на иностранном языке со своими зарубежными сверстниками?	87	13
Вы бы хотели выступать с докладами, делать презентации на иностранном языке?	42	58
Хотелось бы Вам принимать участие в олимпиадах, конкурсах по иностранному языку?	20	80
Может ли знание иностранного языка отразиться на Ваших возможностях карьерного роста?	97	3
Считаете ли Вы участие в международных проектах престижным?	96	4

Как выяснилось, все студенты считают, что знание иностранного языка в наши дни «абсолютно необходимо» (99 %) или «желательно» (1 %). Отрицательных ответов получено не было.

На вопрос «Получаете ли Вы удовольствие от изучения иностранного языка?» были получены в основном положительные ответы, 79 % опрошенных студентов считают, что было бы интересно узнавать тонкости построения иностранных языков. 83 % опрошенных думают, что каждый образованный человек должен знать хотя бы один иностранный язык.

Студенты практически единогласно (97 %) считают, что намного важнее и эффективнее учиться качественно, чтобы разобраться в материале, понять тонкости предмета, нежели делать задания только ради оценки.

Большинство респондентов не считают, что мнение близких о необходимости изучения иностранного языка может повлиять на их желание обучаться. Для 31 % студентов данный пункт оказался важным, а возможно, и решающим в их жизни.

Большая часть опрошенных (91 %) считает необходимым изучение иностранного языка в неязыковых вузах, поскольку в нынешних реалиях это требуется для будущего трудоустройства и более комфортной коммуникации, например, для возможности перенимать опыт зарубежных коллег или изучения иностранной литературы.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

80 % студентов оценивают продолжительность обучения иностранным языкам в вузе как достаточную. 60 % опрошенных считают, что продолжение изучения иностранных языков на старших курсах целесообразно. Как известно, превалирующая часть студентов перестают практиковать язык после прохождения дисциплины в университете, вследствие чего происходит потеря навыка, и поднять уровень до прежнего удается уже немногим.

Изучать второй язык факультативно хотела бы лишь половина опрошенных. Возможно, это связано с неопределенностью относительно будущего места работы и перспектив изучения языка.

На вопрос «Хотелось бы Вам общаться на иностранном языке со своими зарубежными сверстниками?» 87 % ответили положительно. Большинство понимает коммуникативную задачу языка и имеет желание развиваться с помощью культурного обмена.

42 % студентов хотели бы выступать с докладами, делать презентации на иностранном языке, но, возможно, в связи с загруженностью по учебе и малым количеством свободного времени ребята не представляют это возможным.

Небольшое количество студентов склонились в пользу проектной деятельности и конкурсов на иностранном языке (20 %). Возможно, не все студенты ознакомлены с важностью навыка самопрезентации на английском языке в будущем и в связи с обучением в техническом университете не испытывают повышенного интереса к олимпиадным заданиям.

Большинство (97 %) осознает важность английского языка в карьерном росте. Все больше компаний рассматривают кандидатов только с определенным уровнем языка. 96 % учащихся понимают, что международные проекты являются трамплином к карьере за рубежом.

Мы попытались поставить в зависимость вопросы анкеты (а также утвердительные ответы на них) и вид мотивации и систематизировать их следующим образом: перечень вопросов, отражающих, по нашему мнению, уровень внутренней мотивации студентов к обучению иностранным языкам, приведен в табл. 2, внешней мотивации – в табл. 3.

Таблица 2. Вопросы, отражающие уровень внутренней мотивации студентов к обучению иностранным языкам
Table 2. Questions reflecting the level of internal motivation of students to learn foreign languages

Вопрос	**Ответ «Да», %**
Считаете ли Вы важным изучение иностранных языков в принципе?	99
Получаете ли Вы удовольствие от изучения иностранного языка?	82
Нравится ли Вам узнавать, как построен тот или иной иностранный язык?	79
Вы согласны с тем, что каждый образованный человек должен знать хотя бы один иностранный язык?	83
Можете ли Вы сказать, что важнее узнавать, понимать, разбираться в материале, чем получать оценки?	97
Считаете ли Вы оправданным включение в программу неязыковых вузов изучение иностранного языка?	91
Оцениваете ли Вы как достаточную продолжительность обучения иностранным языкам в вузе?	80
Является ли, по Вашему мнению, целесообразным продолжение изучения иностранных языков на старших курсах?	60
Вы бы хотели изучать второй иностранный язык факультативно?	50
Хотелось бы Вам общаться на иностранном языке со своими зарубежными сверстниками?	87

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

Таблица 3. Вопросы, отражающие уровень внешней мотивации студентов к обучению иностранным языкам
Table 3. Questions reflecting the level of external motivation of students to learn foreign languages

Вопрос	**Ответ «Да», %**
Для Вас важно мнение родителей и знакомых о необходимости изучения иностранного языка?	31
Вы бы хотели выступать с докладами, делать презентации на иностранном языке?	42
Хотелось бы Вам принимать участие в олимпиадах, конкурсах по иностранному языку?	20
Может ли знание иностранного языка отразиться на Ваших возможностях карьерного роста?	97
Считаете ли Вы участие в международных проектах престижным?	96

Поставив в зависимость уровень развития учебной мотивации анкетируемых и выраженные в процентах утвердительные ответы (от общего числа ответов), мы выделили следующие уровни развития мотивации студентов:

- высокий уровень учебной мотивации (68–100 % утвердительных ответов);
- средний уровень учебной мотивации (35–67 % утвердительных ответов);
- низкий уровень учебной мотивации (0–34 % утвердительных ответов).

Проведенная математическая обработка результатов опроса показала, что уровень развития внутренней и внешней мотивации студентов к обучению иностранным языкам составляет 80,8 и 57,2 % соответственно.

На основе проведенного анализа данных было установлено, что значительное число участников считает себя внутренне мотивированными для участия в процессе обучения, при этом уровень внутренней мотивации у студентов превышает уровень их внешней мотивации. Отметим, что это связано с деятельностью этих студентов в будущем. Было установлено, что в настоящее время студенты осознают важность и необходимость изучения иностранного языка, у них уже есть свои конкретные планы, например, иметь хорошую работу, и поэтому мы видим высокий уровень мотивации. И этот факт также бесспорно доказывает утверждение, что внутренние мотивы всегда превалируют над внешними в достижении успеха.

Принимая во внимание определение Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273, в котором профессиональное обучение трактуется как вид образования, направленный на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков, а также на формирование компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых и служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности и профессий), для интерпретации полученного результата относительно мотивации студентов фармацевтического факультета при изучении иностранных языков мы проанализировали специальности, по которым работают наши выпускники, а также их потенциальные рабочие места.

Согласно нашим сведениям, основные должности, которые занимают наши выпускники, – это руководители фармацевтической отрасли на различных уровнях, руководители аптечных сетей, аптечных организаций, аптечных складов, персонал по продвижению лекарственных препаратов на фармацевтическом рынке, провизоры-технологи, провизоры-аналитики, сотрудники контрольно-аналитических, судебно-химических, фитохимических лабораторий, специалисты по контролю качества на фармацевтических предприятиях, медицинские представители фармацевтических компаний.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

Рабочие места выпускников фармацевтического факультета СПХФУ – это аптеки, филиалы аптек и аптечных пунктов, аптеки воинских частей и медицинских учреждений, силовых министерств и ведомств Российской Федерации, фармацевтические предприятия и фирмы, оптовые аптечные склады и базы, контрольно-аналитические лаборатории, учреждения по реализации медицинской техники, комитеты по наркоконтролю, а также таможенные службы контроля.

При этом к основным общекультурным компетенциям, универсальным компетенциям и индикаторам достижения компетенций, содержащимся в Федеральном государственном образовательном стандарте по специальности «Фармация» (направление подготовки 33.05.01), относятся способность применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном языке, для академического и профессионального взаимодействия, устанавливать и развивать профессиональные контакты, составлять и переводить на иностранный язык и с иностранного языка на родной язык академические тесты, обзоры и статьи, выступать на иностранном языке на различных международных мероприятиях.

Выявленный в результате анкетирования относительно низкий уровень учебной мотивации студентов к участию в олимпиадах и конкурсах по иностранному языку, к выступлениям с докладами и презентациями на иностранном языке может, по нашему мнению, свидетельствовать о необходимости уделять большее внимание работе по повышению заинтересованности обучаемых в этих видах деятельности, а также по формированию соответствующих знаний, умений и навыков при обучении студентов этим видам речевой деятельности.

Заключение. Анализ полученных данных направлен на решение основной задачи исследования, а именно на выявление уровня развития мотивации к изучению иностранного языка студентами I–II курсов фармацевтического факультета СПХФУ с целью дальнейшего повышения мотивации, что является эффективным средством активизации образовательной деятельности учащихся, способности студентов контролировать свое внимание, ставить цели и достигать их в процессе делового общения через продуктивные действия. При этом повышение уровня внутренней мотивации к изучению иностранного языка помогает не только создать на занятии благоприятную психологическую атмосферу, но также воспринимать иностранный язык как реальное средство коммуникации. Это может быть достигнуто в результате проведения методически правильных творческих занятий, нацеленных на накопление знаний в процессе обмена индивидуальными мнениями по различным проблемам через хорошо организованный процесс коллективной творческой работы преподавателей и студентов.

Таким образом, мотивацию следует рассматривать как так называемую внутреннюю конструкцию, которая позволяет сделать правильный выбор, определить направление или поддерживать цели, действия и предпочтения. Поэтому, на наш взгляд, мотивация студента выделяется как один из главных факторов достижения успеха как в учебной, так и в профессиональной деятельности и, следовательно, должна быть в приоритете у каждого преподавателя. Мы надеемся, что результаты нашего исследования внесут свой вклад в совершенствование работы молодых педагогов и психологов.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тузиков А. Ф. Основы мотивации. Как работает наше мировоззрение. М.: Флинта, 2015.

2. Бакшаева Н. А., Вербицкий А. А. Психология мотивации студентов. М.: Юрайт, 2020.

3. Никуличева Д. Б. Как найти свой путь к иностранным языкам. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов. М.: Флинта, Наука, 2014.

4. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл, 2015.

5. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности / под общ. ред. С. Ю. Трапицына. М.: Юрайт, 2020.

6. Трейси Б., Стратцел Д. Наука мотивации. Стратегии и приемы, благодаря которым мечты становятся судьбой / пер. с англ. С. Э. Борич. М.: Попурри, 2017.

7. Рожков Г. А., Приступа С. В., Туманова А. П. Языковые и коммуникативные компетенции специалиста фармацевтической отрасли: взгляд изнутри // International J. of Humanities and Natural Sciences. 2021. Vol. 1–4 (52). P. 65–71. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1014.

Информация об авторах.

Архипова Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук (2005), доцент НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 32 научных публикаций. Сфера научных интересов: технология мотивации учебной деятельности студентов неязыковых вузов при изучении иностранных языков.

Рожков Григорий Александрович – кандидат педагогических наук (1989), директор НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 23 научных публикаций и монографии по межкультурной коммуникации. Сфера научных интересов: теория и практика формирования у студентов межкультурных компетенций на иностранном языке в ходе внеаудиторной работы в неязыковом вузе.

Приступа Станислава Васильевна – студентка IV курса факультета промышленной технологии лекарств Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Соавтор 4 научных публикаций, член языкового клуба «Linguapharm». Сфера научных интересов: химическая технология, иностранные языки, мотивация студентов, межкультурная коммуникация.

Сергопольцева Елена Олеговна – старший преподаватель НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 7 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, методика преподавания иностранных языков.

Туманова Александра Павловна – студентка IV курса факультета промышленной технологии лекарств, лаборант НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Соавтор 5 научных публикаций, член языкового клуба «Linguapharm». Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, иностранные языки, мотивация студентов, химическая технология.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

Вклад авторов.

Архипова И. В. **–** методология и источники, анализ и интерпретация данных.

Рожков Г. А. **–** разработка концепции и структуры исследования, заключение.

Приступа С. В. **–** проведение эмпирической части исследования.

Сергопольцева Е. О. **–** введение, анализ и интерпретация данных.

Туманова А. П. – проведение эмпирической части исследования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2021; принята после рецензирования 22.11.2021; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Tuzikov, A.F. (2015), *Osnovy motivatsii. Kak rabotaet nashe mirovozzrenie* [Fundamentals of motivation. How does our worldview work?], Flinta, Moscow, RUS.

2. Bakshaeva, N.A. and Verbitskii, A.A. (2020), *Psikhologiya motivatsii studentov* [Psychology of student motivation], Yurait, Moscow, RUS.

3. Nikulicheva, D.B. (2014), *Kak naiti svoi put' k inostrannym yazykam. Lingvisticheskie i psikhologicheskie strategii poliglotov* [How to find your way to foreign languages. Linguistic and psychological strategies of polyglots], Flinta, Nauka, Moscow, RUS.

4. Gordeeva, T.O. (2015), *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation], Smysl, Moscow, RUS.

5. Trapitsyn, S.Yu. (ed.) (2020), *Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti* [Motivation and stimulation of labor activity], Yurait, Moscow, RUS.

6. Tracy, B. and Strutzel, D. (2017), *The Science of Motivation: Strategies & Techniques for Turning Dreams into Destiny*, Transl. by Borich, S.E., Popurri, Moscow, RUS.

7. Rozhkov, G.A., Pristupa, S.V. and Tumanova, A.P. (2021), “Language and communication skills for specialists in the pharmaceutical industry: a view from the inside”, *International J. of Humanities and Natural Sciences*, vol. 1–4 (52), pp. 65–71. DOI: 10.24411/2500-1000-2021-1014.

Information about the authors.

Irina V. Arkhipova – Can. Sci. (Pedagogy) (2005), Associate Professor at Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 32 scientific publications. Area of expertise: technology of motivation of educational activity of students of non-linguistic universities in the study foreign languages.

Grigory A. Rozhkov – Can. Sci. (Pedagogy) (1989), Director of Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 23 scientific publications. Area of expertise: theory and practice of forming students' intercultural competencies in a foreign language in the course of extracurricular work in a non-linguistic university.

Stanislava V. Pristupa – Student (4th year) of the Faculty of Industrial Technology of Drugs, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Co-author of 4 scientific publications; member of the Linguapharm language club. Area of expertise: chemical technology, foreign languages, student motivation, intercultural communication.

Elena O. Sergopoltseva – Senior Lecturer at Linguistic and Cross-Cultural Communication Center Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str.,

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 113–123
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 113–123

St Petersburg 197022, Russia. The author of 7 scientific publications. Area of expertise: intercultural (cross-cultural) communication, foreign language teaching methodologies.

Alexandra P. Tumanova – Student (4th year) of the Faculty of Industrial Technology of Drugs, Laboratory Assistant of Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, 14 Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. Co-author of 5 scientific publications; member of the Linguapharm language club. Area of expertise: intercultural communication, foreign languages, student motivation, chemical technology.

Author's contribution.

Irina V. Arkhipova – research methods, data analysis.

Grigory A. Rozhkov – development of the research concept and structure, conclusion.

Stanislava V. Pristupa – conducting of research.

Elena O. Sergopoltseva – introduction and analysis of research results.

Alexandra P. Tumanova – conducting of research.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 25.10.2021; adopted after review 22.11.2021; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Языкознание
Linguistics

Original paper
УДК 811.1; 83'374.4
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-124-157

Research on the Structure of Indo-European Dialect Continuum by Comparing Swadesh Lists of the Closest Descendant Languages

Georgiy M. Telezhko

Independent researcher, yurate@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5910-3758

Introduction. This article is an attempt to extract information about the interactions of dialects of the Indo-European dialect continuum with each other using a comparative analysis of the basic vocabularies of some Indo-European (IE) descendant languages.
The search for external borrowings and influence of a common substrate would help to clarify the ethno-linguistic surrounding of the area where the IE proto-dialects developed.
In turn, these data are actual being pro and contra arguments of the well-known hypotheses about the IE ancestral home.
Methodology and sources. The number of mutually understandable basic lexemes taken in relation to the number of lexemes in the compared lists was chosen as a measure of the interaction of IE dialects, indicators of their commonality.
207-word Swadesh lists of 12 languages in their possibly more ancient states were analysed. For geographical binding of the IE language areal we have selected cross-borrowings from/to neighboring / substrate non-IE languages, the ancient settlement areas of native speakers of which are considered well-known.
Results and discussion. The results of the comparison of the basic vocabularies of 12 IE languages have been interpreted in the form of a graph demonstrating the relative location of areas of the corresponding IE dialects. Lexemes meaning 'predator (bear, lion, etc.)', 'cattle (bull, ox)' determined the ethno-linguistic surrounding of the IE areal.
Conclusion. The relevant linguistic data permitted to identify in the IE dialect continuum the core of proto-dialects: Baltic, Slavic, Aryan and Italic – and partially superimposed dialect subcontinua:

– Balto-Greco-Aryo-Tocharo-Anatolian subcontinuum in the northern part of the IE areal;
– Tocharo-Celto-Germanic subcontinuum in the eastern part;
– Germano-Celto-Italo-Greco-Armeno-Baltic subcontinuum in the southern part;
– Balto-Slavo-Italo-Aryan subcontinuum in the western part.

The representation of the Proto-IE areal as a dialect continuum solves a number of difficulties inherent in the most common model of a single IE proto-language.

Keywords: Indo-European, Uralic, Altaic, Semitic, adstrate, substrate, languages, dialects, Anatolians, Illyrians, Thracians, Armenians, Celts, Germans, Balts, Slavs, Italic people

For citation: Telezhko, G.M. (2022), “Research on the Structure of Indo-European Dialect Continuum by Comparing Swadesh Lists of the Closest Descendant Languages”, *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 124–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-124-157.

© Telezhko G. M., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Оригинальная статья

Исследование структуры индоевропейского диалектного континуума с помощью сравнения списков Сводеша ближайших языков-потомков

Георгий Михайлович Тележко

Независимый исследователь, yurate@bk.ru, https://orcid.org/0000-0001-5910-3758

Введение. Статья является попыткой извлечения информации о взаимодействиях диалектов индоевропейского диалектного континуума друг с другом с помощью сравнительного анализа базовых лексиконов ряда индоевропейских (ИЕ) языков-потомков. Поиск внешних заимствований и влияний общего субстрата помог бы уточнить этноязыковое окружение области развития ИЕ протодиалектов. В свою очередь, эти данные актуальны как аргументы pro и contra известных гипотез об ИЕ прародине.

Методология и источники. В качестве меры взаимодействия ИЕ диалектов, показателей их общности выбраны количества взаимно понятных базовых лексем, взятые в отношении к количествам лексем в сравниваемых списках. Анализу подверглись 207-словные списки Сводеша двенадцати ИЕ языков в их возможно более древних состояниях. Для географической привязки ареала носителей ИЕ праязыка исследовались перекрестные заимствования из/в соседние и/или субстратные не-ИЕ языки, древние ареалы носителей которых считаются достаточно хорошо известными.

Результаты и обсуждение. Результаты сравнения базовых лексиконов двенадцати ИЕ языков интерпретированы в виде графа, отображающего относительное расположение ареалов соответствующих ИЕ диалектов. Лексемы со значениями 'хищник (медведь, лев и т. п.)', 'скот (бык, вол)' определили этноязыковое окружение ИЕ ареала.

Заключение. Выбранные лингвистические данные позволили выделить из ИЕ диалектного континуума ядро из четырех протодиалектов: балтский, славянский, арийский и италийский – и четыре переходящих друг в друга субконтинуума:

– балто-греко-арийско-анатолийско-тохарский – в северной части ИЕ ареала;
– тохарско-кельтско-германский – в восточной части;
– германо-кельтско-армянско-италийско-балтский – в южной части;
– балто-славяно-италийско-арийский – в западной части.

Представление праиндоевропейского ареала в виде диалектного континуума разрешает ряд трудностей, присущих модели изначально единого праязыка.

Ключевые слова: индоевропейские, уральские, алтайские, семитские, адстратный, субстратный, языки, диалекты, анатолийцы, иллирийцы, фракийцы, армяне, кельты, германцы, балты, славяне, италийцы

Для цитирования: Тележко Г. М. Исследование структуры индоевропейского диалектного континуума с помощью сравнения списков Сводеша ближайших языков-потомков // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-124-157.

Introduction. Accepting the a priori existence of a certain area in some past, whose population spoke related IE dialects, continuously passing from one to another (the area of the IE continuum), we are faced with the problem of determining the boundaries (albeit conditional) of settlement areas of native speakers of separate IE dialects. As for the IE dialects themselves, there is some consensus among linguists. We can consider that on a certain stage of language evolution the Proto-Anatolian, Proto-Aryan, Proto-Tocharian, Proto-Greek, Proto-Armenian, Proto-Italic,

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Proto-Celtic, Proto-Germanic, Proto-Slavic and Proto-Baltic dialects, which are linguistically closer to each other rather than to languages from other language families, were distinguished, what is well-demonstrated in the graphical materials, for example, in [1]. But what data could let us define where Proto-Celtic dialect native speakers were settled with respect to Proto-Greek dialect native speakers? Or what non-IE surroundings the peripheral dialects of the IE continuum area were in contact with?

Features of archeological cultures are not determined by the native speakers of these cultures, and the correlation "culture-language" is far from always being reliable [2]. For this reason, despite there are a lot of archeological data at the territories which can be considered as the IE ancestral home (steppes of the Black Sea region, Balkans, Transcaucasia), the question of the linguistic affiliation of the tribes inhabiting these territories remains [3; 4].

Search for a common ancestral home of the IE language seems to be a dead end due to the mobility of its early native speakers and the complexity of the path passed by them before the split of the IE family [1]. We believe that the following words of O.N. Trubachev about the ancestral home of the Slavs are applicable to the IE ancestral home as well: "... it is appropriate to talk about the multicomponent nature of each language, finally, available written evidences of ancient eras directly show that the further back into the centuries, the more languages there were, but not the less... [5, p. 16]... "the entire Proto-Indo-European lexical fund could not have arisen in the same place at the same time"... We must base on the collective nature of a native speaker of the Proto-Indo-European, Proto-Slavic and any other lexical fund" [5, p. 94].

The dialect consolidation was happening in the process of involving of the native speakers of neighboring dialects into large-scale economical processes, including trade, mining and metallurgy. For example, metallurgy of copper, silver and lead in the Balkan-Carpathian Metallurgical Province (BCMP) contributed to the consolidation of dialects with the formation of the ancestors of the Baltic and Slavic languages [6]. At the end of the 4th and early 3rd millennium BC, public administration was added to such processes in many territories.

The reason for the subsequent divergence of dialects of the IE continuum into a large number of IE linguistic groups was local interactions of groups of IE dialects native speakers with various substrates of more ancient languages [7, p. 129] and adstrate interactions with the heterogeneous environment of the IE continuum, for example, the contacts between speakers of the Aryan branch languages of the IE family with the speakers of the Uralic languages, which were considered in [8].

The idea of search for traces of adstrate interactions between languages – ancestors of the present IE languages – with the aim of revealing ancient contacts between the native speakers of the ancient languages is not new, an essential number of works are dedicated to it. A work of Yu.K. Kuzmenko [9] is dedicated to linguistic traces of contacts between ancient Germans with possible neighbors. Several works of V.V. Napolskikh are dedicated to traces of adstrate interactions of the Finno-Ugric languages with the Baltic and Aryan languages [8; 10; 11]. The impact of adstrate interactions of the IE family with the Ural, Semitic and several others families has been estimated in [1].

The graphic materials [1, p. 149] clearly demonstrate the intermediate nature of the IE family. It is connected with four other families, while none of the other families is connected with more than two others. At the same time, the general picture does not correspond to the geographical position of families, and the location of languages within families looks chaotic.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

The aim of this article is an attempt to analyze linguistic data, which could let us reduce the uncertainty of the territory, on which dialects of the IE continuum had been coexisting, and about inter-dialect influences, in other words, about the space structure of this continuum. By analyzing language data, we will understand the search in the lexicons of IE languages-descendants for traces of older dialectic continua in the lexicons of IE descendant languages, traces of external borrowings that characterize non-IE surrounding of the area of evolution of the IE continuum basic dialects, and traces of adstrate interactions between the latter ones.

Methodology and sources. The disintegration of the BCMP and formation of the Circum-Pontic metallurgical province (CPMP) in the early bronze age, according to [12], led to the consolidation of number of Circum-Pontic ethnic groups, but the dialect structure of the areal of the forming IE "proto-language" remained undescribed. When constructing the structure of the IE dialect continuum we, as an initial approximation, will also link the area of the IE dialect continuum with the Circum-Pontic region.

For the study of the internal connections between IE dialects, just as in [1], Swadesh lists were chosen the lexemes of which were compared in pairs, the results of which comparison were placed into a matrix.

The choice of the basic vocabularies is due to their natural conservativity. This leaves us hope for a decrease in the influence of the difference in time between the documented states of ancient languages on the research result, assuming that the phonetic image of separate lexemes for the lists has not changed much over time, and, to acceptable extent, reflects initial corresponding IE-dialect prototypes. Having assessed the degree of neighborhood of speakers of separate IE dialects basing on the basic vocabulary, we would have the right to expand the area of comparison, including natural and economic terms, thereby checking / clarifying the preliminary conclusions.

Further, since we look for the traces of any adstrate interactions, we will not be concerned about the reasons for the similarities of the compared lexemes (borrowing or kinship), we only will need a subjective estimation of the possibility of understanding of lexemes with the same meaning on both sides of the contact border. We will take the number of potentially understandable basic lexemes in each pair of compared lists, taken in relation to a total number of lexemes, as a measure of the adstrate interaction of this pair of IE dialects, a measure of the degree of proximity of their native speakers. In this comparison not all related lexemes in the compared lists are taken into account, due to the noticeable phonetic discrepancy of many related pairs. For example, related Ancient Greek *κύων* and Old Indian *śvā́* 'dog' were excluded as mutually incomprehensible to ancient Greeks and Indians (i. e., they were not used by their ancestors to communicate with each other). By this and by choosing of the 207-word (but not the 50-word) Swadesh lists, the chosen method differs from the method of the matrix of indexes of similarity between the compared languages [1, c. 146].

To analyze the basic vocabulary, 207-word lists of Swadesh of the following IE languages were selected (the actual numbers of known lexemes are given in brackets):

– Hittite (180);

– Tocharian A (166);

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

– Old Irish (205);
– Welsh (207);
– Ancient Greek (207);
– Latin (207);
– Old Indian / Vedic Sanskrit (206);
– Avestan (168);
– Gothic (194);
– Lithuanian (207);
– Old Church Slavonic (206);
– Old Armenian / Armenian (207).

In the presence of long-term intensive contacts between the ethnic groups, the commonality of vocabulary should not, of course, be limited to the basic vocabulary. Therefore, we will confirm the commonality of basic lexicons by similarities of important economic terms, etc.

For the geographical binding of the IE native speakers areal, borrowings from/into non-IE languages, ancient settlement areas of which are considered well-known (for example, the Altai tribes can be certainly considered more eastern than the Illyric ones, and the Semitic tribes – more southern than the Finno-Ugric ones), were chosen. Archeological and genetic data are being given as the additional ones in a few numbers of cases.

At last, the format of an article implies the presentation of characteristic examples, rather than a deep and detailed study of the vocabularies of the compared languages.

Results and discussion.

The similarities between lexemes of the IE languages.

The numbers of subjectively estimated pairwise similarities of the basic lexemes of twelve IE languages are represented in the table. The table also shows the uncertainty, resulting from the subjective way of similarity estimations: there are the most pessimistic and the most optimistic estimations of numbers of similarities, no more than 5 % of the lists length different from the average values. The maximum uncertainty occurred when Sanskrit and Ancient Greek, Gothic and Latin Swadesh lists were compared. Standard deviation was 2.2 % of the lists length, i. e. 4–5 words.

Kinship relations in the lists of two pairs of languages (Welsh – Old Irish and Avestan – Sanskrit) are obvious: the shares of similar words 2–3 times exceed the shares in any other pair of languages.

The lists of the understandable lexemes of the 207-word Swadesh lists are the following (the meanings from the 100-word Swadesh list are highlighted in bold):

– a group of languages strongly related to Sanskrit and to each other (Old Slavic, Lithuanian, Latin) – 'and', '**blood**', '**day**', '**die**', '**eye**', '**fire**', '**give**', 'mother', '**new**', '**nose**', 'right', 'three', '**two**', 'when' (14 lexemes of the 207-word list / 9 lexemes of the 100-word list);

– a group of languages moderately related to Sanskrit and weakly related to each other (Hittite, Tocharian A, Ancient Greek) – '**ground**', 'husband', '**new**', 'three', 'white' (5/2);

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Numbers of subjectively estimated pairwise similarities of the basic lexemes of twelve IE languages

	Toch. A	Hitt.	AGr.	OIr.	Goth.	Lat.	Sanskr.	Lith.	OCS	Arm.	Avest.	Welsh
Toch. A N_a = 166	166 100 %	14...27 (8...16) %	15...21 (9–13) %	13 8 %	16...23 (10–14) %	14...17 (8–10) %	22...26 (13–16) %	13...16 (8–10) %	13 8 %	8...12 (5–7) %	8...13 (5–8) %	11…14 (7–8) %
Hitt. N_a = 180	14...27 (8...16) %	180 100 %	17...24 (9–13) %	8...14 (4–8) %	16...21 (9–12) %	16...20 (10–12) %	23...34 (13–19) %	8...13 (4–7) %	7...8 4 %	5...7 (3–4) %	14…26 (8–15) %	3…8 (1–4) %
AGr. N_a = 207	15...21 (9–13) %	17...24 (9–13) %	207 100 %	8...17 (4–8) %	12…22 (6–11) %	32...41 (15–20) %	24...45 (12–22) %	17...26 (8–13) %	20...27 (10–13) %	19...30 (9–14) %	16...32 (10–19) %	14…22 (7–11) %
OIr. N_a = 205	13 8 %	8...14 (4–7) %	8...17 (4–8) %	205 100 %	23...30 (12–15) %	28...38 (14–19) %	10...15 (5–7) %	22…27 (11–13) %	15...16 (7–8) %	10...14 (5–7) %	8...15 (5–9) %	69...80 (39–45) %
Goth. N_a = 194	16...23 (10–14) %	16...21 (9–12) %	12…22 (6–11) %	23...30 (12–15) %	194 100 %	32...51 (16–26) %	12...14 (6–7) %	27...32 (13–15) %	14...22 (7–11) %	17...20 (8–10) %	18…24 (11–14) %	15…22 (9–13) %
Lat. N_a = 207	14...17 (8–10) %	16...20 (10–12) %	32...41 (15–20) %	28...38 (14–19) %	32...51 (16–26) %	207 100 %	46 22 %	34...38 (16–18) %	29…32 (14–15) %	12...25 (6–12) %	24…35 (14–21) %	28…33 (14–16) %
Sanskr. N_a = 206	22...26 (13–16) %	23...34 (13–19) %	24...45 (12–22) %	10...15 (5–7) %	12...14 (6–7) %	46 22 %	206 100 %	46...48 (22–23) %	39...51 (19–25) %	13...24 (6–12) %	95...103 (57–61) %	14...19 (7–9) %
Lith. N_a = 207	13...16 (8–10) %	8...13 (4–7) %	17...26 (8–13) %	22…27 (11–13) %	27...32 (13–15) %	34...38 (16–18) %	46...48 (22–23) %	207 100 %	50...58 (24–28) %	19...26 (9–13) %	25…34 (15–20) %	15…17 (10–12) %
OCS N_a = 206	13 8 %	7...8 4 %	20...27 (10–13) %	15...16 (7–8) %	14...22 (7–11) %	29…32 (14–15) %	39...51 (19–25) %	50...58 (24–28) %	206 100 %	7...11 (3–5) %	23…32 (14–19) %	13...18 (6–9) %
Arm. N_a = 207	8...12 (5–7) %	5...7 (3–4) %	19...30 (9–14) %	10...14 (5–7) %	18...21 (9–11) %	13...26 (6–13) %	13...24 (6–12) %	19...26 (9–13) %	8...12 (4–6) %	207 100 %	11...20 (7–12) %	11...18 (5–9) %
Avest. N_a = 168	8...13 (5–8) %	14…26 (8–15) %	16...32 (10–19) %	8...15 (5–9) %	18…24 (11–14) %	24…35 (14–21) %	95...103 (57–61) %	25…34 (15–20) %	23…32 (14–19) %	11...20 (7–12) %	168 100 %	9…18 (5–11) %
Welsh N_a = 207	11…14 (7–8) %	3…8 (1–4) %	14…22 (7–11) %	69...80 (39–45) %	15…22 (9–13) %	28…33 (14–16) %	14...19 (7–9) %	15…17 (10–12) %	13...18 (6–9) %	11...18 (5–9) %	9…18 (5–11) %	207 100 %

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

– a group of languages moderately related to Latin and weakly related to each other (Gothic, Old Irish, Ancient Greek) – '**ear**', '**eat**', '**horn**', '**name**', '**new**', 'other', 'right', '**you**', 'three', '**two**' (10/7).

If we search for lexemes understandable for native speakers of any four languages, which are not included into one and the same group of the groups mentioned above, there will be not many such lexemes, namely, some 3 or 4 lexemes meaning 'new', 'salt', 'this', 'you', 'three', two', plus one or two meanings more. For example, in the group: Welsh (closely related to Old Irish), Latin, Ancient Greek, Hittite – only the basic lexemes with the meanings **'new'**, 'three', '**two'** (3/2) might be understandable for all the speakers, and in the group: Avestan (closely related to Sanskrit), Latin, Ancient Greek, Hittite – only lexemes meaning **'bone'**, **'new'**, 'three' (3/2) might be understandable for all the speakers.

It leads to the idea about the initial heterogeneity of the IE continuum: in the continuum there is a core with strong relations (numbers of similarities in between exceeds other numbers by 2–3 standard deviations of the estimate) – Proto-Aryan, Proto-Italic and Proto-Baltic – and two peripheral language groups: a) Proto-Anatolian and Proto-Tocharian, close to Proto-Aryan, and b) Proto-Germanic and Proto-Celtic, close to Proto-Italic. Proto-Greek is equally close to Proto-Aryan and Proto-Italic. The greatest numbers of similarities are within the range of (15–26) % of the lists length. The basic vocabulary of Proto-Armenian is approximately equally (9–12) % close to the basic vocabulary of Proto-Greek, Proto-Baltic, Proto-Germanic, Proto-Italic and Proto-Aryan.

It should be noted that developed systems of declension with a large number of cases (nominative, genitive, dative, accusative, vocative, instrumental, local, ablative) had been formed only in the core dialects. As concerns the rest IE dialects, their case systems are simplified.

The data in the table concerning the strongest connections between basic vocabularies (15–26) % can be illustrated graphically (figure). The value of similarity of Latin and Lithuanian lists is in the same range of values of similarity. The values of similarity of other pairs of basic vocabularies of IE languages lie in the range (3–14) % and indicate a gradual loss of contacts between the native speakers of these languages before the time of their registration, with the exception, perhaps, of trade contacts maintaining the similarity of pronunciation of numerals, personal and demonstrative pronouns and the names for such a popular product as salt.

We have the right to suggest that the geometry of the figure 1 correlates with the geography of settlement of the Proto-IE languages native speakers, assuming that the maximal similarities of their basic vocabularies correlate with the most intensive adstrate interactions.

For our linguistical research of the geography of settlement of the Proto-IE dialect continuum native speakers, we will be interested in adstrate interactions between the descendants of the IE dialect continuum given in the figure (for positioning of IE dialect areas with respect to each other), as well as in interactions of the IE-continuum with non-IE languages, including interaction with the substrate of earlier states of the dialect continuum (which gives a possibility of the absolute geographical binding of the area occupied by the IE dialect continuum).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Graphical representation of the average estimates of the strongest IE interdialectal relations

The axis of symmetry "Sanskrit–Latin" stands out in the figure, which is, whether by chance or not, corresponding to the juxtaposition of the ethnic groups in which the Y-haplogroup R1a is predominating (Aryans, Balto-Slavs, Anatolians and Tocharians) and the ethnic groups in which the Y-haplogroup R1b is predominating (Italics, Celts and Germans). Probably, in the cultural attitude, this axis corresponds to the influence of the Mediterranean R1a on the Yamnaya (Pit Grave) culture R1b (see Klyosov [13, p. 146], about superstratum R1a vs substratum R1b on the territory of the Catacomb culture). The advance of the R1a from the west to the territory of Yamnaya culture in the 3rd millennium BC correlates with the appearing of subclades of Samara Yamnaya people in Mesopotamia [13, p. 138], which shows the direction of R1b migrations: from the Yamnaya Horizon – to the south.

At the same time, the distribution of values of neighborhood indexes (figure), evidently, expresses lexical diffusion in the direction from Proto-Baltic and Proto-Slavic dialects to Proto-Greek-Aryan-Italic (with a slight decrease in indexes) and further to peripheral dialects (with a further decrease in indexes): Proto-Anatolian, Proto-Tocharian, Proto-Greek, Proto-Celtic and Proto-Germanic.

In the historical context, this corresponds to the earlier industrial development of the Balkan-Carpathian region within the Vinca culture, which development contributed to both the dialectal consolidation of the region and the early development of writing in there by the middle of the 4th millennium BC. The result of comparison of the Vinca and other ancient writings is interesting: the Etruscan alphabet is completely identical to the Vinca alphabet, in the Serbian Cyrillic alphabet there are 20 letters similar to the letters of the Vinca alphabet, and no more than 12 (ancient Greek writing) of 26 in other ancient scripts [14]. Influence of the language of the leading ethnic group on other languages was observed regularly: English, Spanish, Latin, Ancient Greek, Aramaic in different periods of history played a unifying role either as languages of interethnic communication or as state languages.

Traces of contacts of Northern IE languages/dialects with languages of Uralic and Altaic families (and manifestations of the Nostratic substratum).

Lexical signs of geographical neighboring of the IE and the Uralic dialect continua are markers of the northern part of the area of IE languages/dialects. Some of these signs suggest the presence of an ancient common substrate language, a set of dialects of hunters of the late Pleistocene.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Symmetrically, in the Proto-Finno-Ugric (PFU) there are IE terms of the trade jargon, discovering early contacts of the PFU and IE dialects native speakers [15, p. 206–207].

The North–North East group of IE languages is distinguished by lexical traces of the Nostratic substrate continuum – lexemes with meanings 'ice' and 'predator (bear, wolf, leopard)', also present in the Ural and Altai language families, the native speakers of which were never located either north or west of settlement area of the IE languages native speakers.

Compare Finnish *jää*, Moksha *aej*, Hungarian *jég*, Estonian *jää*, North-Sami *jiekŋa*, Mansi *ялк*, Khanty *йәлк* 'ice' with:

– Anatolian: Hittite *ekan*;

– Aryan: Avestan *aeχa-* 'ice, frost', Hindi *yakha*; Ossetian *ux* [ix], *ex* [ex], Persian یخ [jax];

– Celtic: Old Cornish *iey*; Welsh *iâ*, Old Irish *aig*, Gaelic *eighe*;

– Germanic: Old Norwegian *jaki* 'ice floe', *jǫkull* 'glacier'; Gothic *eis*, Old English *īs*, West Frisian *iis*, Dutch *ijs*, Low German *Ies*, German *Eis*, Danish, Swedish and Norwegian *is* 'ice';

– Albanian *akull* 'ice'; (noteworthy is the similarity with Old Norwegian *jǫkull* 'glacier').

The southernmost similar sounding name for ice is the Abkhazian *аԥаа* 'ice', here also, however unexpected it may seem, Basque *izotza*, which supports the hypothesis about Caucasian relations of Basques.

Further, compare the names for predators (bear, wolf, leopard) derived from the Nostratic onomatopoeia to growl [16]: Nenets *варк* [wark], Finnish *karhu*, Hungarian *farkas* 'wolf' (unlikely to have been derived from *farok* 'tail', since a tail is not a hallmark of a wolf); Manchurian *jarəhə*, Nanai *jarga* 'leopard'; Middle Korean *írhì* 'wolf' – with:

– Anatolian: Hittite *hartagga* 'predator';

– Ancient Greek *ἄρκτος* [bear];

– Aryan: Ancient Indian *ŕkṣa-*, Romany *rich*, Avestan *arṣa* 'bear';

– Celtic: Welsh *arth* 'bear';

– Albanian *ari* 'bear';

– Old Armenian արջ (*arǰ*) 'bear';

– Italic: Latin *ursus* 'bear'.

Basque lexeme *hartz* 'bear' turned out to be similar to the Nostratic lexemes in this case too. In Balto-Slavic languages, the names for bear are different from the above and between each other.

The region of spread of the similar lexemes seems to have been coincided with the area to the east and southeast of the zone of the last European glaciation in its maximum phase. Due to the fact that the glacier separated the Balkan refuge and the forest zone of Southeastern Europe, the substrate names for ice turned out to be different in these areas. This can explain why FU names for ice had been derived from a common ancestor, but the IE names had not been (in Balto-Slavic, Armenian and Italic names for ice had been derived from other prototypes).

As for Tocharian lexemes meaning 'ice' and 'bear', I could not find them. However, L.S. Klein confidently writes about the FU substrate in Tocharian languages also [17, p. 183].

The phonetic proximity of the areal designations of hand is also interesting: Finnish *käsi*, Sanskrit हस्त *hasta-*, Hittite *kissar* (or *keššar*), Tocharian A *tsar*, Tocharian B *ṣar*. So far, our results are close to the results of [1, p. 157]: the Hittite language in the above examples shows a special affinity to Finno-Ugric languages.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

The fact that IE proto-dialects, which had close relations with Proto-Aryan dialect, contacted with the Nostratic substrate and, in many cases, with Proto-Finno-Ugric languages at the same historical time, is evidenced by the phonetic similarity of the lexemes of these proto-languages used for designating natural objects and phenomena, despite on the belonging of their descendants to different groups of IE languages:

– lexemes with the meaning 'earth':
  – Tocharian: Proto *tkaṃ*, Tocharian B *keṃ*;
  – Anatolian: Hittite *tekan*, Hieroglyphic Luwian *takamia*;
  – Albanian *tokë*;
  – close – Ancient Greek *χθών*; farther – Aryan: Old Indian *kṣā́ḥ*, acc. *kṣām*; the related ones in other languages are completely different;
– lexemes with the meaning 'flow of water, river':
  – Tocharian: Tocharian A, Tocharian B *āp* 'water, river';
  – Anatolian: Hittite *hap*(*a*)- 'river, flow', пал. *hapnas*, Luwian *hapinni*-;
  – Aryan: Old Indian *ap*-, Avestan *afš*, acc. *āpəm* 'water';
  – Italic: Oscan, Umbrian *aapa* 'water';
  – Celtic: Old Irish *aub*, Middle Welsh *afon*; the related ones in other languages differ;
– lexemes with the meaning 'rain' and the similar ones:
  – Tocharian: Tocharian A *wär*, Tocharian B *war* 'water';
  – Anatolian: Hittite *warsa* 'rain' [18, Russ. meaning: water, влага], Luwian *wārša*;
  – Aryan: Old Indian *varṣá*- 'rain', *vār*, *vāri* 'water'; Avestan *vār*- 'rain';
– lexemes with the meaning 'wind' and the similar ones:
  – Tocharian: Tocharian A *want*-, *wänt*- 'wind';
  – Anatolian: Hittite *huwant*- 'wind';
  – Aryan: Old Indian *vānt*- 'blowing', *vā́ta*- 'wind', Avestan *vātō* 'wind';
– lexemes with the meaning 'fire':
  – Tocharian: Tocharian A *por*, Tocharian B *puwar*;
  – Anatolian: Hittite *paḫḫur*, Luwian *pāḫūr*;
  – close – Ancient Greek *πῦρ*; Armenian *hur*; Old Norwegian *fūrr*; Umbrian *pir*;
– but Aryan, Celtic and one Greek synonym are included in other groups:
  – Old Indian *agní*- 'fire' (with Balto-Slavic and Latin analogs);
  – Ancient Greek *αἴθος*, Old Irish *áed*, Avestan *āt*(*ə*)*r*-;
– lexemes with the meaning 'blood':
  – Tocharian: Tocharian A *ysār*, Tocharian B *yasar*;
  – Anatolian: Hittite *ēšhar*, gen. *išhanāš*;
  – Aryan: Old Indian *ásr̥k*, gen. *asnáḥ*;
  – Ancient Greek Homer's '*ισχώρ* 'immortal blood of gods';
  – Latvian *asinis* looks similar.

In other languages, other roots have been used for designation of the same concepts, or the phonetical image of lexemes, related to the given ones, did not contribute to understanding (compare, for example, Hittite *tekan* and Old Slavic *землѧ* [zemlę]).

These data allow us to suggest that some of the IE dialects, whose areas were neighboring with PFU (Proto-Tocharian, Proto-Anatolian, less often – Proto-Aryan), closely interacted

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

with each other and, to a less extent, with the Proto-Greek dialect, forming the northern subcontinuum of the IE dialect continuum (the "Proto-Aryan+" subcontinuum). Similarities of lexemes with meanings 'flow of water, river' and 'bear' trace contacts between the northern subcontinuum dialects and Proto-Italic dialect. Ancestors of Albanians, Armenians and Celts probably have got names for bear similar to others through a common substrate continuum and in different time, the same in Celtic and Albanian names for ice – these ethnic groups do not have close ties with ethnic groups of the northern subcontinuum.

Indo-Aryan names for horse were included in the group of names of the "Indo-Aryan+" subcontinuum together with Anatolian and Tocharian ones. This tells us about the time of horse domestication: it had taken place before the beginning of migration of native speakers of the northern IE-continuum dialects to the west, south and east. The appearing of forms *ašvà* 'mare', dial. *ešvà*, in Lithuanian along with the original form *kumele* can be explained by the contacts of Proto-Balto-Thracians with "Indo-Hittites" in steppes or with Hurrians in Asia Minor (compare with Old Indian *áśva-*, Hittite *aś*(*u*)*was* and Hurrian *ešše* 'horse').

IE lexemes with the meaning 'wheel' seem to claim that its invention took place after the separation of Tocharians and Anatolians – the languages of these ethnic groups used the root different from roots in other languages of the northern IE continuum for the designation of wheels [15, p. 204] (Hittite *hurki-* and Tocharian A *wärkänt*, B *yerkwanto* 'wheel', the Tocharian ones being phonetically far from the Hittite one). However, Tocharian A *kukäl*, B *kokale*, similar to the Ancient Greek designation of a wheel, demonstrate the presence of adstrate relations between Proto-Tocharians and Proto-Greeks even after invention of wheels in steppes, despite the semantical shift 'wheel' > 'cart'. This may indicate that IE dialectal names for wheels had been appearing with their spread using synonymous roots, just as in Slavic languages, where semantically similar concepts *лить* 'to pour' (> Russian *залив*) и *течь* 'to flow' (> Ukrainian *затока*) were used to designate bays, which fact does not mean that Russians and Ukrainians got acquainted with bays after the separation of their languages.

Traces of contacts of eastern IE languages/dialects with Eastern Asia languages (and manifestations of Nostratic, Sino-Caucasian and Austronesian substrates).

The fact that PIE speakers were familiar with cattle and sheep herding, dairy foods, woolen textiles, agriculture, wagons, honey and mead, and horses would suggest a location west of the Urals at any time before 2500 BCE, because horse-sheep-and-cattle pastoralism was not practiced east of the Urals before this date [15, p. 207].

In the vicinity of this boundary, contacts of IE tribes with native speakers of both Uralic and Altaic languages should have taken place. Moreover, besides Nostratic substrate, IE languages-dialects could incorporate elements of Sino-Caucasian and Austronesian substrates, whose speakers never dwelled to the west with respect to IE native speakers.

Lexemes with the already mentioned meanings 'bear' and 'hand' can be viewed as traces of contacts of ancestors of northern Germans with speakers of Austronesian continuum, compare:

– Austronesian **beruang* 'bear' – and Old English *beorn*, Old Norse *birna*, *bjǫrn* 'bear';

– Austronesian **lima* 'hand' > 'five' – and Old English *lim*, Old Norse *limr* 'limb'.

Lexemes with meanings 'ox, bull' can be viewed as probable traces of adstrate contacts of Altaic and IE tribes, compare Altaic lexemes (Uighur *xöküz*, Kumyk *oquz*, Balkar, Karaim *öqüz*,

Yeniseian, Turkmen, Azerbaijani, Turkish *öküz*, Bashkir *үгеҙе*, Tatarian *үгез* 'bull', Chuvash *вăкăр*, Mongolian *үхэр*) and:

– Aryan: Avestan *uxšan* 'bull', Sanskrit उक्षन् (*ukṣán*);

– German: Islandic *uxinn*, Old English *oxa*, West Frisian *okse*, Dutch. *os*, German *Ochse*;

– Tocharian: A *ops*, B *okso* 'ox';

– Celtic: Welsh *ych*;

with no cognates in Anatolian, Italic, Armenian, Greek, Slavic, Baltic and Albanian languages.

Kartvelian and Uralic analogs seem to be loanwords:

– Kartvelian: Old Georgian უსხი (*usxi*), Svan *usxwaj* (Lashkh.), *wisxw-* (L.-Bal.) 'sacred bull'; as for the metathesis in Kartvelian, compare with the metathesis in the common Kartvelian borrowing from the IE **otxo* 'four';

– Uralic: Hungarian *ökör*, Volga-Perm *uska* // *oska* 'bull, little bull' [19, p. 154–158].

Some Celtic and Germanic names for horses also look strange for IE languages:

– Celtic: Old Irish *marc* 'horse', Middle Welsh *march* 'horse, stallion', Breton *marc'h*;

– Germanic: Old Norwegian *marr*, Old English *mearh*, Middle English *mare*, Middle High German *Marah* > *Mähre* 'horse, mare'.

Gamkrelidze and Ivanov had supposed a borrowing from some Altaic language. Celtic-Germanic **mark-* is parallel to the Altaic **morV-* (Mongolian *mörin*, Kalmyk *morin* 'horse'; compare also Chinese *ma* < **mra*, Tamil *mā*). Garkmelidze and Ivanov have explained this borrowing by early contacts of IE tribes with Altai tribes. Moreover, they have supposed that it is the evidence of early migrations of IE tribes from the east to the west through Asia Minor. However, the fact that this borrowing had been used only in the most remote from the source languages, remained strange. Mikhailova suggested a hypothesis about a Wanderwort of the eastern origin, brought to the Europe by Scythians and Sarmatians, who could be the mix of ethnic groups of the Central Asia, generally speaking Iranic, but also with Turkic and Altaic elements [20, p. 6–7].

Such counterarguments to the hypothesis of Gamkrelidze and Ivanov are clearly based on the belief in the autochthonous nature of Celts and Germans, which means that conceivable explanations for the appearance of Altaic words in the Celtic and Germanic languages are reduced exclusively to the search for ways of transferring words from Altai to Western Europe.

Nevertheless, V.V. Ivanov pointed at relations between German languages and Yeniseian language [21, p. 155–156], which tells about contacts of ancestors of Germans with Asian tribes, i. e., the transfer of the eastern names for horse could take place somewhere in the Caspian steppes rather than in Europe. Right there, where German and Celtic languages acquired the following 'copies' of lexemes characteristic of Eastern languages:

– Old English *hēla* 'heel' и *guttas* 'guts' are similar to the Mongolian *хөл* 'foot' and *гэдэс* 'guts';

– English *fang*, Old English *fang* 'to capture' compare with the FU: Mansi *puŋk*, Khanty *pöŋk*, Hungarian *fog*, Saami *pānnj* – and Chinese *fāng*, less often in combinations *páng* 'wedge', 'to capture' (almost exact semantic coincidence with Eng.);

– English, Dutch *top*, Frisian *top*, *tap*, Low German *Topp*, Islandic *toppur* 'top', which allegedly have no reliable connections outside Germanic [22, Search: top], are comparable with Crimean Tatar *töpe*, Karachay-Balkar *menne*, Azerbaijani *täpä* 'top';

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

– Old English *þing*, Old High German *ding* 'council' phonetically and semantically coincide with the Chinese *tíng* or *dìng* 'court (especially: of the Emperor's palace)'; 'Emperor's palace'; 'place of meeting (of dignitaries at court)'; 'right, straight'; 'straight, fair';

– Old Irish *bec*(*c*), Breton *bihan* and Welsh *bychan* 'small' – have common Celtic antiquity, do not have IE etymology, but have analogs in the Altaic languages (compare Tuvan *biča*, Karagas *bic'ä*, Yakut *byčyk*, Mongolian *biči* 'small') and in some Uralic (Veps *piču* 'small', Karelian *pićukkani* 'very small');

– search for analogs of Old Irish *macc* 'son' leads to Altaic **mūko*- 'man, boy' and Dravidian **mayI* 'child' (in particular, Tamil *maka* 'child, son, boy'): the phonetical and semantical similarity is obvious, but it is not clear whether this is a borrowing or derivation from a common Nostratic prototype – T.A. Mikhailova suggested a compromise borrowing from the pre-IE Nostratic language, semantically supported by Celtic derivatives from IE **maghu*- 'guy, unmarried' [20, p. 11];

– Old Irish *u*(*i*)*sce* (and Alb. *uje*) 'water' could be phonetically compared with Mong. *ус*, Kalm. *усн* 'water' and do not resemble any of the IE analogs.

In addition to traces of the Nostratic and Sino-Caucasian substrates, in Celtic and Germanic languages there are unique traces of rapprochement to each other:

a) 'number':

– Old Irish *rím*, Welsh *rhif* 'number';

– Old English, Old Frisian, Old Saxon, Old High German *rīm*, Old Islandic *rím* 'number';

– Scythian *άριμα* 'one' [23, bk. 4.27];

b) 'louse':

– Germanic: Old English, Old Norwegian, Old High German *lus*, Middle Dutch *luus* 'louse' [22, Search: louse];

– Celtic (Brittonic): Old Cornish *lowen*, Welsh *lleuen*, pl. *llau*, Breton *laouen* 'louse' [18, Meaning: louse].

Let us pay attention to the similarity of these lexemes with Iberian-Ligurian-Romanian lexemes with the meaning 'nit': Spanish *liendre*, Portugalian, Galician *l'endea*, Catalan *ll'emena*, French *lente*, Latin *lens* etc. – in their turn, similar to the Chinese *luǎn*, *luǒ* 'insect eggs'. Perhaps, it is a trace of Sino-Caucasian continuum, the substrate of Proto-Celtic, Proto-Germanic and Proto-Italic IE dialects. The existence of such a substrate is also evidenced by the connections between the Hatti, Hurrian, Caucasian and Yenisei non-IE languages [21, p. 134–144, 155–156].

Following Gamkrelidze and Ivanov, we will consider all such similarities as indirect evidences for contacts of some ancestors of Celts and Germans in the age of horse domestication with each other and with Altaic, Sino-Caucasian and Austronesian ethnic groups in the area of the eastern ("Proto-North-Germanic+") subcontinuum of the IE dialect continuum.

Traces of contacts of the southern IE languages-dialects with the languages of the Transcaucasia and the Middle East (and manifestations of Afro-Asiatic substrate).

The southern – southwestern group of IE dialects is distinguished by lexical traces of the Afro-Asiatic dialect continuum, which is also present in Semitic languages, native speakers of which were never located north or east of the area of native speakers of IE languages.

Let us investigate which dialects of the IE continuum have traces of such contacts.

A term for ice, different from other IE lexemes with the same meaning, exists in Latin: *glacies*. It can be etymologically derived from the IE root **gel*- 'cold', Latin *gelidus* 'icy, frosty' having also

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

been derived from it. In its turn, the latter has traces in Semitic: Syrian ܓܠܝܕܐ (*gəlīḏā*), Hebrew גְּלִיד (*gəlîḏ*), Arabian جليد (*jalid*), all meaning 'ice'. Regardless of the origin of the root *gel-, it indicates ancient contacts between ancestors of Latins and ancestors of Semits.

Further, let us note lexemes with the meaning ‘lion’, words of the same importance for southern peoples, as lexemes with the meaning ‘bear’ for northern ones. They are also being derived from the onomatopoeia of roar [24]: Egyptian *rw*, Mubi *ʔórúwà*, Hebrew *aryeh*, after [r] > [l] – Akkadian *lābum* 'lion'; Arabian *labuʾah* 'lioness', Hebrew *lavi* (archaic), *lāḇīʾ* 'lion', *levi'ah* 'lioness', compare them with:

– Slavic: Old Slavic львъ, Serbian лав, Polish lew, High Lusatian, Low Lusatian law;

– Italic: Latin *leō*;

– Germanic: Old High German *leo*;

– Celtic: Irish *leon*, Welsh *llew*;

– Ancient Greek *λέων*;

– farther phonetically – Baltic: Lithuanian *liūtas*.

Let us also note the lexemes denoting cattle, which are present in a number of IE and Semitic languages.

Compare Arabian ثور (*θawr*), Aramaic *tawrā* 'bull, ox' [25, Search: Reconstruction:Proto-Semitic/ṯawr-] with:

– Italic: Latin *taurus*, Oscan *turuf*, *toru*;

– Ancient Greek *ταύρος*;

– Baltic: лит. *taũras*, Old Prussian *tauris* 'bison';

– Slavic: Old Slavic *моуръ*;

– farther phonetically – Celtic: Middle Irish *tarb*, Welsh *tarw* – and Germanic: Old Norwegian *ǫjōrr*; there are no cognates or borrowings from Lat. in other IE languages.

Take into account that in Slavic languages there are both southern and northern lexemes for cattle, which suggests an intermediate position of Proto-Slavs between native speakers of the southern and northern groups of IE dialects.

It is also appropriate to give regional areal terms for 'horn' here, compare Arabian *qarna*, Hebrew *qerenn* with:

– Italic: Latin *cornu*;

– Celtic: Breton *korn*, Welsh *corn*, differently in Goidelic languages – Old Irish *adarc*, a possible borrowing from the Basque **adar-ko* ‘small horn’ (from the Basque *adar* 'horn');

– Germanic: Gothic ᚺᛚᚢᚱᚾ (*haurn*), Old English, Old Saxonian, Old High German *horn*.

There are related, but phonetically different lexemes in other languages. In the languages of the northern subcontinuum, these are lexemes with the satemization of the first consonant:

– Anatolian: Hittite *surna*, Luwian *zurni*;

– Aryan: Sanskrit शृङ्ग (*śṛṅga*), Avestan *srū-*, *srvā-*;

the latter obviously resembling Finno-Ugric lexemes: Estonian *sarv*, Hungarian *szarv*, Finnish *sarvi* 'horn'.

One can also trace noticeable contacts of ancestors of Latins with Transcaucasian tribes. The Latin lexeme *tabeo* 'to melt' is undoubtedly related to the Hurrian lexeme *tabrinni-* ‘blacksmith’ with the verbal stem *tav-* ‘to melt (metal)’. They also say that Armenian *darbin* 'blacksmith' is

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

related to Hurrian *tabrinni*- 'blacksmith' and Sumerian *tabira* / *tibira* 'coppersmith', probably, from an Urartian source (with the metathesis -br- > *-rb-) [26, p. 268–270]. Old Armenian nuկի (*oski*) 'gold', Sumerian *guškin* 'gold' and Hurrian *ušḫu* 'silver' evidently have the common origin.

Gothic ᚨᛁᛉ (*aiz*), Latin *aes* Proto-Aryan – Sanskrit *ayas* and Avestan *aiiah* 'metal' – are cognates and seem to be related to the Altaic names: Bashkir *eẓ*, Kazakh and Kyrgyz *жез* – with the specific correspondence of the Mongolian, Kazakh and Kyrgyz [ʒ] to the Turkic [j].

Considering possible relation of Finno-Ugric names for metal: Fin. *vaski* 'copper', Hung. *vas* 'iron' (having in mind semantic drifts) – with Tocharian A *wäs*, Armenian *oski* 'gold', Hurrian *ušḫu* 'silver' and Sumerian *guškin* 'gold', we can construct for the 3th millennium BC, the time of the wide familiarization of peoples with gold, a sequence of ethnical relations from the west to the east (from the Transcaucasia to the Ural): Sumerians, Armenians, Hurrians, Tocharians, Finno-Ugrians [27].

Proto-Celts are also manifesting the cultural affinity to the Caucasus, in particular, in the vigesimal numeral system in Celtic languages, characteristic of the majority of Caucasian languages. Traces of the vigesimal numeral system are also present in Albanian:

– *njëzet* 'twenty (one-twenty)' and *dyzet* 'forty (two-twenty)',

while Vasconic numeral system is wholly vigesimal:

– hogei 'twenty', berrogei 'fourty (two-twenty)', hirurogei 'sixty (three-twenty)', laurogei 'eighty (four-twenty)',

which shows the possibility of Caucasian past of ancestors of Albanians and Basques.

Traces of the vigesimal numeral system in Danish are more likely due to Celtic substrate in Northern Europe, since no such traces have been found in other Germanic languages [28].

Let us note that in Old Irish *coic*, Latin *quinque* 'five' and Armenian *hinkh*, *hing*, contacts of ancestors of Celts-Goidels, Armenians and Latins with Caucasian dialect continuum speakers also can be traced, since there are North Caucasian lexemes with the meaning ‘fist’, phonetically close to each other and the mentioned IE lexemes [29, p. 119]. In zoonyms with the meaning ‘wolf’, one can see difference in ethnical surrounding of Goidels and Britts after their separation, compare:

– Old Armenian գայլ (*gayl*) and Middle Irish *fáel* [fɯːl] < **waylos* 'wolf (howling)' [25, Search: fáel],

– vs Welsh *blaidd* and Lithuanian *bliauti* 'to howl' (the etymology of the Welsh zoonym is considered unexplained [25, Search: blaidd], but we think it can be explained by Britto-Thracian contacts).

In the phonology of Welsh there are features which coincide with features of a number of Caucasian languages: the presence of voiceless lateral approximant [l̥] and voiced labiovelar [g^w] – for example, the Welsh lexeme *gwyn* 'wine' sounds the same as Georgian *γwino*- 'wine', with the absence of labiovelar sounds in the beginning of lexemes with the meaning ‘wine’ in other IE languages.

Celtic sentences have a basic verb–subject–object typology (“Reads the son a book”), just as in Ancient Egyptian, North-West Caucasian languages, classic Arabic, Maya, Tagalog and a number of languages of Southeast Asia islands. Moreover, Maya also has the vigesimal numeral system, this can be explained by the Altai past of the ancestors of Maya in the neighborhood with the ancestors of Celts [30].

This word order can be a typological parallel as well, which is due either to the role of verb names in the listed languages, different from the role of verb names in non-Celtic languages of the

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Indo-European family, or it can be explained by Semitic-Hamitic substrate with respect to Celtic [31, p. 8–10]. However, considering Altaic and Caucasian contacts of Proto-Celts, it would be logical to admit that this Semitic substrate was localized in the surroundings of the Caucasus, especially since the Maikop culture of the North Caucasus, after V. A. Gorodtsov (1910) and M.I. Rostovtsev (1920), is often associated with Semitic roots from Mesopotamia.

The Middle Irish *ert*, Gothic *aírþa*, Old Norwegian *jɔrð*, Old High German *erda* 'earth' can be traces of Afro-Asiatic dialect continuum in the vocabulary of ancestors of Celts and Germans (compare with Arabian *ard*, Swahili *ardhi*, Akkadian *erṣetu* and many others).

The same can be applied to German and Dutch terms for 'horse', derived from Old Semitic ones [8].

Germanic languages have some other traces of contacts with southern non-IE languages:

– English *dig* and *dagger*, with allegedly very unclear origins [22], can be related to Chechen *ðаг* [dag] 'axe' (with its possible Hurrian origin); analogic semantical affinity of terms for an instrument (or an action) and a weapon we also see in English *spade* / Spanish *espada* 'spade / sword', in English *bill* 'small axe / sword' and in Welsh *clodio* 'to dig'/ *cledd*, *cleddif* 'sword';

– Old English *hnecca* 'neck, the back part of a neck' (rather a rare word), Old Frisian *hnekka*, Old Norwegian *hnakkr*, Old High German *hnach* 'neck' have the common origin with the Arabian *unk*, *unuk* 'neck', Aramaic *ʔunḳā* 'neck, cervical meat'; here is also Tocharian A *kñuk* 'neck' (Tocharian languages, according to Ivanov [23, p. 156], show traces of connections with the Hurrian language, and this circumstance, just as the fact that Tocharian A *kñuk* 'neck' has a Semitic origin, possibly, indicates intermediate contacts of Tocharians with the "Hurrian-Semitic symbiosis" [21, p. 155]);

– Old Islandic (Old Norwegian) fill 'elephant', as well as Tajik *пил*, are obviously related to Arabian *fīl* 'elephant' – (Portugal *fila* "snake" is curious: the association of an elephant and a snake also is present in Indian – Old Indian *nāgas* 'snake, elephant', Sanskrit *nāga* 'snake, cobra', *nagaja* 'elephant').

Numeral systems of Old Germanic languages (Gothic and Old English) have traces of a numeral system with bases 12 and 60, that is, traces of ancient cultural ties of the ancestors of Germans with peoples of Mesopotamia to their south, who used such numeral systems. Similar traces are also present in numerals of Middle Persian and other Iranian languages, which apparently indicates the ancient neighborhood and cultural ties of speakers of these languages with ancient Germans and peoples of Mesopotamia [32].

A number of lexemes denoting natural phenomena indicate exclusive or almost exclusive adstrate contacts between ancestors of Latins and Celts:

– lexemes with the meaning 'earth':
  – Italic: Latin *terra*, Oscan *teras*;
  – Celtic: Old Welsh *tir*, Old Irish *tír*, Gaelic *tìr*;
  – differently in other languages;

– lexemes with the meaning 'mountain':
  – Italic: Latin *mōns*;
  – Celtic: Middle Welsh *mynyð*, Breton *menez* (absent in the Goidelic ones);

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

– differently in other languages;

– lexemes with the meaning ‘wind’:

– Italic: Latin *ventus*;

– Celtic: Welsh *gwynt*;

– close – Tocharian B *yente*; Germanic: Goth *winds*, Old English *wind*;

– phonetically farther in other languages;

– some zoonyms:

– Italic: Latin *caper* 'goat'; Latin *fūcus* 'bee';

– Celtic: Irish *gabhar* [gawər], Breton *gavr*, Welsh *gafr*; Irish *foiche* 'wasp';

– close – Ancient Greek *σφήξ* 'wasp';

– differently in other languages;

– some numbers:

– Italic: Oscan *petuur* 'four'; Oscan **pumpe* 'five' (reconstructed from the Oscan *pumperias* 'fiver' [18, Meaning: five]), *pompe < pomperias 'fiver (people)' [33, p. 329];

– Celtic: Welsh *pedwar* 'four'; Welsh *pump* 'five';

– closely Germanic: Goth *fidwō*r 'four', Goth *fimf*, Old High German *fimf*, *finf*, *funf* 'five';

– differently in other languages.

These data let us suggest that IE dialects, whose areas were located in the vicinity of Transcaucasia (Proto-Italic, Proto-Armenian, Proto-Celtic and Proto-Germanic), had been in contacts with each other forming the southern (“Proto-Italic+”) subcontinuum of the IE dialect continuum. Pliny the Elder discovers the *Hali* tribe in the North Caucasus < и.-е. **sal-*/ *hal-* 'salt', compare with the Welsh *halen*, Old Corn *haloin* [4, p. 50]. At the same time, the ancestors of Italics territorially divided the ancestors of the Celts and the ancestors of the Germans (as in fig. and as Yu.K. Kuzmenko writes).

The reason for the integral displacement of the IE family towards the Semitic family in comparison with that of the Uralic one, discovered by A.G. Kozintsev [1, p. 154], is the adstrate connections of the languages of the southern IE subcontinuum with the languages of the Semitic family, which are much more noticeable than those of Finno-Ugric languages.

Indo-Aryans, having undertaken an ultra-long migration from the northern ancestral home to the south of Asia, also found themselves under the substrate influence of the Afro-Asiatic dialect continuum. One of the traces of this influence is the names for lion, just as in the north the names for bear were a trace of the Nostratic influence:

– Bantu: Swahili *simba*, Shona *shumba*, Zulu *insimba* 'lion', Xhosa *ingwe* 'leopard';

– Dravidic: Telugu *siṃhamu*, Tamil *ciṅkam*, Tulu *siṃha*, Kannada *siṃha*;

– Old Indian *singh* 'lion' < Sanskrit सिंह (*siṃhá*);

– Old Armenian ի՛նձ (*inj*) 'feline predator', compare with Xhosa *ingwe* 'leopard'.

As for fluctuations [mb] ~ [ng(w)], compare:

– Latin *lingua* and Romanian *limbă* 'language';

– Latin *longus* and Urdu *ləmbə*, Hindi *lembe*, Gujarati *lambu*, Bengali *lomba* 'long'.

A detailed study of many IE names for lion and their etymologies, but without mentioning Bantu names among the external connections, see in [34].

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Western IE dialects-languages with unclear substratum influence.

The periphery of IE continuum speakers is closed by Proto-Balts and Proto-Slavs with their special for IE dialects term for ice **ledu*-, which is not a result of the substrate manifestation.

Besides that, Balts and Slavs have related and phonetically similar terms for:

– 'horn': ORus., OCS *рогъ* [rogъ] and Lith. *rãgas*, Latv. *rags*, OPrus. *ragis*;

– 'hand': ORus. *рука* [ruka], OCS *рѫка* [rǫka], Pol. *ręka* and Lith. *rankà*, Latv. *rùoka*, OPrus. *rancko*;

– which are not common IE terms and do not represent any substratum layer.

The question about traces of contacts of Proto-Baltic and Proto-Slavic tribes with ethnic groups of Western Old Europe remains open, since descendant languages of these ethnic groups (Iberians, Aquitanian peoples, Ligurian peoples etc.) are known very fragmentary. Respectively, the influence of Neolithic farmers substrate upon Proto-Baltic and Proto-Slavic IE dialects remains unclear, unless we consider the original Slavic names for agricultural implements and for crops of the Eastern Mediterranean as this substrate.

Balto-Slavic variants of names for silver are reflected in Vasconic: *zillar*, *zirar*, *zidar*. In other Mediterranean languages, sets of phonemes similar to Old Prussian set are presented, but without *-l-*: Arabian *sarif*, Assyrian *sarpu* etc. [21, p. 104].

Let us note an old borrowing of the lexeme **meri* 'sea' from Proto-Balto-Slavic into Proto-Finnish, and Finnish names for fish into Slavic [35, p. 192–194]. The lexeme *rauta* 'iron', related to the Proto-Slavic **ruda* 'ore, iron ore', the stem of which (applied to metallurgy) is probably included in Sumerian *urud* and Vasconic *urraida* 'copper', borrowed from IE, reached also Finnish and only from Slavic languages. Another trace of Proto-Slavic-Sumerian contacts is seen in Russian *лохань* [lokhan'] ‘tub’ (and also East Slavic and Polish analogs) ~ Sumerian *laḫan gidda* 'long (or heavy) vessel' > Assyrian *laḫannu*, *laḫnu*, Arabian *laqan*, Aramaic *laqnā* 'pelvis, tup' [36, article “лохань”].

Names for salmon and eel had passed to Finno-Ugric from Baltic languages [10, p. 198], compare:

– Lithuanian *lãšis*, Latvian *lasis*, Old Prussian *lasasso* and Finnish *lohi*, Hungarian *lazac*;

– Lithuanian *ungurys*, Old Prussian *angurgis* and Finnish *ankerias*, Hungarian *angolna*.

In Tocharian languages the original Baltic meaning ‘salmon’ turned out to be eventually forgotten: in Tocharian B *laks* means 'fish in general'.

There are probable borrowings from Proto-Slavic IE dialect to Semitic languages:

– Proto-Semitic **gamal*- 'camel'; Middle Arabian جَمَل (*jamal*), Egyptian جمل (*gámal*), Hebrew גמל (*gamál*), Coptic *kamoul* from Proto-Slavic **gomolъ* 'hornless' (related to Russian *комолый*, Polish *gomoły*, Lithuanian *gãmulas* 'hornless'), with Slavic [o] > Semitic [a];

– Aramaic and Hebrew *galgal* 'wheel' from Proro-Slavic *kolo 'wheel' with reduplication, just like in many IE analogs with the meaning ‘wheel’, with Slavic [o] > Semitic [a];

– Arabian زَرَافَة (*zarāfa*) 'giraffe' from the Proto-Slavic **žeravь* 'crane' (Old Slavic *жеравль* [ʒeravl'] – 'big-necked', like *голавль* [golavl'] – 'big-headed).

Following Vasmer, we can note the relation of the Ancient Greek oronym *Καύκασος* 'Caucasus' with the Gothic *hauhs* 'high' and Lithuanian *kaukarà* 'hill' [36, article “Кавказ”].

Let us check traces of cultural proximity between ancestors of Balts and Slavs beyond the basic vocabulary.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

A number of names for horse in Proto-Baltic and Proto-Slavic languages-dialects form a special group of phonetically similar lexemes of Proto-Balto-Slavic subcontinuum, which could semantically flawlessly have been derived from **комолъ* [komolъ] 'hornless' [37]:

– Slavic: Old Russian, Old Slavic *комонь*, *кобыла*, Serbo-Croatian *кòбила*, Czech *kotoň*, *kobyla*, Polish, Low Lusatian *kobyła*;

– Baltic: Old Prussian *camnet* 'horse', Lithuanian *kùmė*, *kumẽlė* 'mare', *kumelỹs*, Latvian *kumeļš* 'foal'.

For people who had domesticated cattle, the absence of horns in two kinds of ungulates – horses and camels – was their essential distinguishing feature.

An alternative hypothesis is that a Wanderwort of eastern Iranian origin had spread around [25, Search: caballus], without explanation of the meaning of the source lexeme:

– Irano-Aryan: Khotan-Saka *kabä* 'horse', Persian کول (*kaval*) 'non-pedigree horse';

– Latin *cabō*, *-ōnis* 'gelding', *caballus* 'horse';

– Ancient Greek *καβάλλης* 'workhorse';

– Celtic: Old Irish *capall*, Old Welsh *cefel*.

The presence of [p] in Old Irish *capall*, existence of the original forms in Iranian, Latin and Ancient Greek and of earlier names of the Altaic origin in Celtic languages indicate that the last group of lexemes were late borrowings from the common Slavic language, after the transition [m] > [b] in Slavic lexemes with the meaning ‘mare’ had already happened.

Let us note also lexemes denoting cattle, which are present in a number of IE languages northeast and southwest of Proto-Balto-Slavs:

– Anatolian: Hittite **guwau-* 'beef';

– Aryan: Old Indian *gāúṣ*, dat. *gávē*, авест. *gāuš* [18, Meaning: cow], Tajik *гов*;

– Slavic: Old Slavic *говѧждь* and other Slavic analogs;

– Baltic: Latvian *gùovs*;

– Armenian *kov* 'cow';

– Germanic: Old High German *chuo* 'cow';

– a separate group with the initial [b]: Greek *βοῦς*; Italic: Umbrian *bum*, Latin *bōs* (borrowed from Oscan-Umbrian); Celtic: Irish *bō* [36, article ”говядо”].

The given data let us assume that IE languages-dialects, areas of which were located in the Balkans and the Eastern Mediterranean (Proto-Slavic and Proto-Baltic languages), were in a tight contact with each other and with languages of the Northern Black Sea region and the Middle East, forming the western (“Proto-Balto-Slavic+”) subcontinuum of the dialect IE continuum.

Words for 'blacksmith', common to Baltic and Slavic languages, such as Old Prussian *autre* 'forge', *wutriis* 'blacksmith' and Middle Bulgarian and Serbian *вътрь*, the kinship of names for ancient metals in Baltic and Slavic, and common early IE specific names for items produced by blacksmiths (for example, sickles) speak in favor of the common origins of Baltic and Slavic blacksmith's terminology [21, p. 106].

Since the base for the formation of the Proto-Balto-Slavic community was the Balkan-Carpathian metallurgical province, in which lead, silver and copper were mined [8], it should be expected that the names for these metals were exported along with the metals themselves to neighboring ethnic groups that did not have these resources. Greatness of the area of distribution of the Proto-Balto-Slavic vocabulary may be associated with the monopoly of the BCMP in the field

of copper trade in the territory from the Northern Black Sea coast to Anatolia in the 5–4 millennia BC. e. [38, p. 62].

The Proto-Baltic term for lead *(*w*)*olow*- (Old Slavic *оловo*, Serbo-Croatian *ȍлово*, Polish *ołów*, High Lusatian *wołoj*, Lithuanian. *álvas*, Old Prussian *alwis* 'lead') spawned the Rhodes *βόλιμος* 'lead' [39] and Ancient Greek βούλλα (βοῦλλα) 'tin' ('κασσίτερος' [40]).

Names for silver in Slavic, Balto-Slavic, Baltic and Germanic languages are considered to have a common southern origin (Indian, from Old Indian *śubhrá*- 'beautiful, light coloured' [41, p. 79] or Semitic [21, p. 104]), the both versions bind areas of Proto-Balts, Proto-Germans and Proto-Slavs to Western Asia. Since the early metallurgy of silver was associated with the extraction of lead from sulfur compounds, where both metals have been met together [21, p. 36], there is reason to believe that Iranian names for lead (Middle Persian *srub*, Tajik сурб, Kurd *sirb*), and Proto-Slavic names for silver are related and derived from the Proto-Slavic name for sulfur (Old Russian *srьra*, Serbian-Church-Slavic *srьra*, Czech *síra*) using the suffixal extension -b- [39].

The common origin of names for silver and sulfur can be also seen comparing Old English *seolfor*, *sylfur*, Gothic *silubr* ‘silver’ with Sanskrit *śulbāri*, Old Latin *sulpur* ‘sulfur’.

V.V. Ivanov highlights the similarity of not only consonantism, but also of vocalism of Balto-Slavic forms with the late Anatolian forms such as Lydian *Σιβρος αργυρεος*, however, without giving any conclusion about the direction of the spread of this migration term [21, p. 104].

Ancient Greek terms of blacksmith craft, names for copper (*χαλκός* / Cretan *καυχός*), steel (*χάλυψ*, Ivanov writes about the relation of *χαλκός* and *χάλυψ*, however, he derives both names from the Hatti **haflki* [21, p. 98] > *ḫapalki*) and broken rock (χάλιξ) have Baltic etymology (compare Lithuanian *kalt*i / *kaut*i 'to beat, to forge' with *χαλκός* / *καυχός* 'copper') [42]. All these Greek names refer to different materials, the only thing that semantically unites them is corresponding technologies associated with hits (forging, splitting).

Baltic names for copper differ from Slavic ones due to the peculiarities of the division of labor in the BCMP: the places of copper ore mining and copper smelting did not coincide [43, p. 138–139]. Hence, a special group of original Baltic names for copper with the semantics of “meltness” [44, p. 48–50]: Old Prussian *wargien*, Lithuanian *varis* and Latvian *varš* – Proto-Balts were associated with copper smelting.

The monopoly of the BCMP (from the Northern Black Sea region to the Eastern Mediterranean), already mentioned above, leads to a suggestion that Hittite-Luwian names for copper *kuwanna* / *kuwanza* and the Ancient Greek *κύανος* 'azurite' have been derived from the lexeme **kovati* 'to forge' (compare with the Old Saxonian *hauwan* 'to forge', compare also with Novgorod *ковъ* [kov] 'copper'), and not vice versa.

The most common western name for bronze may also have a Proto-Slavic source:

– either the onomatopoeic **brę*-/**brǫ* (from which Russian-Church-Slavic *брѧцати*, Polish *brząkać* "to clink, to clangor", brzęczeć “to buzz” were derived); toponym *Βρεντέσιον* ‘Brindisi’ (13th century BC) of the Illyrian origin, famous for its bronze workshops (from which Persian *birinǰ* 'copper' were derived [36, article “бронза”]), can be interpreted in this case as 'clinking', remember also Venetian *Τεργέστε* 'Trieste' = Old Slavic тръговиште 'marketplace';

– or extension of the root **bronъ*- with the semantics 'protection, armor' with the unproductive suffix -*z*-, like in *гомза*, *грымза*, *лобзать*, *ломзить*, *верзила*; *бронза* and *броня* are connected in this case semantically like *латунь* and *латы*;

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

– or the same, but through Luwian-Sardinian mediation: **бронъ-* > Luwian *brunza (like *кованъ* > Luwian *kuwanza* 'copper', but not vice versa, contrary to [45, p. 172]) > Sardinian *brunzu* 'copper'.

Lithuanian has preserved the original name of bronze. It was derived from Lithuanian *varis* 'copper' – *žalvaris* (lit. 'green copper'), which is semantically identical to Chinese *qīng tóng* 'green copper' [46].

Similarity of meanings and pronunciation of the following Ancient Greek and Lithuanian lexemes is also intriguing:

– between Lithuanian *laumė* 'witch' and Ancient Greek *Λάμια* 'Lamia, a monster in the form of a woman who sucks blood from people and devours them';

– between Lithuanian *laimė*, Latvian *laime* 'fortune, happiness' and Ancient Greek *λαιμός* 'throat'.

There are also toponymic evidences of the ancient presence of Proto-Balts and Proto-Slavs in the Eastern Mediterranean.

Ancient Greek toponym *Κύπρος* probably goes back to Proto-Slavic **kypeti* 'to boil, to foam' (Old Slavic *кыпѣти*, Czech *kypěti* 'to boil', *Cyprus* – 'foaming' is like Rus. *зубр* – 'toothy' < Rus. *зуб* 'tooth': let us recall the myth of the birth of Aphrodite (*Ἀφροδίτη-Κύπρις*) from sea foam in Cyprus [42], Ancient Greek *Ἀφροδίτη* < *ἀφρός* 'foam'). The names of the islands of Lesvos and Rhodes could also have been derived from the Proto-Slavic [5, p. 92; 42].

The Lemnos Island (Ancient Greek *Λῆμνος*) < **lom-*/**lem-* (from which also Russian *ломань* 'something beaten, broken', Polish *lemięż*, Bulg. *лемéн* 'ploughshare' were derived), can also be added to the list of Proto-Slavic toponyms, since it had likely got its name because of the broken coastline. The etymology from Phoenician *lbn*, from Proto-Semitic **laban-* 'white' [25, Search: *Λῆμνος*], does not fit, since the island is composed of dark volcanic rocks.

For Thracian and Slavic traces in the Scythian lexicon, see [3, p. 68–144], for Proto-Baltic traces in the Prakartvelian lexicon see [3, p. 150–152]. For traces of contacts between Proto-Balto-Slavs and Hittites, see [47, p. 3–28].

The theonym *Mercurius* can also witness contacts of Proto-Slavs with Proto-Italics. Dumézil writes that its origin is unclear – [u] in *Mercurius* is confirmed outside Rome (the inscriptions *Mirikui*, *mercui* are also known), but in Roman Latin, there is only the stem *merx*. Hence the hypothesis that Romans had borrowed the name of this god [48, p. 579]. *Mercurius* 'Mercury', which was derived, according to Harper, "from merx "merchandise"... or perhaps from Etruscan and influenced by *merx*" [22, Search: Mercury], has a clear Slavic etymology. It is related to *мерек* [merek] 'ghost', *меркнуть* [merknut'] 'to darken', *мерекаю* [merekaju] 'I ponder', *морокую* [morokuju] 'I think', *мерцать* 'to flicker' (which is applicable to both mercury and the planet Mercury) – hence the Italic root **merk-*, and the Latin *merx* 'to trade'. Suffix extension can be either Slavic (like in Rus. *кожура* [koʒura]) or Latin (like in *centuria*).

Thus, Proto-Balto-Slavic subcontinuum was in contact with the Proto-Indo-Aryans, Proto-Anatolians, Proto-Italics, ancestors of Basques, Finns and non-IE ethnic groups of the Middle East.

Contacts between Indo-Aryan, Italic, Ancient Greek and Celtic proto-languages.

It is worth paying some attention to contacts between dialects of different subcontinua.

The contacts between Proto-Indo-Aryans and the Proto-Italics are manifested mainly in theonyms.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Latin *Neptunus* and Old Irish *Nechtan* with the similar meaning [48, a footnote at p. 519], [49, p. 25] ~ Sanskrit *Apām Napāt* ‘son of waters’, the latter is a vedic deity of water and fire (hence also Persian نفت (naft) and Rus. *нефть* ‘rock-oil’), Avestan *Apąm Napāt* ‘descendant of waters’, the spirit of water. The acquaintance of ancestors of Aryans and Italics with oil probably took place in the North Caucasus, between the Black and Caspian Seas, where oil is readily available.

An alternative etymology directly from IE **nebh-* ‘wet’ does not cancel the mentioned contact between the ancestors of Aryans and Italics, adding to them ancestors of Anatolians and ancestors of Germans, who preserved this root and its original meaning, living in the neighborhood in Transcaucasia. Still the meaning 'descendant of waters' looks more logical, since Latin Neptune is similar to Ancient Greek Poseidon (Ancient Greek *Ποσειδῶν*, Dorian *Ποτειδᾶν*, 'lord of waters/rivers' from Old Indian *páti* 'master' and *dānu* “water, river”), which is more likely to be connected with the notion of power of water rather than with the notion of wetness.

In Sanskrit, Heavenly Father is द्यौष्पितृ (*dyauṣ-pitṛ*), whence both Ancient Greek *Ζεύς* ‘Zeus’ and Latin *Iūpiter* 'Jupiter’ derived. Not from a Greek or Latin prototype with the meaning ‘father’, since in the roots of these prototypes there is stressed [a], but not actual [ɪ].

We can also bring the Latin and Indo-Aryan names for eagle together: compare Latin *aquila* and Sanskrit चिल्लि (*cilli*) > Hindi चील (*cīl*), with the correspondence of Latin [kʷ] ~ Old Indian [t͡ʃ], like in Latin *quattuor* 'four' ~ Ancient Indian *catúr-* 'four'.

Mythical Rhadamanthus (Ancient Greek *Ῥαδάμανθυς* – see a suggested etymology from Sanskrit below) lived in Crete, whose Latin name *Crēta* coincides with Latin *crēta* 'elevated'.

As to Greeks, borrowing the lexeme meaning 'island' indicates the remoteness of ancestors of Greeks from seas and their proximity to Celtic ancestors: comparison of Ancient Greek *νῆσος* 'island' (Dorian *νᾶσος*) with the Breton *enez*, Irish *inis* and Welsh *ynys* 'island' testifies to a Celtic source of the Ancient Greek lexeme – in original Greek words, the intervocalic IE consonant [s] should have disappeared. This is also evidenced by the absence of the original name for 'sea' in Greek: Ancient Greek *θαλασσα* is considered the trace of a substrate, which, in its turn, is phonetically close to Old Irish *talam* 'earth', Ancient Indian *talam* 'plain' and to Altaic words with meanings 'open space, open sea' [18, Russ. meaning: земля], for example, the Mongolian *далай* [dalaj] 'sea', the Buryat *тала* [tala] 'steppe' (as to semantic shift 'land' ~ 'water', compare Russian *прогалина* [progalina] 'glade' and *голомень* [golomen'] 'open sea', both with the root *гол-/гал-*). Ancestors of Greeks could be in contact with ancestors of Celts in the center of the IE dialect area, i. e., to the north of the Caucasus.

The Latin name for copper, *aes Cyprium*, is associated with a copper deposit in Cyprus, which does not allow us to consider Latins as autochthonous people of the Apennines, for whom the Balkans would be the closest source of copper. The first part of the name, *aes* 'copper, bronze', is phonetically close to Sanskrit अयस् (*áyas*) ‘copper, bronze' and Gothic ᚨᛁᛉ (*aiz*) 'copper, bronze', which corresponds to imaging of the relations "Sanskrit-Latin-Gothic" of basic vocabularies in the fig.

Contacts between Irano-Aryan and Germanic languages.

These connections are of particular interest, in connection with the well-established belief about the absence of direct contacts between ancestors of Germans and ancestors of Irano-Arians.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

According to Kuzmenko, “the absence of exclusive Germanic-Iranian innovations indicates that Iranians were not direct neighbors of Germans, although Zebold assumes a period of Germanic-Iranian (Scythian) neighborhood, which, however, should be attributed only to the beginning of our era, when the common Germanic language had already disintegrated” [9, p. 93]. In our case, we mean the Proto-Germanic-Iranian neighborhood, related to the first half of the 1st millennium BC, and which could take place in the Transcaucasia and east to the Caspian Sea, that is, in the same place as the neighborhood with the Altaics.

Irano-Aryan languages, early separated from the Indo-Aryan ones, and Germanic languages demonstrate the following common features:

– Only Germans and Persians have dental suffixes for formation of past tense forms of verbs;

– Germans have "-n-" in one of the forms for plural, the same is in Persian and Semitic languages, and this feature is absent in other European languages;

– Germans have "-n-" in the suffix of infinitive, like in Hittite, Ancient Greek and Persian, and this feature is absent in other European languages.

There are also traces of lexical exchange between Germanic and Indo-Iranian languages, I will give a number of examples of lexemes with unclear etymologies, according to [22]:

– *anger* 'suffering', later – 'anger' (from Old Norwegian *angr* 'upset, regret') – Avestan *angra-* 'destructive, evil';

– *bad* – Iranian: Yaghnobi, Pashto *bad*, Kurdish *bed*, Talysh *bâd*, Old Persian and Armenian *vat* 'bad';

– *better* – Farsi *behtar* 'better';

– *best* – Farsi *behest* 'paradise (the best world)';

– *burden* (Old English *byrðen* 'load, weight, duty', Old Norwegian *byrðr*, Gothic *baurþei*) – Tajik бурдан [burdan] 'to carry';

– *steer* (Old English steor) – Avestan *staora-* “cattle”, Kurdish *stro*, Pashto *sutur* “bull”;

– *bag* (Old English *bagge*, not found in other Germanic) – Old Indian *bhaga* 'share, happiness, property', compare the Russian parallel *торба* [torba] 'bag' и *тороватый* [torovatɨj] 'lucky';

– *path* (Old English *paþ*, *pæþ* 'path') – Avestan *patha* 'path';

– German *Höhe* "height" (Old Saxonian, Old High German *hoh*, Gothic *hauhs* 'high' – Ossetian *хох* [khokh] and Tajik *кух* [kukh] 'mountain';

– Swedish *kvarn*, Islandic *kvörn*, Old English *cweorn* – Ossetian *куырой* [kwɨroj] (all meaning 'mill').

Traces of contacts between Germans and Scythians (are believed to be an Iranian-speaking group of tribes) are suggested by V.I. Abaev who derives the name of a Scythian tribe *Σκύθης*, which invaded Asia Minor, from the Germanic form **skut* ‘shooter, to shoot’ [50, p. 25]. We also believe that Scythian-Germanic contacts took place precisely in the vicinity of the Caspian Sea, including the Transcaucasia.

The listed peculiarities correspond to the ancestral area of Germans, i. e., people who spoke Proto-Germanic language, between ancestors of Irano-Aryans and Semitic peoples. That is, in the area, in where historians placed Germani, Aryans-Medes (Herodotus), Uti and Guti – counterparts of the actual Germans-Tungri, Harii (Tacitus), Jutes and Goths (the latter people called themselves *gut-thiuda*, and their language – *tugga* [tuŋga]).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

North Black Sea region – Asia Minor: migration of "Proto-Indo-Hittites".

Temarunda, the "Scythian" name of the Sea of Azov, given by Pliny the elder, at first sight, contains the root of the Hittite lexeme 'sea'. However, according to Trubachev, the Pliny's *Temarunda* could be given to the Sea of Azov only by Sindi and Maeotians. He read this name, which was considered unclear until that, as **tem-arun-da* 'nurse of the Black Sea'. He saw a correspondence to **tem-* in Old Indian *tamas* 'darkness', a correspondence to **arun-* in Old Indian *arna-* 'abyss' and Hittite *aruna-* 'sea', but the combination **tem-arun-* 'black, dark sea' was recognized by him as "exclusively Indo-Aryan, Proto-Indian (in Iranian, 'sea' has a different designation, and in Hittite, dark color has a different designation). We will explain the final *-da* by the IE **dhe-* 'to breastfeed', known in various Indo-European languages, compare, for example, Kurdish *da* 'mother'" [41, p. 69].

Hittite traces in the Northern Black Sea region are not limited to the name of the Sea of Azov. O.N. Trubachev notes the following "Hittite-North-Pontic isoglosses, for example, *Antissa*, compare the Hittite *hantezziia-* 'first, front', *Артек* [artek], compare the Hittite *hartagga-* 'bear' (compare with the Turkic name *Аюдаг* [ajudag] 'Bear mountain', mentioned by the author above, – my note, G.T.), the component *-σαρα* in final of Bosporian female personal proper names and the analogical *-šar*(*a*) in Hittite names for women" and "Hittite *ḫaššušara* 'queen', *išḫaššara* 'mistress', Middle Sindi *Καμασαρυη*" [41, p. 71]. The author rightly asserts that the Greek name of the bear has nothing to do with Artek just like the Indian one, but he did not dare to consider it Hittite in origin. The "bear" traces of Hittites are found from the Taurida to the Balkans: a place in the Taurica *Ψευδαρτάκη* "false Artaka" (in Partenit, modern Artek), further – to a Thracian tribe near Nikopol on Istra Ἀρτάκιοι, to a Pelasgian city on the Dardanelles *Ἀρτάκη*, to a Pelasgian city and mountain *Ἀρτάκη* on the Cyzicus peninsula in Asia Minor [1, p. 74].

The disagreement could be resolved if it was assumed that the R1a dialects of the IE continuum were not differentiated by the 3rd millennium BC to a degree that there could be well distinguishable Proto-Aryan and Proto-Anatolian languages. In other words, the hydronym *Temarunda* could have been produced by this undivided community. The isolation of the Anatolian group of languages from it, most likely, occurred in Anatolia itself, where the "Indo-Hittites" (Pelasgians?) entered into contact with speakers of non-IE languages of Anatolia and Transcaucasia and split into Anatolians (in Asia Minor) and Aryans Mitanni (in Transcaucasia). This explains, in particular, the form of the Hittite toponym *Purushanda* clearly related to the Sanskrit *puruṣatā* 'masculinity' and *Puruṣa*, the name of the divine spirit.

A specific group of lexemes for 'horse' also indicates close contacts between Anatolians and Aryans, whose names for horse are very similar, compare:

– Anatolian: Hittite *aś*(*u*)*was*, Luwian cuneiform *azzuwas*;

– Aryan: Ancient Indian *áśva-* m., *áśvā* fem., Avestan *aspa-* m., *aspā* fem., Ancient Persian *asa-*.

Names for 'horse' related to the above ones were borrowed into some Caucasian languages and IE dialects of Eastern and Southern subcontinua (with greater phonetic distortion):

– Hurrian *eššе* 'horse' > North Caucasian: Kabardian *шы* (šə), Abkhazian *аҽы* (āčə), Lezgin *шив* (šiv), Karata *ичва* (ičʷa) 'mare';

– Old Armenian *ēš* 'donkey';

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

– farther – Italic: Latin *equus* m., *equa* fem.; Tocharian: A *yuk*, B *yakwe*; Ancient Greek *ἵππος*, dialect *ἴκκος*; Celtic: Old Irish *ech*, Old Welsh *eb*; Germanic: Old English *eoh*, Old High German *eha-*, Old Norwegian *jōr*, *ehwu* (runic);

in Western subcontinuum, they reached only the ancestor of Lithuanian, which had contacts in Asia Minor:

– Lithuanian *ašvà* 'mare', dialect *ešvà*.

The starting point of "Indo-Hittite" migrations to West Asia and India was in Northern Black Sea region, artifacts of Indo-Aryan origin, dating back to the 3rd millennium BC, are being found in the catacomb sites of the Northern Black Sea region and the Ciscaucasia [2, Ch. II].

The migration of "Indo-Hittites" to Asia Minor could have taken place using two paths: a) through the Caucasus and b) through the Balkans and islands of the Eastern Mediterranean.

Using the first way Aryans could come to the kingdom of Mitanni [8, p. 242], entering into interaction with native speakers of Caucasian languages, especially, of its western part (with Abkhazian-Adyghe and Georgian-Zan vocabularies) [3, p. 208–209, 215–216].

The second way, through the Balkans and the islands, left traces, besides the "bear-mentioning" Hittite ones (see above), in the form of the names of two mythical Cretan brothers:

– *Ῥαδάμανθυς* 'smb planning success?' – compare Sanskrit *rādha-* 'prosperity, success' and *máti* 'thought, mind, intention, memory' < *man* 'to think' (compare also related Ancient Greek *μανθάνω* 'to learn, to understand'); the myth of Rhadamanthus says that he gave Crete the laws;

– *Σαρπηδών* 'snake tooth?' – compare Sanskrit *sarpá-* 'snake' and *dán* 'tooth'; the myth of Sarpedon says that he fled from Crete to future Lycia (west of Asia Minor), where they started speaking Lycian, the language of the Anatolian group: this is the mythological reflection of the transformation of Proto-Indo-Hittites into Proto-Anatolians.

From Asia Minor – to Southern Europe: migration of "Proto-Celto-Italics".

Some toponymic and historical evidence prompt direction of migrations of some ancestors of Italics, see for more details [51, p. 274–275]:

– the capital of Lydia Sardis (Ancient Greek Ionic *Σάρδεις*) and the island of Sardinia (ancient Greek *Σαρδώ*, the inhabitants are Sardis people) may be related to the Sherden people (Šrdn), one of Sea Peoples; the northern Sardis people are close to the P-dialects (with *limba* for 'language'), the southern ones are close to the Q-dialects (with *lingua* for 'language');

– toponyms Sagalassos (*Σαγαλασσός*) in Pisidia and Sicilia (the inhabitants are Sicules) can be related to the Shekelesh people (Šqrš), another one of Sea Peoples; the language of Sicules, according to Terence Varro in De lingua latina, was almost the same as Latin;

– Romans considered themselves descendants of Trojans who fled from burnt Troy, their patrician clans tracing their origin from Aeneas, a Trojan hero;

– according to Herodotus, the name of the Thracian tribe *Bryges* (*Βρίγες*) had changed after their migration to Asia into *Φρύγες* – this corresponds to Italic innovation *bh- > (β-) > f-.

Proto-Celto-Goidel migrations were, perhaps, only evidenced by the semi-mythological "The book of the taking of Ireland" [52] (or "The Book of Invasions"): Maeotian swamp, Scythia, Egypt, Crete, Sicily, Tyrrhenian Sea, Spain, Ireland. As for the ancetral home of Goidels, they came from the mountains of Armenia where they were called Iberians [52, p. 48, 49]. Despite the understandable distrust of historians to this source, its information correlates both with celtogenesis near the Caucasus, according to the results of our study, and with historical

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

Celtiberians in the Pyrenees. Ancestors of the P-Celts, judging by the Britt name of the Apennine Peninsula (from *pen* 'peak'), came to Europe by the similar route (just like P-Italics: Oscan and Umbric people).

From the Eastern Mediterranean – to North of Europe: migration of "Proto-Balto-Slavs".

Venetian *Τεργέστε* 'Trieste' relates to Proto-Slavic **Тржиште* (compare Serbian *тржиште* [trʒɨʃte], Old Slavic *тръговиште* [trъgoviʃte] 'marketplace', Russian toponym *Торжок* [torʒok] 'small marketplace'); Etruscan FELIMA (*velzna*) 'Bologna' relates to Latvian *valgs, valgans*, dialect *vęlgs* 'wet', similarly Latin *Bolonia* 'Bologna' relates to Old Russian *болонье* [boloŋje] 'floodplain' (in connection with the floods of the Reno River, flooding the lowlands), Latin *Reno* 'Reno' obviously relates to Old Russian *рень* 'shallow' (compare with Boulogne and Rhine (Lat. Rhēnus) with the same etymologies / similar properties), Ancient Greek *Ἴστρος* 'lower course of the Danube' relates to Baltic names of rivers, settlements in the north of Eastern Europe etc. [53, p. 117–118]. Just as the "bearish" toponyms and ethnonyms of Proto-Hittites marked the routes of their migration from the Northern Black Sea region to Anatolia (see above), the above toponyms show the direction of migration of Proto-Balto-Slavs: from the Eastern Mediterranean to the north of Europe.

There are reasons to believe that the Scandinavian Bronze Age at the beginning of the 2nd millennium BC with the same themes of products, but with better quality than the synchronous products in the south of Europe, is associated with migrations of Proto-Slavs to the north of Europe [6].

Conclusion. The hypothesis of IE dialect continuum in Circum-Pontic region at the time of Early Bronze and the relevant linguistic data (Swadesh lists, especially – lexemes meaning 'ice', 'horn', 'hand (palm)', plus lexemes with the meanings: 'predator (bear, lion, etc.)', 'cattle (bull, ox)') permit to identify in the supposed IE dialect continuum the core of four proto-dialects with noticeable amounts of pairs of understandable basic lexemes – Proto-Baltic, Proto-Slavic, Proto-Aryan and Proto-Italic – and four partially superimposed dialect subcontinua:

– Balto-Greco-Aryo-Tocharo-Anatolian subcontinuum – to the north of the Black and Caspian Seas and the Caucasus, neighboring with Uralic and Altaic languages;

– Tocharo-Celto-German subcontinuum – to the north, east and south of the Caspian sea, neighboring with Uralic, Altaic and Austronesian languages;

– Germano-Celto-Italo-Greco-Armeno-Baltic subcontinuum – in the Caucasus and in the Transcaucasia, to the south of the Black and Caspian Seas, neighboring with Afro-Asiatic and Austronesian languages;

– Balto-Slavo-Italo-Aryan subcontinuum – in the Balkans and the Eastern Mediterranean, neighboring with Finno-Ugric and Semitic languages (the issue about Old European neighboring languages and/or substratum of Old Europe remains uncertain).

The location of the area of "Proto-Balto-Slavic+" subcontinuum is attached to the former Balkan-Carpathian Metallurgical Province, i. e., to the area from the Carpathians to the Eastern Mediterranean, and this is the western periphery of the IE dialect continuum area and the source of some linguistical influence for the nearest speakers of the continuum, judging upon the data of figure and terms of mining and metallurgy. This is a more or less reliable benchmark. Above, we also came to the conclusion that the "Proto-Balto-Slavic+" subcontinuum was adjacent to the "Proto-Aryan+" one in the northeast, and to the "Proto-Italic+" subcontinuum of the IE dialect

continuum in the southeast. The intermediate location of Proto-Balto-Slavs between Proto-Aryans and Proto-Italics resulted, for example, in names for cattle / bulls:

– Hitt. **guwau-* 'beef' [18, Meaning: cow];
– OInd. *gāúṣ*, Avest. *gāuš*;
– OCS *говѧждь*; *тоуръ*;
– Latav. *gùovs*; Lith. *taũras*;
– Lat. *taurus*.

To clarify the relative position of Proto-Celts, Proto-Germans and Proto-Italics of the southern subcontinuum and Proto-Balts and Proto-Slavs of the western subcontinuum, let us use the data of the analysis made by Yu.K. Kuzmenko. Under ‘lived’ below we will understand ‘settled’ and/or 'roamed'.

Since the Slavo-Germanic innovations are less in number than the Balto-Germanic ones, and all the Slavo-Germanic innovations are present in Baltic languages, while Baltic languages have a number of innovations common with Germanic languages, which are absent in Slavic [9, p. 97–98], the ancestors of Balts lived for a long time between the ancestors of Germans and the ancestors of Slavs (which corresponds to figure).

Since the Celto-Germanic innovations are less in number than the Italo-Germanic ones, and all the Celto-Germanic innovations have analogs in Italic languages, while Italic languages have a number of innovations common with Germanic languages, which are absent in Celtic [9, p. 97–98], the ancestors of Italics lived for a considerable time between the ancestors of Germans and the ancestors of Celts (and this corresponds to figure as well).

Since Proto-Celts, having contacts with the Proto-Italics, adopted part of the Uralic and Altaic vocabulary, the ancestors of the Celts should have lived in the wide area from Asia Minor to the southeast coast of the Caspian Sea south of the ancestors of Italics, including the vicinity of Mesopotamia.

To the northeast of “Proto-Balto-Slavic+” subcontinuum, there was the area of native speakers of “Proto-Aryan+” subcontinuum. The Proto-Aryan language was the language of nomadic pastoralists [54, p. 275 ff], in contrast to the language of Proto-Slavs with a developed complex of agricultural terminology. Judging by the above-described features (morphological traces in the pre-Greek substrate, toponyms, ethnonyms, names of mythological characters), one of the migration routes of “Indo-Hittites” to Anatolia passed through the BCMP (what probably led to the crisis and disintegration of the province). Proto-Irano-Aryans, occupying the vacated space, came into contact with the Finno-Ugrians in the second half of the 2nd millennium BC [8, p. 241–242], what suggests the following structure of the northern subcontinuum: Proto-Indo-Aryans and Proto-Anatolians (closer to the north and west), Proto-Iranian-Aryans and Proto-Tocharians (closer to the south and east).

At this stage it is clear that Proto-Tocharians and Proto-Irano-Aryans in the Early Bronze Age lived farther to the east / northeast from Proto-Slavs than other proto-ethnic groups.

At the eastern periphery of the IE dialect continuum, the “Proto-North-Germanic+” subcontinuum is located. German component of this subcontinuum differs from that of the southern subcontinuum by a greater share of eastern borrowings remaining in English and Scandinavian languages, in particular, Altaic names for 'horse'. The remoteness from

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

the consolidating influence of the CPMP delayed the structurization of this part of IE continuum, as a result of what, on the eastern periphery, the interactions of Proto-Iranian, Proto-Germanic, Proto-Celtic and Proto-Tocharian dialects with each other and with the Altaic and Proto-Finno-Ugric dialects remained.

The proposed geography of IE dialect continuum is supported by the fact that traces of contacts between opposite peripheral subcontinua are observed only in the meridional direction. This best corresponds to the IE area around and between the Black and Caspian Seas with early contacts between the Proto-Aryans and Proto-Greeks, Proto-Celts and Proto-Italics to the north and south of the Caucasus, and to the absence of early contacts between Proto-Germans and Proto-Slavs.

In the 2nd millennium BC, crisis phenomena in the CPMP occurred, and many ethnic groups started to move. A significant part of Proto-Slavs and Proto-Balts migrated to the north and west of Europe (Veneti, Wends, Ruthenians), displaced by the ancestors of the Greeks, Celts and Italics. As a result of the departure of the bronze masters to the north in northern Europe, the Scandinavian Bronze Age began with the same themes of products, but with better quality than synchronous products in the south of Europe [55, p. 79, 97].

Probably, this was the time of the final of the Multi-Cordoned Ware culture (22nd–18th centuries BC), the inhabitants of which, having mastered the light horse chariot, dispersed at the beginning of the 2nd millennium BC in three directions: eastern direction – towards South Ural, India, Iran and, possibly, North China; western direction – to Balkans, Greece, Asia Minor, and the southern one – to the Near East: Anatolia, Mitanni, to the Arabian Peninsula [13, p. 147]. Indo-Aryans came to India, Mycenaeans came to Hellas [2, Ch. VII], Hurrians began expansion to the southwest (which coincides in time with the invasion of the Hyksos into Egypt: the capital of the Hyksos *Avaris* < Hurrian *awari* 'field'?).

The ancestors of Germans came to Europe last, in the course of the Scythian-Sarmatian expansion, settling between Balto-Slavs on the one side, and Celts on the other side (bringing with them specific names for horses) [6; 56].

As a result of all this restructuring, the transformation of IE dialect continuum into a common IE proto-language had not been completed. This is a reason, in particular, of the absence of a common paradigm of declension, which A.V. Desnitskya writes about [57, p. 76], and of the doubts about the necessity of the hypothesis of a common IE proto-language, the divergence of which could lead to the observed set of IE languages [58, p. 65 ff]. Ethnic groups, occupying new habitats, were substrate-influenced by the aborigines, partially mixed with each other, created statehood, and as a result, IE languages close to the modern ones appeared.

The representation of the Proto-Indo-European areal in the form of a dialect continuum solves a number of difficulties inherent in the most common model of a single original IE proto-language. Due to the initial extension of the areal (the area between the Alps and the Urals, the Middle East and the forest zone of Europe), attempts to find common Indo-European nature terms are doomed to failure. The IE languages were appearing, on the one hand, as a result of convergent phenomena in the IE dialect continuum due to cooperation, and on the other hand, as a result of divergence of the languages due to loss of contacts of their native speakers with each other, and interactions of the IE dialects with various substrates during migrations in various directions.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

REFERENCES

1. Kozintsev, A.G. (2018), "Southern Adstratum in Proto-Indo-European and the Earliest Stage of Indo-European History", *Etnografia*, no. 1, pp. 143–174. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-143-174.

2. Klein, L.S. (2007), *Drevnie migratsii I proiskhozhdenie indoevropeiskikh narodov* [Ancient migrations and the origin of Indo-European peoples], available at: http://crimeanbook.com/blog/wp-content/uploads/downloads/2014/04/Klejn_2007.pdf (accessed 28.06.2021).

3. Shaposhnikov, A.K. (2007), "Linguistical antiquities of the Northern Black Sea region. (Etymology of linguistic relicts of the Northern Black Sea region)]", Dr. Sci. (Philology) Thesis, RLI RAS, Moscow, RUS.

4. D'yakonov, I.M. (1982), "On the ancestral home of Indo-European dialects", *Vestnik drevnei istorii* [Herald of ancient history], no. 3 (161), pp. 3–30.

5. Trubachev, O.N. (2003), *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of ancient Slavs. Linguistic research], Nauka, Moscow, RUS.

6. Telezhko, G.M. (2020), "Ethnogenesis of slavs in Eastern Mediterranean (according to linguistic evidence)", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 3 (71), available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/9087 (accessed 28.06.2021).

7. Parpola, A. (2013), "Formation of the Indo-European and Uralic (Finno-Ugric) language families in the light of archaeology: Revised and integrated 'total' correlations", *Linguistic map of prehistoric north Europe*, in Grünthal, R. and Kallio, P. (eds.), Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki, pp. 119–184.

8. Napol'skikh, V.V. (2010), "Uralo-Aryan relations: the history of researches, new solutions and problems]", *Indoevropeiskaya istoriya v svete novykh issledovanii: sb. nauch. st.* [Indo-European history in the light of new researches: collection of scientific articles], Izd-vo MGOU, Moscow, RUS, pp. 231–244.

9. Kuz'menko, Yu.K. (2011), *Rannie germantsy i ikh sosedi: lingvistika, arkheologiya, genetika* [Early Germans and their neighbors: linguistics, archaeology, genetics], Nestor-Istoriya, SPb., RUS.

10. Napol'skikh, V.V. (2002), "Prehistory of the peoples of the Uralic language family*", Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7-mi t. T. 1. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti* [History of the Tatars from ancient times, in 7 vol. Vol. 1. Peoples of the steppe Eurasia in antiquity], in Usmanov, M. and Khakimov, R. (eds.), Rukhiyat, Kazan', RUS, pp. 195–203.

11. Napol'skikh, V.V. and Engovatova, A.V. (2000), "Symposium "Contacts between Indo-European and Uralic languages speakers in Neolith, Eneolith and Bronze Age (7000–1000 BC) in the light of linguistic and archaeological data" (Tvärminne, 1999)", *Rossiiskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 224–232.

12. Chernykh, E.N. (1987), "Proto-Indo-Europeans in the system of Circum-Pontic Province", *Antichnaya Balkanistika* [Antique Balkanism], in Gindin, L.A (ed.), Nauka, Moscow, USSR, pp. 136–147.

13. Klyosov, A.A. (2016), "Migrations of the Aryans in Light of DNA Genealogy", *Historical format*, no. 2, RUS, pp. 127–156.

14. Pešić, R. (2010), *Vinčansko pismo i drugi gramatološki ogledi, 6 izd.,* "DEDKOFF" Publishing House, Krasnodar, RUS.

15. Anthony, D. and Ringe, D. (2015), "The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives", *Annual Review of Linguistics*, no. 1, pp. 199–219. DOI: 10.1146/annurev-linguist-030514-124812.

16. Telezhko, G.M. (2017), "On the semantics of the Proto-Indo-European name for bear", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 6 (40), available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4905 (accessed 19.05.2021).

17. Klejn, L.S. (2000), "Migration of Tokharians in the Light of Archaeological Data", *Stratum plus*, no. 2, pp. 178–187.

18. "Indo-European etymology", *The Global Lexicostatistical Database*, available at: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0 (accessed 27.06.2021).

19. Klimov, G.A. (1994), "Kartvelian *USX(O)- 'sacrificial bull' ~ Indo-European *UKS-ON-", *Etimologiya 1991–1993*, in Varbot, Zh.Zh., Gindin, L.A., Klimov, G.A. and etc. (eds.), Moscow, Nauka, RUS, pp. 154–158.

20. Mikhailova, T.A. (2007), “Macc, cailin and ceile – an Altaic element in Celtic?”, *The Celtic Languages in Contact, Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies*, Bonn, DEU, pp. 4–24.

21. Ivanov, V.V. (1983), *Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvanii metallov* [History of Slavic and Balkan names of metals], Nauka, Moscow, USSR.

22. Harper, D., *Online Etymology Dictionary*, available at: https://www.etymonline.com/ (accessed 27.06.2021).

23. “Ἱστορίαι. Βιβλιο Δ: Μελπομένη”, *Ηροδοτοσ*, available at: https://el.wikisource.org/wiki/Ἱστορίαι_(Ηροδότου)/Μελπομένη (accessed 29.06.2021).

24. Telezhko, G.M. (2017), "On the semantics of the Pre-Nostratic name for lion", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 8 (42), available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5066 (accessed 28.05.2021).

25. *Wiktionary*, available at: https://en.wiktionary.org (accessed 28.06.2021).

26. Yakubovich, I. (2009), “Two Armenian Etymologies”, *Caucasian and Near Eastern Studies, XIII, Giorgi Melikishvili memorial vol.,* Logos, Tbilisi, GEO, pp. 266–272.

27. Telezhko, G.M. (2018), “Analysis of names of gold in languages of different ethnoses”, *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 4 (50), available at: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5757 (accessed 28.01.2021).

28. Telezhko, G.M. (2012), *Schet u datchan - bol'shaya strannost'* [Danish counting – a great oddity], available at: https://proza.ru/2012/07/07/994 (accessed 19.05.2021).

29. Starostin, S.A. (1988), “Indo-European – North-Caucasian isoglosses”, *Drevnii Vostok: etnokul'turnye svyazi* [Ancient East: ethno-cultural links], Nauka, Moscow, USSR, pp. 112–163.

30. Wikander, S. (1967), “Maya and Altaic: Is the Maya Group of Languages Related to the Altaic Family?”, *Ethnos*, vol. 32, pp. 141–148. DOI: https://doi.org/10.1080/00141844.1967.9980993.

31. Jeffers, R. (1978), “Old Irish Verbal Nouns”, *Ériu*, vol. 29, pp. 1–12.

32. Telezhko, G.M. (2012), *Schet u gotov I slavyan - malen'kaya strannost'* [Gothic and Slavic counting – a little oddity], available at: https://proza.ru/2012/07/03/40 (accessed 20.05.2021).

33. Laird, A.G. (1906), “The Oscan and Umbrian pumperias”, *Classical Philology*, vol. 1, no. 4, pp. 329–338. DOI: https://doi.org/10.1086/358970.

34. Blazek, V. (2005), “Hic erant leones: Indo-European “lion” et alii”, *J. of IndoEuropean Studies*, vol. 33, no. 1–2, pp. 63–101.

35. Shmelev, D.N. (1961), “Borrowings from the Baltic Finnish languages in the old Russian written monuments”, *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya* [Questions of Slavic linguistics], iss. 5, Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR, pp. 191–199.

36. Vasmer, M. (1986), *Russisches etymologisches Worterbuch*, Transl. by Trubachev, O.N., in Larin, B.A. (ed.), in 4 vol., vol. I–IV. 2nd ed., Progress, Moscow, USSR.

37. Telezhko, G.M. (2017), “Of etymology of names of some species of African fauna”, *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 9 (43), available at: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5132 (accessed 29.01.2020).

38. Chernykh, E.N. (2006), “Philosophy of metal”, *V mire nauki* [In the world of science], no. 7, pp. 62–65.

39. Telezhko, G.M. (2018), "Analysis of names of lead in languages of different ethnoses", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 3 (49), available at: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5617 (accessed 20.05.2021).

40. *Βικιλεξικό*, available at: https://el.wiktionary.org/wiki/βούλλα (accessed 25.05.2021).

41. Trubachev, O.N. (1999), *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* [Indoarica in the Northern Black Sea region], Nauka, Moscow, RUS.

42. Telezhko, G.M. (2018), “The analysis of the names of copper in languages of different ethnoses”, *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 2 (48), available at: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5508 (accessed 20.05.2021).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

43. Chernykh, E.N. (2013), *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira* [Culture of nomads in the megastructure of the Eurasian world], vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.

44. Otkupshchikov, Yu.V. (1989), "Balto-Slavic handicraft vocabulary (names of metals, metallurgy, blacksmithing)", *Slavyane: etnogenez i etnicheskaya istoriya* [Slavs: ethnogenesis and ethnic history], in Gerd, A.S. and Lebedev, G.S. (eds.), Izd-vo LGU, Leningrad, USSR, pp. 44–52.

45. Karabasov, Yu.S., Chernousov, P.I., Korotchenko, N.A. and Golubev, O.V (2011), *Metallurgiya I vremya: entsyclopediya. T. 1. Osnovy professii. Drevnii mir I rannee srednevekov'e* [Metallurgy and time: encyclopedia. Vol. 1. Fundamentals of the profession. Ancient world and early middle ages], MISiS, Moscow, RUS.

46. Telezhko, G.M. (2018), "On the etymology of the Russian name for bronze", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: Electronic Scientific J.*, no. 6 (52), available at: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5973 (accessed 20.05.2021).

47. Ivanov, V.V. (1957), "On the significance of the Hittite language for the comparative historical study of Slavic languages", *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya* [Questions of Slavic linguistics], in Bernshtein, S.B. (ed.), Izd-vo instituta slavyanovedeniya Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR, pp. 3–28.

48. Dumézil, G. (2018), *La Religion Romaine Archaïque*, Transl. by Smolyanskaya, T.I., in Pirvits, F.A. and Sidash, T.G. (eds.), Kvadrivium, SPb., RUS.

49. Dumézil, G. (1975), *Fêtes romaines d' étè et d'automne, suivi par Dix questions romaines*, Gallimard, Paris, FRA.

50. Abaev, V.I. (1965), *Skifo-evropeiskie izoglossy. Na styke Vostoka I Zapada* [Scutho-European isoglosses. On the frontier of East and West], Nauka, GRVL, Moscow, USSR.

51. Telezhko, G.M. (2019), "Analysis of ancient ethnic contacts of ancient italics within the frame of the hypothesis of Indo-European dialect continuum", *Modern Humanities Success*, no. 6, pp. 267–277.

52. Macalister, R.A.S. (1956), *Lebor Gabála Érenn. The book of the taking of Ireland. Part V,* Educational Company of Ireland, LTD, Dublin, IRL.

53. Telezhko, G.M. (2021), "To the Use of Etymological Methods in the Research of the Origin of Slavs", *DISCOURSE*, vol. 7, no. 1, pp. 103−124. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-103-124.

54. Kümmel, M.J. (2017), "Agricultural terms in Indo-Iranian", *Language Dispersal Beyond Farming*, in Robbeets, M. and Savelyev, A. (eds.), John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, NDL, pp. 275–290.

55. Gubanov, I.B. (2013), "Scandinavian bronze from the collection of MAE RAN and historical cultural significance of Scandinavian Bronze Age", *Evropeiskoe kul'turnoe prostranstvo v kollektsiyakh MAE* [European cultural space in the collections of the MAE], MAE RAN, SPb., RUS, pp. 79–99.

56. Telezhko, G.M. (2013), *3. Sledy pragermanskikh migratsii* [3. Traces of Proto-German migrations], available at: https://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/825020.html (accessed 29.06.2021).

57. Desnitskaya, A.V. (1941), "On the imaginary structural unity of Indo-European languages", *Izvestiya Akademii nauk SSSR*, no. 1, pp. 58–78.

58. Trubetskoi, N.S. (1958), "Contemplations about the Indo-European problem", *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], no. 1, pp. 65–77.

Information about the author.

Georgiy M. Telezhko – Can. Sci. (Engineering) (1997), Independent Researcher. The author of 52 scientific publications. Areas of expertise: comparative linguistics, atmospheric physics, relativity theory.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.06.2021; adopted after review 06.09.2021; published online 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козинцев А. Г. Южный адстрат в праиндоевропейском языке и древнейший этап индоевропейской истории // Этнография. 2018. № 1. С. 143–174. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-143-174.

2. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. Санкт-Петербург, 2007. URL: http://crimeanbook.com/blog/wp-content/uploads/downloads/2014/04/Klejn_2007.pdf (дата обращения: 28.06.2021).

3. Шапошников А. К. Языковые древности Северного Причерноморья. (Этимология языковых реликтов Северного Причерноморья): дис. д-ра филол. наук / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2007.

4. Дьяконов И. М. О прародине индоевропейских диалектов // Вестн. древней истории. 1982. № 3 (161). С. 3–30.

5. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003.

6. Тележко Г. М. Этногенез славян в Восточном Средиземноморье (по лингвистическим данным) // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2020. № 3 (71). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/9087 (дата обращения: 28.06.2021).

7. Parpola A. Formation of the Indo-European and Uralic (Finno-Ugric) language families in the light of archaeology: Revised and integrated 'total' correlations // Linguistic map of prehistoric north Europe / R. Grünthal, P. Kallio (eds.). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013. P. 119–184.

8. Напольских В. В. Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований: сб. науч. ст. М.: Изд-во МГОУ, 2010. С. 231–244.

9. Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011.

10. Напольских В. В. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / под ред. М. Усманова, Р. Хакимова. Казань: Рухият, 2002. С. 195–203.

11. Напольских В. В., Энговатова А. В. Симпозиум «Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке (7000–1000 гг. до н. э.) в свете лингвистических и археологических данных» (Твярминне, 1999 г.) // Российская археология. 2000. № 4. С. 224–232.

12. Черных Е. Н. Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции // Античная балканистика / отв. ред. Л. А. Гиндин. М.: Наука, 1987. С. 136–147.

13. Клесов А. А. Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. № 2. С. 127–156.

14. Пешич Р. Винчанское письмо и другие грамматологические очерки. 6-е изд. Краснодар: Изд. дом «ДЕДКОФФ», 2010.

15. Anthony D., Ringe D. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives // Annual Review of Linguistics. 2015. 1. С. 199–219. DOI: 10.1146/annurev-linguist-030514-124812.

16. Тележко Г. М. О семантике индоевропейского названия медведя // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2017. № 6 (40). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4905 (дата обращения: 19.05.2021).

17. Клейн Л. С. Миграция тохаров в свете археологии // Stratum plus. 2000. № 2. С. 178–187.

18. Indo-European etymology // The Global Lexicostatistical Database. URL: http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0 (дата обращения: 27.06.2021).

19. Климов Г. А. Картвельское *USX(O)- 'бык жертвенный' ~ индоевропейское *UKS-ON- // Этимология 1991–1993 / под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина, Г. А. Климова и др. М.: Наука, 1994. С. 154–158.

20. Mikhailova T. A. Macc, cailin and ceile — an Altaic element in Celtic? // The Celtic Languages in Contact. Papers from the Workshop within the Framework of the XIII International Congress of Celtic Studies. Bonn, 2007. P. 4–24.

21. Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.

22. Harper D. Online Etymology Dictionary // URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 27.06.2021).

23. Ἱστορίαι. Βιβλιο Δ: Μελπομένη // Ηροδοτοσ. URL: https://el.wikisource.org/wiki/Ιστορίαι_(Ηροδότου)/Μελπομένη (дата обращения: 29.06.2021).

24. Тележко Г. М. О семантике доностратического названия льва // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2017. № 8 (42). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5066 (дата обращения: 28.05.2021).

25. Wiktionary. URL: https://en.wiktionary.org (дата обращения: 28.06.2021).

26. Yakubovich I. Two Armenian Etymologies // Caucasian and Near Eastern Studies, XIII, Giorgi Melikishvili memorial vol. Tbilisi: Logos, 2009. P. 266–272.

27. Тележко Г. М. Анализ названий золота в языках разных этносов // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2018. № 4 (50). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5757 (дата обращения: 28.01.2021).

28. Тележко Г. М. Счет у датчан – большая странность. 2012. URL: https://proza.ru/2012/07/07/994 (дата обращения: 19.05.2021).

29. Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 112–163.

30. Wikander S. Maya and Altaic: Is the Maya Group of Languages Related to the Altaic Family? // Ethnos. 1967. Vol. 32. P. 141–148. DOI: https://doi.org/10.1080/00141844.1967.9980993.

31. Jeffers R. Old Irish Verbal Nouns //Ériu. 1978. Vol. 29. P. 1–12.

32. Тележко Г. М. Счет у готов и славян – маленькая странность. 2012. URL: https://www.proza.ru/2012/07/03/40 (дата обращения: 20.05.2021).

33. Laird A. G. The Oscan and Umbrian pumperias // Classical Philology. 1906. Vol. 1, № 4. P. 329–338. DOI: https://doi.org/10.1086/358970.

34. Blazek V. Hic erant leones: Indo-European “lion” et alii // J. of IndoEuropean Studies. 2005. Vol. 33, № 1–2. P. 63–101.

35. Шмелев Д. Н. Заимствования из прибалтийскофинских языков в старорусских памятниках письменности // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 191–199.

36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва; под ред. Б. А. Ларина; 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.

37. Тележко Г. М. К этимологии названий некоторых представителей африканской фауны // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2017. № 9 (43). URL: http://7universum.com/ ru/philology/archive/item/5132 (дата обращения: 29.01.2020).

38. Черных Е. Н. Философия металла // В мире науки. 2006. № 7. С. 62–65.

39. Тележко Г. М. Анализ названий свинца в языках разных этносов // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2018. № 3 (49). URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/5617 (дата обращения: 20.05.2021).

40. Βικιλεξικό. URL: https://el.wiktionary.org/wiki/βούλλα (дата обращения: 25.05.2021).

41. Трубачёв О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999.

42. Тележко Г. М. Анализ названий меди в языках разных этносов // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2018. № 2 (48). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5508 (дата обращения: 20.05.2021).

43. Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 124–157
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 124–157

44. Откупщиков Ю. В. Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело) // Славяне: этногенез и этническая история / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 44–52.

45. Металлургия и время: энциклопедия. Т. 1. Основы профессии. Древний мир и раннее средневековье / Ю. С. Карабасов, П. И. Черноусов, Н. А. Коротченко, О. В. Голубев. М.: МИСиС, 2011.

46. Тележко Г. М. К этимологии русского названия бронзы // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2018. № 6 (52). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5973 (дата обращения: 20.05.2021).

47. Иванов В. В. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков // Вопросы славянского языкознания / под ред. С. Б. Бернштейна. М.: Изд-во ин-та славяноведения АН СССР, 1957. С. 3–28.

48. Дюмезиль Ж. Религия Древнего Рима / пер. с фр. Т. И. Смолянской; под ред. Ф. А. Пирвица, Т. Г. Сидаша. СПб.: Квадривиум, 2018.

49. Dumézil G. Fêtes romaines d' étè et d'automne, suivi par Dix questions romaines. Paris: Gallimard, 1975.

50. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, ГРВЛ, 1965.

51. Тележко Г. М. Анализ межэтнических контактов предков латинов в рамках гипотезы ИЕ диалектного континуума // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 6. С. 267–277.

52. Macalister R. A. S. Lebor Gabála Érenn. The book of the taking of Ireland. Part V. Dublin: Educational Company of Ireland, LTD, 1956.

53. Telezhko G. M. To the Use of Etymological Methods in the Research of the Origin of Slavs // DISCOURSE. 2021. Т. 7, № 1. P. 103−124. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-103-124.

54. Kümmel M. J. Agricultural terms in Indo-Iranian // Language Dispersal Beyond Farming; ed. M. Robbeets, A. Savelyev (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 275–290.

55. Губанов И. Б. Скандинавская бронза из коллекции МАЭ РАН и историко-культурное значение скандинавского бронзового века // Европейское культурное пространство в коллекциях МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 79–99.

56. Тележко Г. М. 3. Следы прагерманских миграций. URL: https://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/825020.html (дата обращения 29.06.2021).

57. Десницкая А. В. О мнимом структурном единстве индоевропейских языков // Известия Академии Наук СССР. 1941. № 1. С. 58–78.

58. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 65–77.

Информация об авторе.

Тележко Георгий Михайлович – кандидат технических наук (1997), независимый исследователь. Автор 52 научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительное языкознание, физика атмосферы, теория относительности.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 29.06.2021; принята после рецензирования 06.09.2021; опубликована онлайн 22.04.2022.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

Оригинальная статья
УДК 81'272
http://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-2-158-173

Ключевые слова как индикаторы коммуникативного поведения дискурсивной личности кандидата в президенты США (на материале текстов жанра предвыборных дебатов)

***Лариса Анатольевна Кочетова*[1], *Яна Юрьевна Демкина*[2]✉**

[1, 2]*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[1]*kochetova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5278-7373*
[2]✉*yanademkina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8892-5328*

Введение. В статье представлен анализ индикаторов коммуникативного поведения кандидатов в президенты США в ходе предвыборных дебатов. Научная новизна состоит в определении специфики характеристик коммуникативного поведения дискурсивной личности, составляющих основу соответствующего социального типажа, которые могут быть выявлены при помощи методов лингвистического анализа. Проведенное исследование дискурсивной личности сводится: к описанию типов ее перформативных действий; выявлению видов коммуникативной тональности, характеризующих манеру поведения и делающих ее узнаваемой; выявлению ее аксиологических характеристик. Актуальность работы заключается в исследовании проблемных аспектов дискурсивной личности, объясняющем специфику моделей коммуникативного поведения в ситуациях политической коммуникации.

Методология и источники. В исследовании использовались методы корпусной лингвистики и интерпретативный метод дискурс-анализа. Тексты жанра предвыборных дебатов, проходивших в период с 2000 по 2020 гг., стали эмпирической основой данного исследования. Объем корпуса этих текстов составил более 1,5 млн слов. Для установления характеристики коммуникативного поведения кандидатов в президенты США были использованы: корпусный метод ключевых слов, выявляющий уникальные лексемы предвыборных выступлений каждого из кандидатов в президенты; метод качественного анализа, объясняющий типичные коммуникативные поступки представителей двух правящих партий США.

Результаты и обсуждение. В данной работе представлены результаты сравнительного анализа дискурсивной личности кандидатов в президенты США представителей Республиканской и Демократической партий. Исследование ключевых слов показало типичные тактики коммуникативного поведения кандидатов в президенты. Установлено, что они используют тактики обвинения в предвыборных дебатах: республиканцы прибегают к тактикам прямого обвинения в нарушении прагматических инструментальных ценностей; демократы предпочитают тактики косвенного обвинения, основанные на обвинениях в нарушении политическими оппонентами моральных норм и ценностей.

Заключение. Дискурсивная личность кандидата в президенты США отражает вариативную социально-идеологическую составляющую политического дискурса, которая

© Кочетова Л. А., Демкина Я. Ю., 2022
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

проявляется в специфическом наборе речевых стратегий и тактик и реализующих их языковых структур.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, дискурсивная личность, корпусная лингвистика, метод ключевых слов, английский язык

Для цитирования: Кочетова Л. А., Демкина Я. Ю. Ключевые слова как индикаторы коммуникативного поведения дискурсивной личности кандидата в президенты США (на материале текстов жанра предвыборных дебатов) // ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-158-173.

Original paper

Key Words as Markers of the Communicative Behavior of the Discursive Personality of the Nominee to the USA Presidency (Based on the Genre of Pre-Election Debates)

***Larisa A. Kochetova*[1], *Yana Yu. Demkina*[2]✉**

[1, 2]*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

[1]*kochetova@volsu.ru, https://orcid.org/0000-0002-5278-7373*
[2]✉*yanademkina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8892-5328*

Introduction. This paper presents an analysis of the language indicators of communicative behavior of US presidential candidates during election debates. The scientific novelty consists of determining the specifics of the characteristics of the communicative behavior of the discursive personality, which form the basis of the corresponding social type, which can be identified using the methods of linguistic analysis. The study of the discursive personality is reduced to a description of the types of its performative actions; identification of types of communicative tonality that characterize the manner of behavior of a discursive personality and make it recognizable; identification of axiological characteristics of the studied discursive personality. The relevance of the work lies in the study of the problematic aspects of the discursive personality, explaining the specifics of the models of communicative behavior in situations of political communication.

Methodology and sources. This study used the methods of corpus linguistics and the interpretative method of discourse analysis. The texts of the genre of election debates, which took place from 2000 to 2020, became the empirical basis of this study. The volume of the corpus of these texts amounted to more than 1.5 million words. A corpus method of keywords, which allows to identify unique tokens of pre-election speeches of each of the presidential candidates; a qualitative analysis method that explains typical communicative actions that representatives of the two ruling parties of the United States, were used to establish the characteristics of the communicative behavior of US presidential candidates.

Results and discussion. The results of a comparative study of the discursive personality of the US presidential candidate representatives of the Republican and Democratic parties are presented. The study of keywords showed typical tactics of communicative behavior of candidates for US presidential candidates of the Democratic and Republican parties. It is established that presidential candidates from both parties use prosecution tactics in election debates, Republicans are more likely to resort to direct accusation tactics accusations of violating pragmatic, instrumental values, Democrats prefer indirect accusation tactics, which are based on accusations of violation of moral norms and values by political opponents.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

Conclusion. The discursive personality of the US presidential candidate reflects the variable socio-ideological component of political discourse, which is manifested in a specific set of speech strategies and tactics and language structures that implement them.

Keywords: discourse, political discourse, discursive personality, corpus linguistics, method of key words, English language

For citation: Kochetov, L.A. and Demkina, Ya.Yu. (2022), "Key Words as Markers of the Communicative Behavior of the Discursive Personality of the Nominee to the USA Presidency (Based on the Genre of Pre-Election Debates)", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 2, pp. 158–173. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-2-158-173 (Russia).

Введение. Анализ дискурса как «интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функций и ситуативной, социокультурной обусловленности» [1, с. 99] традиционно полагается на качественные, основанные на эпистемологическом подходе методы, позволяющие осмыслить социальные процессы, а следовательно, и языковой материал «только через интерпретацию того, как люди понимают окружающий мир и выражают свое понимание при помощи языка» [2, с. 12]. В последнее время в изучении коммуникативных феноменов: текстов, дискурсов, жанров, все чаще применяется методология корпусной лингвистики, основанная на привлечении большого массива текстового материала и извлечении количественных данных об употреблении языковых единиц и структур. Синергизм двух направлений – корпусной лингвистики и теории дискурса, основан на сочетании в исследовательских методиках качественных и количественных методов, дискуссия о значимости которых для лингвистических исследований ведется в науке о языке довольно продолжительное время.

Традиционно считается, что качественным методам свойственны умозрительность и субъективизм, что мешает исследователю исчерпывающе объяснить анализируемое явление на основе объективных данных. Более того, корпусные лингвисты часто критикуют исследователей дискурса за то, что те редко используют статистические инструменты для доказательства того, насколько их выводы, которые часто строятся на основе анализа отдельного текста, можно считать общими для других текстов данного жанра и типа дискурса.

Дискурсивные аналитики в свою очередь утверждают, что корпусные лингвисты сосредоточены на изучении отдельных слов и не учитывают влияние дискурсивных структур и экстралингвистических факторов на формирование смысла [3, p. 45]. Ученых, использующих количественные методы в исследовании коммуникативных процессов, также часто упрекают в упрощении модели, в то время как мир коммуникации сложен и многогранен, в отсутствии внимания к социальным факторам, отрицании контекста и игнорировании сложной системы взаимосвязей, существующей в обществе, что не позволяет должным образом интерпретировать полученные количественные данные, придавая им смысл.

В то же время с точки зрения комплементарности оба подхода представляют собой «естественное сочетание» [4, p. 33]. Рассматривая методологические основы корпусной лингвистики и теории дискурса, можно утверждать, что оба направления лингвистической науки определяют построение абсолютно новых теорий и материал, с которыми они имеют дело, выходит далеко за рамки того, что обычно изучает традиционная лингвистика. Обосновывая преимущества и возможности применения корпусной методологии в дискурсивном

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

анализе, В. Е. Чернявская указывает, что корпусные методы связываются с достижением доказательности в интерпретативных концепциях преодолением тенденциозности и избирательности подходов [5]. В традиционных подходах метод рассматривается как часть теории, в рамках которой он зарождается и применяется. Внедрение количественных методов в лингвистические исследования и их интеграция с качественными, интерпретативными подходами позволяет преодолеть недостатки, присущие каждому из них, и выводит методологию за рамки конкретной лингвистической парадигмы. Метод в этом случае рассматривается как инструмент анализа, способствующий достижению цели исследования.

Интеграция количественных и качественных методов реализуется в сочетании дискурсивного анализа и корпусной лингвистики, которое объединяет социальную и статистическую значимость, преодолевая таким образом опасность количественных методов, которые считают то, что легко сосчитать [6, p. 78], и качественных методов, которые обнаруживают то, что они ожидают найти [7].

Лингвистическое направление, возникающее на стыке обозначенных подходов, имеет различные названия: корпусный критический анализ дискурса («corpus-based CDA» – см., напр. [8]), дискурс-анализ с применением корпусных методов («corpus-assisted discourse studies» (CADS) – см., напр. [9]), корпус и дискурс-анализ («corpora and discourse studies» [10]). Более того, в последнее время все чаще исследования, выполненные в русле корпусной стилистики («corpus stylistics»), корпусной прагматики («corpus pragmatics») и корпусной социолингвистики («corpus-based sociolinguistics» [11]) ставят перед собой цели, так или иначе затрагивающие проблематику дискурс-анализа.

Анализ научных статей, публикуемых в таких журналах, как Corpora и International Journal of Corpus Linguistics, показывает, что более половины из них содержат отсылку к дискурсу в названии, ключевых словах или аннотации. В 2015 г. был основан Journal of Corpora and Discourse Studies, тематика которого неразрывно связана с использованием методов, разрабатываемых в рамках двух направлений. Корпусные данные используются при построении когнитивно-дискурсивных моделей, характеризующих смысловую организацию текстов единой жанровой принадлежности [8, 12], анализе дискурсивных способов конструирования социальной реальности, определении дискурсивных концептов и ценностных смыслов [13, 14].

Цель работы – выявить специфику коммуникативного поведения кандидатов в президенты США в жанре предвыборных дебатов и определить различия в дискурсивных практиках воздействия на электорат представителей Республиканской и Демократической партий.

Методология и источники. В целях выявления специфики коммуникативного поведения дискурсивной личности [15] кандидата в президенты США применяется корпусный метод идентификации ключевых слов с использованием программного инструментария корпус-менеджера AntConc (Anthony, 2019). Дискурсивная личность политика проявляется в различных жанрах дискурса, одним из которых является жанр политических дебатов, в ходе которого кандидаты в президенты пытаются воздействовать на электорат на предстоящих выборах. Данный жанр обладает ярко прагматической функцией.

Поскольку в данном исследовании мы используем метод ключевых слов, то термин «ключевые слова» требует уточнения, поскольку в отечественном языкознании он традиционно

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

употребляется в ином значении. Ключевым считается слово или словосочетание, которое «несет существенную смысловую нагрузку, служит средством смысловой организации текста» [16, с. 74], и частотность его употребления в тексте «превышает частотность использования по данным частотного словаря» [17, с. 149], [18, с. 155–157].

Иное значение метод ключевых слов имеет в корпусной лингвистике [19, 20, 21]. Он позволяет выявить уникальные для исследуемого корпуса лексемы, список которых устанавливается на основе применения статистических методов при сравнении ранжированного по частоте списка слов исследуемого корпуса с аналогичным списком слов референциального корпуса, отличающегося по одному или нескольким параметрам. Метод ключевых слов использовался нами при установлении ценностных доминант в русскоязычном рекламном дискурсе [13]. Каждой лексеме из списка присваивается специальный коэффициент (Keyness), отражающий статистически релевантное различие в частоте его использования в двух корпусах, рассчитывается по формуле, учитывающей частотность его употребления и ранг в сравниваемых корпусах.

В нашем исследовании ключевые слова рассматриваются как индикаторы дискурсивной личности кандидата в президенты США, отражающие специфику коммуникативного поведения. Ключевые слова устанавливаются на основе сопоставления корпусов текстов предвыборных дебатов кандидатов в президенты США от Республиканской и Демократической партий во время предвыборных кампаний в период с 2000 по 2020 гг. Как было сказано, основой для выделения ключевых слов в корпусе, который выступает объектом изучения, является список слов референциального корпуса, выбор которого зависит от цели исследования.

Методы корпусной лингвистики являются ценными для выявления тактик коммуникативного поведения, которые с трудом поддаются квантификации в силу того, что достаточно сложно определить число тактик при помощи простого подсчета. Более того, простое указание частоты обращения к той или иной тактике не позволяет установить статистически значимые различия и сделать обоснованные выводы, касающиеся коммуникативной или прагмалингвистической специфики языкового материала. Для изучения типичных коммуникативных тактик политического воздействия нами предложена корпусная методика, в основе которой лежит корпусный метод ключевых слов. В исследовании мы исходим из гипотезы о том, что политический дискурс характеризуется вариативной социально-идеологической составляющей, которая проявляется в специфическом наборе речевых стратегий и тактик и реализующих их языковых структур. Это позволяет говорить о существовании особого политического социолекта, обладающего, как и любой социолект, корпоративной функцией.

На первом этапе исследования нами был составлен корпус текстов предвыборных дебатов представителей Республиканской и Демократической партий, происходивших в рамках предвыборных кампаний с 2000 по 2020 гг. Структура и данные об анализируемых корпусах представлены в табл. 1 на основе материалов предвыборных кампаний [22–39].

На втором этапе работы, используя программное обеспечение AntConc (Anthony, 2019), мы выделяли ключевые слова, сопоставляя корпус текстов предвыборных дебатов кандидатов в президенты от Республиканской партии с аналогичным корпусом кандидатов в

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

президенты от Демократической партии. Полученный список подвергся качественному анализу, из него были исключены лексемы, обозначающие имена собственные. Из оставшихся слов списка были отобраны полнозначные слова и местоимения. Как показывает табл. 2, ключевые слова подкорпуса текстов выступлений представителей Демократической партии не содержат лексемы, указывающие на конкретные тактики. Скорее, они сигнализируют о стилистических особенностях выступлений, выражающихся в использовании специфических синтаксических структур. В дальнейшем анализе мы исключили из рассмотрения данные лексические единицы и сосредоточились на местоимениях, которые обладают референциальной отнесенностью и свидетельствуют об использовании определенной тактики. Далее изучалась дистрибуция распределения ключевых слов в корпусе и проводился контекстуальный качественный анализ текстовых фрагментов, позволивший установить тактики, к которым прибегают кандидаты в президенты США в жанре предвыборных дебатов. На заключительном этапе были установлены количественные параметры тактик в аспекте референциальной отнесенности местоимений, которые отражают специфику политического социолекта республиканцев и демократов.

Таблица 1. Структура корпуса текстов предвыборных дебатов кандидатов в президенты США
Table 1. The corpus of the pre-election debates texts between Democratic and Republican presidential nominees

Республиканцы	Размер корпуса	Демократы	Размер корпуса
Буш	226 985	Байден	77 101
Ромни	134 143	Гор	112 785
Керри	293 797	Клинтон	112 547
Маккейн	150 923	Обама	295 544
Трамп	207 364	–	–
Всего:	**922 612**	**Всего:**	**597 977**
ИТОГО:			**1 520 589**

Результаты и обсуждение. Список лексем, из которого были отобраны единицы, позволяющие определить тактики коммуникативного поведения участников дебатов (к их числу относятся личные местоимения), был составлен в результате применения функции выделения ключевых слов. В табл. 2 представлена мера K, указывающая на статистическую значимость ключевого слова. Качественный анализ высказываний проведен на основе распределения местоимений в исследуемых корпусах и их референциальной отнесенности на основе материалов предвыборных кампаний [22–39].

Таблица 2. Ключевые слова в финальных предвыборных дебатах кандидатов в президенты от Республиканской и Демократической партий
Table 2. Keywords of the corpus of the pre-election debates between Democratic and Republican presidential nominees

Республиканцы	K	Демократы	K
she	116.109	that	263.804
you	70.802	make	88.610
they	27.443	sure	31.351
‘ll	73.685	we	43.071
‘t	41.147	not	35.537
very	22.308	who	33.284
I	54.587	fact	39.790
bad	41.002	true	37.247

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

Местоимения в политических дебатах используются для обозначения различных участников политической коммуникации. Политик адресует свои высказывания одновременно всему населению страны, своим сторонникам, своим оппонентам, а также международному сообществу [15, с. 152], что определяет присутствие в списке ключевых слов личных местоимений *you*, *we*, *they*, которые имеют различную референциальную отнесенность. Так, в публичных дебатах референтом местоимения *you* может выступать политический оппонент: «*You announce that you're going to launch an attack into another country, it's pretty obvious that you have the effect that it had in Pakistan*»; обобщенный адресат: «*You feel that cynicism and mistrust, because the system in Washington is broken*» [27].

Местоимение *we* может выступать как в инклюзивной, так и эксклюзивной функции: «*We're a nation that believes in the Second Amendment*» или «*We can have serious differences about our health care policy*» [31]. В первом случае местоимение используется в инклюзивной функции и обозначает представителей партии и народ, во втором случае местоимение объединяет политических оппонентов.

Базовой оппозицией политического дискурса является противопоставление «своих» и «чужих». Референциальная отнесенность местоимения *they* включает внешних врагов, другие народы и национальности, например: «*Right now, other nations are taking our jobs and they're taking our wealth*» [22]. Местоимение *they* имеет референциальную отнесенность к политическим оппонентам. Так, характеризуя предвыборную кампанию республиканцев, Байден в предвыборных дебатах обвиняет их в пренебрежительном отношении к религиозным конфессиям, в частности католикам, бедным людям, цветному населению: «*They look down their nose on people like Irish Catholics, like me, and grew up in Scranton. They look down on people who don't have money. They look down on people who are of a different faith. They look down on people who are a different color*» [24].

К данному местоимению прибегает Трамп, когда обвиняет в неспособности создать рабочие места правящую Демократическую партию, которую представляет Хилари Клинтон: «*It's just words, folks. It's just words. Those words, I've been hearing them for many years. I heard them when they were running for the Senate in New York, where Hillary was going to bring back jobs to upstate New York and she failed*» [32].

Отметим, что местоимение *they* может применяться для обозначения всего американского народа или определенной социальной группы, часто используясь для демонстрации своих знаний о потребностях и ожиданиях электората: «*they vote for United States Senators and when they vote for the President of United States. They're not going to get that chance… They can. They do. They need more assistance. … They need when they show up for a 9-11 call to have someone with them as a psychologist or psychiatrist to keep them from having to use force and be able to talk people down*» [23].

Как следует из табл. 2, список ключевых слов текстов предвыборных дебатов кандидатов в президенты от Республиканской партии включает местоимения *you*, *they* и *I*, в списке ключевых слов кандидатов в президенты от Демократической партии присутствует местоимение первого лица множественного числа *we*. В связи с тем, что присутствие в списке местоимения *she* связано с участием в дебатах кандидата в президенты Хилари Клинтон и используется только Дональдом Трампом, исключаем его из дальнейшего анализа. Так как

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

ключевые слова корпуса текстов предвыборных дебатов представителей демократической партии имеют только стилистическую значимость и не маркируют тактики речевого поведения, мы также исключили их из дальнейшего анализа.

Рассмотрим контексты использования данных местоимений, проведем анализ интенций кандидатов в президенты и определим речевые тактики, которые они используют для воздействия на аудиторию в предвыборном политическом дискурсе.

Как показывает анализ корпуса, местоимения распределяются в речи кандидатов в президенты от Республиканской партии следующим образом (табл. 3).

Таблица 3. Частота использования местоимений в текстах предвыборных дебатов кандидатов в президенты от Республиканской партии
Table 3. Frequencies of personal pronouns in the pre-election debates corpus of the Republican presidential nominees

Местоимение	**Буш**	**Ромни**	**Керри**	**Маккейн**	**Трамп**
you	552	299	259	306	959
they	228	179	104	136	540
I	1209	602	479	702	1097

Анализ контекстов показывает, что в предвыборных дебатах кандидатов в президенты США от Республиканской партии местоимение *you* с референцией к политическим оппонентам используется в речевых тактиках обвинения, которые носят в этом случае персонализованный характер: «*Joe, you've had 308,000 military people dying because you couldn't provide them proper healthcare in the military. So don't tell me about this»* [24].

В приведенном примере действующий республиканский президент Трамп, обвиняя Байдена в бездействии, использует местоимение *you* в прогностических тактиках, что позволяет ему позиционировать себя как дальновидного политика, сумевшего предотвратить гораздо большую трагедию. Таким образом, Трамп прибегает к самопрезентации с элементами манипуляции, оперируя необоснованными цифрами: «*And if you were here, it wouldn't be 200, it would be two million people because you were very late on the draw. You didn't want me to ban China, which was heavily infected. You didn't want me to ban Europe»* [24].

Действующий президент Трамп использует также местоимение *you* в речевых тактиках упрека: *«I'm cutting drug prices. I'm going with Favored Nations, which no President has the courage to do because you're going against big pharma. Drug prices will be coming down 80 or 90 %. You could have done it during your 47-year period in government, but you didn't do it. Nobody's done it»* [22].

Как показывает приведенный фрагмент, Трамп позиционирует себя как смелого и решительного политика, который не боится противостоять фармацевтическим корпорациям и борется за снижение цен на лекарства. Действующий президент считает, что за продолжительное время, которое Байден работает в правительстве, он также мог защищать интересы простых американцев. Таким образом, мы видим, что обвинения Трампа строятся на ценностных пресуппозициях, выражающих готовность к действию, решимость, смелость, практичность, а у политических оппонентов он осуждает нерешительность и бездействие.

Тактики обвинения политических оппонентов типичны для всех кандидатов в президенты от Республиканской партии. Так, в отсутствии действий обвиняет демократов Джордж Буш: «*Vice President, you've been there for eight years and nothing has been done»* [37];

он же, обвиняя демократов в том, что они перекладывают непомерные долги на будущие поколения американцев, призывает к немедленным действиям: «*You leave future generations with tremendous IOUs. It's time to have a leader who doesn't put off till tomorrow what we should do today*» [38].

Различия в использовании местоимения *you* состоят в том, что республиканцы используют его при прямом обращении к своему оппоненту, а кандидаты в президенты от Демократической партии – при адресации к большинству населения страны. Так, Байден, противопоставляет действующего президента и самых богатых людей страны простым американцам, подчеркивая, что Трамп действует прежде всего на благо большого бизнеса, к которому он и сам принадлежит: «*You have to provide them classic- the difference is millionaires and billionaires like him in the middle of the COVID crisis have done very well. Billionaires have made another $ 300 billion because of his profligate tax proposal, and he only focused on the market. But you folks at home, you folks living in Scranton and Claymont and all the small towns and working class towns in America, how well are you doing? This guy paid a total of $ 750 in taxes*» [22].

Байден обвиняет Трампа во лжи, бездействии, отсутствии плана по исправлению ситуации, коррупции, стремлении к извлечению прибыли, для оценочной квалификации которых применяются отрицательно окрашенные оценочные единицы. Дж. Байден прибегает к использованию отрицательных форм глаголов, которые дают оценочную квалификацию деятельности действующего президента: «*He sends out wishful thinking. He has Executive Orders that have no power. He hasn't lowered drug costs for anybody. He's been promising a healthcare plan since he got elected. He has none, like almost everything else he talks about. He does not have a plan. He doesn't have a plan. And the fact is this man doesn't know what he's talking about*» [23].

В рамках проведенного исследования было обнаружено, что Дж. Байден часто эксплицитно выражает нежелание слушать своего оппонента, старается максимально игнорировать Д. Трампа, прибегая к тактике обвинения, что выражается в использовании местоимения *he*, например: «*The fact is that everything he's saying so far is simply a lie. I'm not here to call out his lies. Everybody knows he's a liar*» [22]. Байден апеллирует к тому факту, что в словах Трампа – ложь, и он тем самым нарушает моральные ценности.

Местоимение *you* демократы также используют в тактиках прямого призыва, обращаясь к народу Америки: «*That's not true. It doesn't want to talk about what you need. You, the American people. It's about you. That's what we're talking about here*» [22]. В табл. 4 представлены данные, указывающие на частотность применения местоимений в текстах предвыборных дебатов кандидатов в президенты от Демократической партии.

Таблица 4. Частота использования местоимений в текстах предвыборных дебатов кандидатов в президенты от Демократической партии
Table 4. Frequencies of personal pronouns in the pre-election debate corpus of the Democratic presidential nominees

Местоимение	Байден	Гор	Клинтон	Обама
we	242	310	426	1 553
they	154	106	97	320
you	222	228	236	618

Помимо анафорической функции местоимение *they* имеет референциальную отнесенность к политическим оппонентам, другим странам и социальным группам, а также к изби-

рателям. Как было отмечено, в предвыборных выступлениях республиканцев доминируют тактики обвинения, которые в случае использования местоимения *they* носят обобщенный характер: «*They think they're hurting us by keeping them closed. They're hurting people»* [22]. Обвиняя демократов в том, что они вводят локдауны в управляемых ими штатах, Трамп заявляет, что они вредят не республиканцам, а простым людям.

В предвыборных дебатах республиканцев местоимение *they* используется в тактиках предостережения, которые указывают на угрозы, исходящие извне: «*Our country is in big trouble. We don't know what we're doing when it comes to devaluations and all these countries all of the world, especially China. They are the best, the best ever at it. What they are doing to us is a very, very sad thing»* [23].

Кандидаты в президенты от Демократической партии местоимение *they* преимущественно применяют для обозначения своих избирателей, народа Америки: «*The American people have a right to have a say in who the Supreme Court nominee is and that say occurs when they vote for United States Senators and when they vote for the President of United States. They're not going to get that chance now because we're in the middle of an election already»* [23].

В предвыборных речах представителей Демократической партии ключевым является местоимение *we*, которое имеет различную референциальную отнесенность. Хилари Клинтон заявляет о несоответствии Трампа, используя тактики обвинения в расизме, сексизме, опираясь на использование инклюзивного местоимения *we*, включающего саму Хилари и представителей всего американского общества, разделяющего ценности толерантности, гендерного равноправия. Они стали свидетелями недопустимого поведения кандидата в президенты, нарушающего базовые ценности американского общества: «*Because we've seen this throughout the campaign. We have seen him insult women. We've seen him rate women on their appearance, ranking them from one to ten. We've seen him embarrass women on TV and on Twitter. We saw him after the first debate spend nearly a week denigrating a former Miss Universe in the harshest, most personal terms»* [32].

«So, yes, this is who Donald Trump is. But it's not only women, and it's not only this video that raises questions about his fitness to be our president, because he has also targeted immigrants, African-Americans, Latinos, people with disabilities, POWs, Muslims, and so many others» [32].

Местоимение *we* часто употребляется демократами в тактиках солидаризации с народом, в основе которых лежит обращение к общедемократическим ценностям: *...we will respect one another, ...we will work with one another ...we will celebrate our diversity*.

Местоимение *they* с референцией к политическому оппоненту используется демократами в тактиках негативного прогнозирования действий политических оппонентов на основе модальности сомнения: *...Will they create jobs in America? Will they raise incomes in America? ...are they good for our national security?*

Следует отметить, что обращение к тактикам солидаризации, прямые призывы к избирателям, демонстрация осведомленности о нуждах и чаяниях избирателей призваны формировать доверительную тональность предвыборных выступлений кандидатов в президенты от Демократической партии.

Общими в использовании местоимения *we* республиканцами и демократами являются тактики ориентации при обозначении программной позиции или программного заявления.

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

Так, кандидат в президенты от демократов Байден говорит о том, что он будет продолжать реформу в здравоохранении, принятую Бараком Обамой: «*What I proposed is that we expand Obamacare and we increase it*» [22]. Кандидат в президенты от республиканцев Буш заявляет о намерениях защищать страну от внешних угроз*:* «*At home, we'll do everything we can to protect the homeland. I signed the homeland security bill to better align our assets and resources»* [37].

Сводные данные о частотности использования личных местоимений и их референциальной отнесенности приведены в табл. 5 на основе материалов предвыборных кампаний [22–39].

Таблица 5. Частота использования местоимений в жанре предвыборных дебатов с указанием референциальной отнесенности
Table 5. Frequencies of personal pronouns with the indication of reference in the pre-election debate corpus

Местоимение	**Референциальное значение**	**Республиканцы**	**Демократы**
they	Референция к «чужим» (другим народам и нациям)	155	66
	Референция к политическим оппонентам	152	8
	Референция к избирателям	17	96
we	Инклюзивное обращение: мы с вами	234	566
	Эксклюзивное обращение: мы как партия, вы как народ	568	987
you	Референция к политическому оппоненту	324	159
	Референция к обобщенному адресату, американскому народу	110	180

Как показывают примеры, не наблюдается прямой корреляции между местоимениями и видами речевых тактик, вместе с тем данные языковые единицы служат надежным индикатором определения тактик, которые в дальнейшем подвергаются тщательному интерпретативному анализу.

Заключение. Методы корпусной лингвистики, в частности метод ключевых слов, позволяют описать типичные модели поведения дискурсивной личности кандидата в президенты США на основе методов количественного анализа. Использование корпусного метода ключевых слов позволило установить уникальные лексемы для каждого из исследуемых подкорпусов и определить особенности тактик ведения предвыборных дебатов кандидатами в президенты США от Республиканской и Демократической партий.

В результате анализа нашла подтверждение гипотеза авторов о том, что вариативная социально-идеологическая составляющая политического дискурса проявляется в специфическом наборе речевых стратегий и тактик и реализующих их языковых структур. Установлено, что в речевых тактиках обвинения республиканцы чаще выбирают объектами политических оппонентов, которые обозначаются местоимениями *they* и *you*. Использование в тактиках обвинения местоимения *you* с референциальной отнесенностью к оппоненту позволяет говорить о более агрессивной тональности республиканцев. Политические противники осуждаются за бездействие, нерешительность, т. е. нарушение практических, прагматических, инструментальных ценностей. К важным тактикам республиканцев относятся тактики негативного прогнозирования, связанные с внешними угрозами.

Кандидаты в президенты от Демократической партии значительно чаще используют тактики прямого призыва к избирателям, которые маркируются инклюзивным местоимением *we* и местоимением второго лица множественного числа *you*. В тактиках обвинения

политических оппонентов демократы прибегают к приему солидаризации с избирателями, в предвыборных дебатах демократов доминируют прямые призывы к избирателям, демонстрация осведомленности об их нуждах и чаяниях, что свидетельствует о доверительной коммуникативной тональности. Критикуя своих политических оппонентов, демократы обвиняют их в нарушении моральных ценностей, составляющих основу американского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

2. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011.

3. Cameron D. Dreaming the Dictionary: *Keywords* and corpus linguistics // Key words: A J. of cultural materialism. 1998. № 1. P. 35–45.

4. Mautner G. Corpora and critical discourse analysis // Contemporary Corpus Linguistics / ed. P. Baker. London: Continuum, 2009. P. 32–46.

5. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественных и количественных подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

6. Stubbs M., Gerbig A. Human and Inhuman Geography: on the computer-assisted analysis of long texts // Data, Description, Discourse: Papers on the English Language in Honour of John McH Sinclair on his Sixtieth Birthday / ed. M. Hoye. London: HarperCollins, 1993. P. 64–85.

7. Stubbs M. Whorf's children: critical comments on critical discourse analysis // Evolving Models of Language / eds. A. Ryan, A. Wray. Clevedon: Multilingual Matters, 1997. P. 100–116.

8. Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis. London: Continuum, 2006.

9. Partington A. Corpora and discourse, a most congruous beast // Corpora and Discourse / eds. A. Partington, J. Morley, L. Haarman. Bern: Peter Lang, 2004. P. 11–20.

10. Baker P., McEnery T. Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

11. Friginal E., Hardy J. Corpus-based sociolinguistics: A Guide for Students. London, NY: Routledge, 2014.

12. Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Динамика репрезентации процессуальной составляющей спортивного события в диахроническом корпусе // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 47–57. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.5.

13. Кочетова Л. А., Кононова И. В. Когнитивно-корпусный подход к анализу конструирования ценностных смыслов в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 65–74.

14. Ульянова У. А., Петроченко Л. А. Ключевые слова в тексте «Missing Manual»: проблемы выявления // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 68–81. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.7.

15. Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014.

16. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.

17. Воронина И. Е., Кретов А. А., Попова И. В. Алгоритмы определения семантической близости ключевых слов по их окружению в тексте // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Системный анализ и информационные технологии. 2010. № 1. С. 148–153.

18. Караулов Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М.: Наука, 1992.

19. Scott M. PC analysis of key words – and key key words // System. 1997. Vol. 25, iss. 2. P. 233–245. DOI: https://doi.org/10.1016/S0346-251X(97)00011-0.

20. Scott M. WordSmith Tools Manual, Version 6, available at: http://lexically.net/downloads/version6/wordsmith6.pdf (2015) (дата обращения: 02.02.2022).

21. Stubbs M. Three concepts of keywords // Keyness in Texts: Corpus Linguistics Investigations / M. Bondi, M. Scott (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 21–42. DOI: https://doi.org/10.1075/scl.41.03stu.

22. Donald Trump & Joe Biden 1-st Presidential Debate Transcript 2020 // Rev.com. 29.09.2020. URL: https://www.rev.com/blog/ transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020 (дата обращения: 12.02.2022).

23. Presidential Debate at Case Western Reserve University and Cleveland Clinic in Cleveland, Ohio // The Commission on Presidential Debates. 29.09.2020. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-29-2020-debate-transcript (дата обращения: 12.02.2022).

24. Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript 2020 // Rev.com. 22.10.2020. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020 (дата обращения: 12.02.2022).

25. 2008 First Presidential Debate: Barack Obama and John McCain // Englishtips.org. 29.09.2008. URL: http://englishtips.org/1150804178-2008-first-presidential-debate-barack-obama-and.html (дата обращения: 18.02.2022).

26. The Second Presidential Debate // The New York Times. 07.10.2008. URL: https://www.nytimes.com/elections/2008/president/debates/transcripts/second-presidential-debate.html (дата обращения: 18.02.2022).

27. The Third Presidential Debate // The New York Times. 15.10.2008. URL: https://www.nytimes.com/elections/2008/president/debates/transcripts/third-presidential-debate.html (дата обращения: 18.02.2022).

28. Barack Obama & Mitt Romney 1-st Presidential Debate Transcript 2012 // Rev.com. 03.10.2012. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/barack-obama-vs-mitt-romney-1st-presidential-debate-transcript-2012 (дата обращения: 15.02.2022).

29. Barack Obama & Mitt Romney 2-nd Presidential Debate Transcript 2012 // Rev.com. 16.10.2012. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/barack-obama-vs-mitt-romney-2nd-presidential-debate-transcript-2012 (дата обращения: 15.02.2022).

30. President Barack Obama and former Gov. Mitt Romney, r-mass., participate in a candidates debate, Lynn university, Boca Raton, Florida // The Commission on Presidential Debates. 22.10.2012. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-22-2012-the-third-obama-romney-presidential-debate (дата обращения: 15.02.2022).

31. Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript 2016 // Rev.com. 26.09.2016. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016 (дата обращения: 17.02.2022).

32. Hillary Clinton & Donald Trump 2-nd Presidential Debate Transcript 2016 // Rev.com. 09.10.2016. URL: https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-2nd-presidential-debate-transcript-2016 (дата обращения: 17.02.2022).

33. Full transcript: Hillary Clinton and Donald Trump's final presidential debate // Vox.com. 20.10.2016. URL: https://www.vox.com/policy-and-politics/2016/10/19/13336894/third-presidential-debate-live-transcript-clinton-trump (дата обращения: 17.02.2022).

34. The First Bush-Kerry Presidential Debate // The Commission on Presidential Debates. 30.09.2004. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-30-2004-debate-transcript (дата обращения: 17.02.2022).

35. Poll: Bush, Kerry even in 2nd debate // CNN. 09.10.2004. URL: https://edition.cnn.com/2004/ALLPOLITICS/10/09/snap.poll/index.html (дата обращения: 17.02.2022).

36. The Third Bush-Kerry Presidential Debate // The Commission on Presidential Debates. 13.10.2004. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-13-2004-debate-transcript/ (дата обращения: 17.02.2022).

ДИСКУРС. 2022. Т. 8, № 2. С. 158–173
DISCOURSE. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 158–173

37. The Second Gore-Bush Presidential Debate // The Commission on Presidential Debates. 29.09.2020. URL: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript (дата обращения: 19.02.2022).

38. The 2000 Campaign: 2nd Presidential Debate Between Gov. Bush and Vice President Gore // The New York Times. 12.10.2000. URL: https://www.nytimes.com/2000/10/12/us/2000-campaign-2nd-presidential-debate-between-gov-bush-vice-president-gore.html (дата обращения: 19.02.2022).

39. 2000 Presidential Election of George W. Bush vs. Al Gore // ThoughtCo. 23.05.2019. URL: https://www.thoughtco.com/2000-election-george-bush-al-gore-104624 (дата обращения: 19.02.2022).

Информация об авторах.

Кочетова Лариса Анатольевна – доктор филологических наук (2013), доцент (2010), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, дискурс, корпусная лингвистика.

Демкина Яна Юрьевна – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс, корпусная лингвистика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 08.02.2022; принята после рецензирования 02.03.2022; опубликована онлайн 22.04.2022.

REFERENCES

1. Makarov, M.L. (2003), *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the theory of discourse], Gnosis, Moscow, RUS.

2. Leontovich, O.A. (2011), *Metody kommunikativnykh issledovanii* [Methods of communication research], Gnosis, Moscow, RUS.

3. Cameron, D. (1998), “Dreaming the Dictionary: *Keywords* and corpus linguistics”, *Key words: A J. of cultural materialism*, no. 1, pp. 35–45.

4. Mautner, G. (2009), “Corpora and critical discourse analysis”, *Contemporary Corpus Linguistics*, in Baker, P. (ed.), Continuum, London, UK, pp. 32–46.

5. Chernyavskaya, V.E. (2018), “Missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies”, *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 31–37.

6. Stubbs, M. and Gerbig, A. (1993), “Human and Inhuman Geography: on the computer-assisted analysis of long texts”, *Data, Description, Discourse: Papers on the English Language in Honour of John McH Sinclair on his Sixtieth Birthday*, in Hoye, M. (ed.), HarperCollins, London, UK, pp. 64–85.

7. Stubbs, M. (1997), “Whorf’s children: critical comments on critical discourse analysis”, *Evolving Models of Language*, in Ryan A., Wray A. (eds.), Multilingual Matters, Clevedon, UK, pp. 100–116.

8. Baker, P. (2006), *Using Corpora in Discourse Analysis*, Continuum, London, UK.

9. Partington, A. (2004), “Corpora and discourse, a most congruous beast”, *Corpora and Discourse*, in Partington, A., Morley, J. and Haarman, L. (eds.), Peter Lang, Bern, CHE, pp. 11–20.

10. Baker, P. and McEnery, T. (2015), *Corpora and Discourse Studies: Integrating Discourse and Corpora*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.

11. Friginal, E. and Hardy, J. (2014), *Corpus-based sociolinguistics: A Guide for Students*, Routledge, London, NY, UK.

12. Ilyinova, E.Yu. and Kochetova, L.A. (2017), “Dynamics of process constituent representation of sports event in diachronic corpus”, *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 16, no. 2. pp. 47–57. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.5.

13. Kochetova, L.A. and Kononova, I.V. (2019), “A cognitive corpus approach to the study of construing values in advertising discourse”, *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 65–74.

14. Ulyanova, U.A. and Petrochenko, L.A. (2017), “Key words in the text of the "Missing Manual": the problems of identification”, *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 16, no. 2, pp. 68–81, DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.7.

15. Karasik, V.I. (2014), *Yazykovoe proyavlenie lichnosti* [Linguistic manifestation of personality], Paradigma, Volgograd, RUS.

16. Murzin, L.N. and Shtern, A.S. (1991), *Tekst i ego vospriyatie* [Text and its perception], Izd-vo Ural. un-ta, Sverdlovsk, 1991, RUS.

17. Voronina, I.E., Kretov, A.A. and Popova, I.V. (2010), “Algorithms of semantic proximity assessment based on the lexical environment of the keywords in a text”, *Proceedings of Voronezh State Univ. Series: Systems Analysis and Information Technologies*, no. 1, pp. 148–153.

18. Karaulov, Yu.N. (1992), *Slovar' Pushkina i evolyutsiya russkoi yazykovoi sposobnosti* [Pushkin's Dictionary and the Evolution of Russian Language Ability], Nauka, Moscow, RUS.

19. Scott, M. (1997), “PC analysis of key words – and key key words”, *System*, vol. 25, iss. 2, pp. 233–245. DOI: https://doi.org/10.1016/S0346-251X(97)00011-0.

20. Scott, M. (2015), *WordSmith Tools Manual, Version 6*, available at: http://lexically.net/downloads/version6/wordsmith6.pdf (accessed 02.02.2022).

21. Stubbs, M. (2010), “Three concepts of keywords”, *Keyness in Texts: Corpus Linguistics Investigations*, in Bondi, M. and Scott, M. (eds.), John Benjamins, Amsterdam, NDL, pp. 21–42. DOI: https://doi.org/10.1075/scl.41.03stu.

22. “Donald Trump & Joe Biden 1-st Presidential Debate Transcript 2020”, *Rev.com*, 29.09.2020, available at: https://www.rev.com/blog/ transcripts/donald-trump-joe-biden-1st-presidential-debate-transcript-2020 (accessed 12.02.2022).

23. “Presidential Debate at Case Western Reserve University and Cleveland Clinic in Cleveland”, *The Commission on Presidential Debates*, 29.09.2020, available at: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-29-2020-debate-transcript (accessed 12.02.2022).

24. “Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript 2020”, *Rev.com*, 22.10.2020, available at: https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020 (accessed 12.02.2022).

25. “2008 First Presidential Debate: Barack Obama and John McCain”, *Englishtips.org*, 29.09.2008, available at: http://englishtips.org/1150804178-2008-first-presidential-debate-barack-obama-and.html (accessed 18.02.2022).

26. “The Second Presidential Debate”, *The New York Times*, 07.10.2008, available at: https://www.nytimes.com/elections/2008/president/debates/transcripts/second-presidential-debate.html (accessed 18.02.2022).

27. “The Third Presidential Debate”, *The New York Times*, 15.10.2008, available at: https://www.nytimes.com/elections/2008/president/debates/transcripts/third-presidential-debate.html (accessed 18.02.2022).

28. “Barack Obama & Mitt Romney 1-st Presidential Debate Transcript 2012”, *Rev.com*, 03.10.2012, available at: https://www.rev.com/blog/transcripts/barack-obama-vs-mitt-romney-1st-presidential-debate-transcript-2012 (accessed 15.02.2022).

29. “Barack Obama & Mitt Romney 2-nd Presidential Debate Transcript 2012”, *Rev.com*, 16.10.2012, available at: https://www.rev.com/blog/transcripts/barack-obama-vs-mitt-romney-2nd-presidential-debate-transcript-2012 (accessed 15.02.2022).

30. “President Barack Obama and former Gov. Mitt Romney, r-mass., participate in a candidates debate, Lynn university, Boca Raton, Florida”, *The Commission on Presidential Debates*, 22.10.2012,

available at: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-22-2012-the-third-obama-romney-presidential-debate (accessed 15.02.2022).

31. "Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript 2016", *Rev.com*, 26.09.2016, available at: https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016 (accessed 17.02.2022).

32. "Hillary Clinton & Donald Trump 2-nd Presidential Debate Transcript 2016", *Rev.com*, 09.10.2016, available at: https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-2nd-presidential-debate-transcript-2016 (accessed 17.02.2022).

33. "Full transcript: Hillary Clinton and Donald Trump's final presidential debate", *Vox.com*, 20.10.2016, available at: https://www.vox.com/policy-and-politics/2016/10/19/13336894/third-presidential-debate-live-transcript-clinton-trump (accessed 17.02.2022).

34. "The First Bush-Kerry Presidential Debate", *The Commission on Presidential Debates*, 30.09.2004, available at: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-30-2004-debate-transcript (accessed 17.02.2022).

35. "Poll: Bush, Kerry even in 2nd debate", *CNN*, 09.10.2004, available at: https://edition.cnn.com/2004/ALLPOLITICS/10/09/snap.poll/index.html (accessed 17.02.2022).

36. "The Third Bush-Kerry Presidential Debate", *The Commission on Presidential Debates*, 13.10.2004, available at: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-13-2004-debate-transcript/ (accessed 17.02.2022).

37. "The Second Gore-Bush Presidential Debate", *The Commission on Presidential Debates*, 29.09.2020, available at: https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript (accessed 19.02.2022).

38. "The 2000 Campaign: 2nd Presidential Debate Between Gov. Bush and Vice President Gore", *The New York Times*, 12.10.2000, available at: https://www.nytimes.com/2000/10/12/us/2000-campaign-2nd-presidential-debate-between-gov-bush-vice-president-gore.html (accessed 19.02.2022).

39. "2000 Presidential Election of George W. Bush vs. Al Gore", *ThoughtCo*, 23.05.2019, available at: https://www.thoughtco.com/2000-election-george-bush-al-gore-104624 (accessed 19.02.2022).

Information about the authors.

Larisa A. Kochetova – Dr. Sci. (Philology) (2013), Docent (2010), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professora Popova str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 100 scientific publications. Area of expertise: cross-cultural studies, discourse studies, corpus linguistics.

Yana Yu. Demkina – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professora Popova str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: discourse studies, stylistics, cross-cultural studies, corpus linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 08.02.2022; adopted after review 02.03.2022; published online 22.04.2022.

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

● по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

➢ электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

➢ каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

➢ сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *а*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть*:

– УДК (выравнивание по левому краю);

– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте http://search.crossref.org/ или https://www.citethisforme.com.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. http://ru.translit.net/?account=bsi). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

09.00.01 – Онтология и теория познания;
09.00.03 – История философии;
09.00.04 – Эстетика;
09.00.05 – Этика;
09.00.07 – Логика;
09.00.08 – Философия науки и техники;
09.00.11 – Социальная философия;
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
22.00.05 – Политическая социология;
22.00.06 – Социология культуры;
22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

10.02.04 – Германские языки;
10.02.19 – Теория языка;
10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова, Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova, E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 22.04.22. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 23,14. Печ. л. 22,25. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 55.
Цена свободная.

Signed to print 22.04.22. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 23,14. Conventional printed sheets 22,25. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 55.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56